

15-88
0-26

К. Обуховский
ПСИХОЛОГИЯ
ВЛЕЧЕНИЙ
ЧЕЛОВЕКА

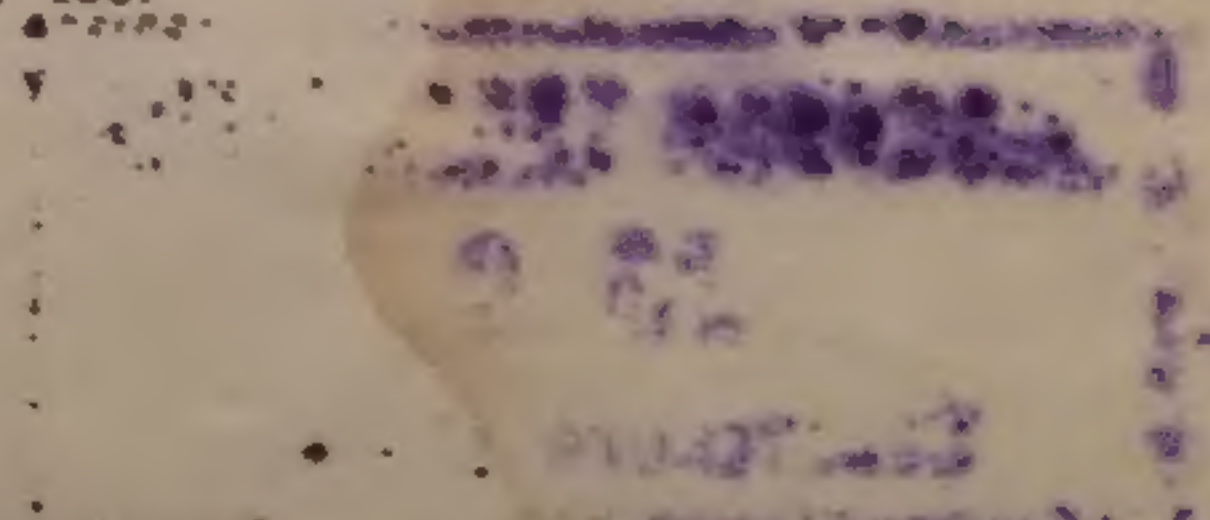
Kazimierz Obuchowski

PSYCHOLOGIA
DĄŻEŃ
LUDZKICH

Wydanie drugie

Państwowe Wydawnictwo Naukowe

Warszawa 1967

105370

11

88 15
0-26

К. Обуховский

ПСИХОЛОГИЯ ВЛЕЧЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Перевод с польского
В. И. Могилева
Под редакцией и с послесловием
д-ра мед. наук проф.
Б. М. Сегала

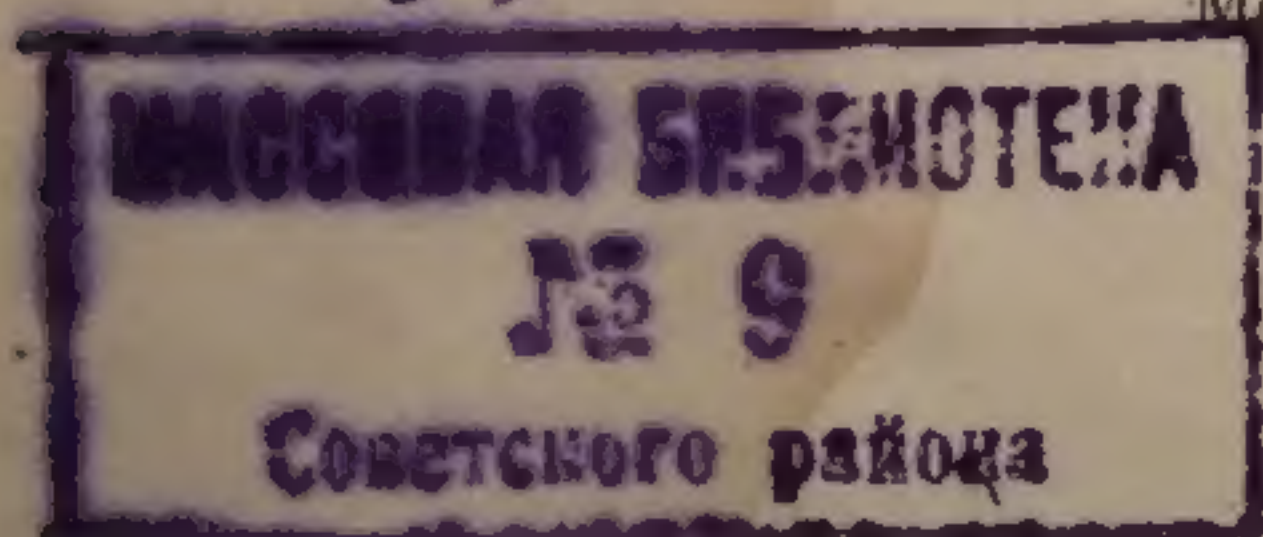
105370 07
K
14

03

78 87

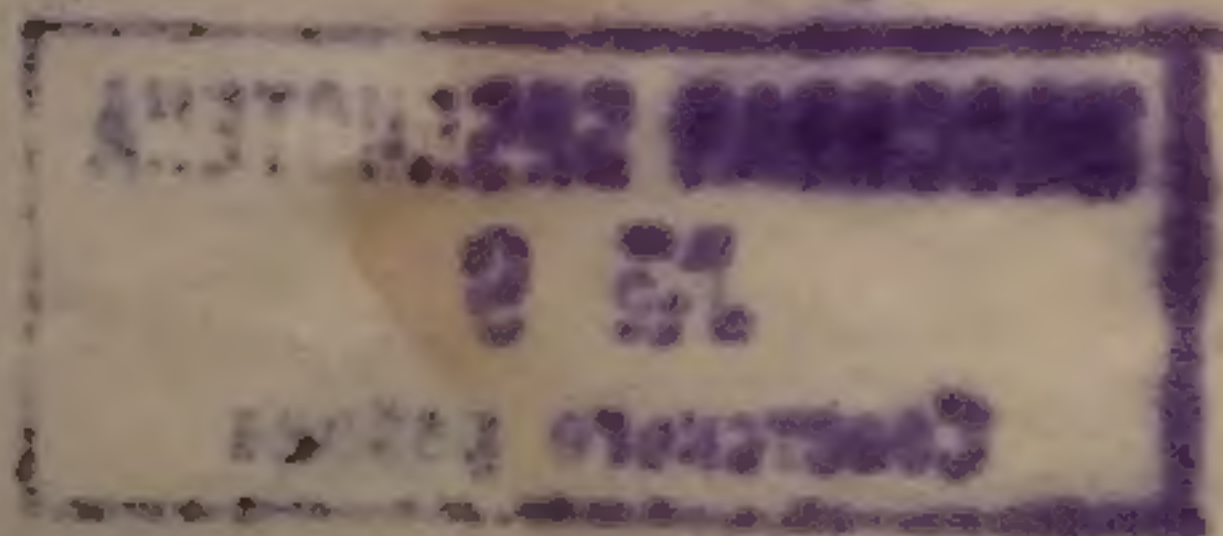
03

Издательство «Прогресс»
Москва 1972

Редакция литературы по вопросам философии и права

1-5-7
5-72

Моногра
ского унив
некоторых
Автор
личные по
анализиру
новок, фо
ным проб
Привле
ский мате
гических
рах показ
факторов
адаптивно
только по
же разр
рации.
В кни
ляет чит
зрения п
ности, п
достаточ
Книга
теллиген

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Предисловие автора к русскому изданию	7
От автора	9
Глава I. Мотив поведения	11
1. Введение	11
2. Определение мотива	17
3. Направляющая и контролирующая функция мотива	22
4. Защитная роль мотива	28
5. Опознавательные критерии защитного мотива	32
6. Цель, направление и результат действия	36
7. Применение и границы применимости понятия мотива	40
Глава II. Установка (отношение) и процесс выбора мотива	47
1. Определение термина «установка»	47
2. Принцип исключения мотива	51
3. Общие замечания	58
Глава III. Потребности человека	60
1. Проблема факторов, динамизирующих поведение	60
2. Потребности и механизм саморегуляции	64
3. Потребность — процесс или свойство личности?	68
4. Классификация общих потребностей	75
5. Индивидуализация способов удовлетворения потребностей	81
Глава IV. Физиологические потребности	85
1. Общая характеристика физиологических потребностей	85
2. Влияние неудовлетворения потребности в пище на психические процессы	89
3. Зависимость удовлетворения потребности в пище от особенностей личности	96

Глава V. Сексуальная потребность	101
1. Потребность сохранения вида	101
2. Специфичность человеческой сексуальной потребности	105
3. Влияние сексуальных напряжений на саморегуляцию	107
4. Критика концепции сублимации	109
5. Роль сексуальной потребности в жизни человека	113
Глава VI. Структура ориентировочных потребностей	120
Глава VII. Познавательная потребность	130
1. Основные понятия	130
2. Динамика познания	133
3. Познавательная потребность и ясность ума	148
Глава VIII. Потребность в эмоциональном контакте	157
1. Концепция «стадного стремления» Яна Мазуркевича	157
2. Анализ понятия эмоционального контакта	159
3. Эмоциональный контакт и познавательная потребность	163
4. Динамика потребности в эмоциональном контакте	166
5. Препятствия в удовлетворении потребности в эмоциональном контакте	168
6. Фазы развития потребности в эмоциональном контакте	173
7. Комплекс неполноценности как разновидность комплекса различия	177
Глава IX. Потребность смысла жизни	181
1. Введение	181
2. Определение потребности смысла жизни	184
3. Характеристика способов удовлетворения потребности смысла жизни	186
4. Дефектные методы удовлетворения потребности смысла жизни	192
5. Некоторые существовавшие до настоящего времени взгляды	199
6. Генезис потребности смысла жизни	201
7. Фазы развития способов удовлетворения потребности смысла жизни	209
Заключение	215
Послесловие	217
Библиография на русском языке	238
Библиография на иностранных языках	240

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Монография польского психолога профессора Познаньского университета К. Обуховского посвящена анализу некоторых аспектов мотиваций поведения человека.

Автор с марксистских позиций рассматривает различные побудительные силы человеческой деятельности, анализирует концепции мотивов, потребностей и установок, формулируя свои взгляды по этим дискуссионным проблемам.

Привлекая большой экспериментально-психологический материал и данные собственных клинико-психологических исследований, К. Обуховский на ярких примерах показывает значение «внешних» и «внутренних» факторов в происхождении различных форм нарушений адаптивного поведения. Эти данные представляют не только познавательный интерес, но и способствуют также разработке психологических принципов психотерапии.

В книге приводится более 150 источников, что позволяет читателю познакомиться с различными точками зрения по этому кругу вопросов. Использованы, в частности, исследования польских психологов, которые недостаточно известны советскому читателю.

Книга представляет интерес для широких кругов интеллигенции.

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

С те
гами вс
отдельн
новка в
дулись
структур
в одно
Если та
ствия, в
дении. П
привле
то, что
и явля
отношен
процесс
знаний
ностями
Поэт
у челове
действи
только
жизни
хх, — в
опреде
задачи
человек
души
хотел
В этом
хотели
важно
ским
тательн

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

С того исторического момента, когда перед психологами встала практическая задача объяснения поведения отдельного конкретного человека, изменилась и постановка психологических проблем. На первое место выдвинулись проблемы мотивации. Стало ясно, что сложную структуру регуляторных процессов человека интегрирует в одно целое та задача, которую он ставит перед собой. Если такой задачи нет, то нет и программы и цели действия, нет организованного, строго направленного поведения. Процессы инициации и реализации действий, направленных на данную цель, процессы, определяющие то, что человек совершает данный поступок, а не иной, и являются мотивационными процессами. Конечно, в этом отношении мотивация неразрывно и сложно связана с процессами отражения действительности, комплексом знаний и умений, с психическими установками, потребностями и биологическими влечениями.

Поэтому всякое изучение мотивационных процессов у человека есть, по сути дела, изучение личности в ее действии, личности, структура которой определена не только прошлым: индивидуальным опытом, результатом жизни в данных социальных и биологических условиях, — но и будущим. Это значит, что личность человека определена также и тем, к чему он стремится, какие задачи может и хочет ставить перед собой. Личность человека — это система, предназначенная к решению будущих задач; и глубоко ошибается психолог, который хотел бы понять ее на основании только ее прошлого. В этом состоит, между прочим, заблуждение как психоанализа, так и бихевиоризма всех оттенков. Особенно важно учитывать этот факт, приступая к психологическим прогнозам, а также психокоррекционным и воспитательным мероприятиям.

Таковы вкратце взгляды автора на основы психологии мотивации. Они объясняют способ изложения проблемы психологии человеческих влечений.

Мне представилась возможность почти два года близко сотрудничать со многими советскими психологами. Когда я читал лекции в Московском университете, проводил исследования в Институте им. Бехтерева в Ленинграде, изучал психологию установок в Тбилиси, я встретил не только радушный, дружеский прием, но и настоящий серьезный интерес к современным проблемам психологии личности. Горячие и долгие споры не только дали мне возможность расширить и углубить профессиональный кругозор, но и позволили высоко оценить научные достижения советских психологов. Их мнение об этой книге будет иметь для меня большое значение. Поэтому я очень признателен издательству «Прогресс», которое предоставило мне возможность, издавая мою книгу, возобновить научные отношения с советскими коллегами, что я считаю большой честью для себя.

Казимеж Обуховский

Институт психологии
Познаньского университета им. А. Мицкевича

Познань, 20 мая 1970 г.

Самое существование не является для человека достаточной целью существования и достаточно сильным мотивом преодоления действительности.

Стефан Шуман

ОТ АВТОРА

Хорошая книга должна сама защищать себя от нападков критиков-непрофессионалов. Однако редко автор бывает настолько уверен в своем произведении, чтобы после написания последней страницы не начать поисков фразы-заклинания. Той фразы, которая могла бы обеспечить правильное понимание замысла, главных идей, которая могла бы предупредить нападки и вызвать интерес, то есть все то, что должно дать само по себе чтение работы.

К прискорбию, подобное заклинание все еще остается только мечтой, питаемой, правда, сообщениями о перспективах, основывающихся на экспериментах по электрической стимуляции мозга. Пока, впрочем, нейрохирургов не привлекают к сотрудничеству с издательствами и не поручают им подготавливать читателей к восприятию предлагаемого текста. Автору не остается ничего иного, как ограничиться несколькими замечаниями информационного характера.

Эта книга возникла как результат раздумий психолога-практика, который среди разнородных дефиниций, миниатюрных теорий, строгих фактов и пожеланий, складывающихся в современную теорию мотивации, искал удовлетворительного объяснения невротических форм нарушения приспособления¹. Стараясь найти возможно более верный путь, я стремился выбрать наиболее обоснованные элементы и, подкрепив их клиническим опытом, создать достаточно удобную и не слишком сложную

¹ Здесь и далее дается русский перевод термина «дизадаптация» («дезадаптация»). — *Прим. ред.*

теоретическую схему. По этой причине читатель, который ждет от монографии проблем, исторических очерков и критических анализов, очевидно, будет разочарован. Книга содержит только то, что я могу сказать, отталкиваясь от собственных наблюдений, а богатый фактический материал служит для иллюстрации дефиниций и гипотез, касающихся условий правильного функционирования человека современного культурного уровня. Я полагаю, что читателями моей работы будут люди, которые по роду своей деятельности должны разрешать сложные вопросы мотивации человеческого поведения, то есть, помимо психолога, она заинтересует юриста, врача, педагога, литератора. По этой причине я также по возможности отказался от специальной терминологии и сложных, хотя и интересных анализов в пользу доступности изложения.

В своей книге я хочу представить специфическую точку зрения на деятельность человека и дать достаточно точные понятия, которые могли бы помочь в «препарировании» деликатной ткани человеческих влечений, — и это все. Вместе с тем этого вполне достаточно, чтобы сомневаться, разрешает ли книга поставленные задачи? Возможно, меня оправдает высказывание Тадеуша Томашевского: «Заблуждение при попытках решения существенных проблем, безусловно, более важно и субъективно более интересно для прогресса науки, чем безукоризненная правильность во второстепенных вопросах».

Чтобы обеспечить своей работе научную точность и расшифровать ряд неясных понятий, я пользовался помощью многих людей. Всем им, а особенно учителю моему, профессору Анджею Левицкому, а также профессору Стефану Шуману, который убедил меня в плодотворности моих усилий, я приношу здесь горячую и полную уважения благодарность.

МОТИВ ПОВЕДЕНИЯ

1. ВВЕДЕНИЕ

Каждый, кто хочет понять человека, начинает с поиска причин его действий. Ученик сбегал с уроков. Алкоголик обокрал магазин. Обвиняемый просит высшую меру наказания. Каждый из этих людей поступает так по какой-либо причине. Мы стараемся выяснить ее. В таком случае мы говорим, что хотим понять мотивы, которыми руководствовались эти люди, избирая тот или иной способ поведения. Только зная мотив, мы приступаем к оценке действий людей и принятию решений. Бегство ученика из школы мы оценим по-разному в зависимости от того, был ли мотивом страх перед учительницей или пренебрежение своими обязанностями. Когда алкоголик грабит государственный магазин, мы можем допустить, что мотивом здесь была потребность в алкоголе, а в таком случае суд применит особую правовую квалификацию его действий. Мы говорим, что поняли мотив поведения обвиняемого, который просит о высшей мере наказания, когда узнаем, что он психически болен и страдает комплексом вины.

Так и сам термин «мотив» (происходящий от латинского *movere* — приводить в движение, толкать) мы применяем для определения всех тех факторов, которые вызвали какое-либо действие. Термин этот вошел в обиход, и, что весьма важно, несмотря на очень широкий диапазон его значения, применение его в повседневной жизни не вызывает принципиальных недоразумений. Трудности возникают при использовании его в качестве инструмента психологического анализа. Объясняются они тем, что термин этот вопреки видимости многозначен. Прежде чем мы приступим к подробному анализу

разных определений мотива, полезно будет в общем, познакомиться с теми трудностями, которые вызывает применение этого термина в практике психолога.

Большинство точных данных, касающихся мотива, взято из экспериментальных наблюдений над животными. Исследователи, работавшие с животными для создания упрощенных лабораторных моделей ситуаций, связанных с действиями человека, установили ряд точных критериев описания мотива. Измерялись сила и энергия отдельных мотивов. Вскрывались факторы, влияющие на возникновение мотива и изменение силы его действия. Выявлялись закономерности, определяющие действие разных мотивов, и последствия, к которым приводит трудность их реализации. Продуманное использование экспериментальной аппаратуры, возможность оперирования точными показателями, такими, например, как время лишения пищи, величина напряжения электрического тока, включаемого для «наказания» животных, число ошибок, сделанных в ходе решения задачи, и прежде всего поразительные аналогии, которые обнаруживались среди явлений, наблюдаемых у исследуемых животных и людей, находящих в подобной ситуации, содействовали влиянию результатов этих исследований на развитие учения о мотивах. Было доказано, что и у людей и у животных поведение может быть полимотивационным. Причиной действия могут быть несколько мотивов, даже противоречащих друг другу, что позволяет осуществлять специфические способы действия, обуславливает непоследовательность поведения или отказ от действия. Доказано также, что наивысшего уровня точности можно достичь в отношении мотивов средней силы, а при слишком сильных или слишком слабых точность измерения снижается. Известны закономерности поведения в конфликтных ситуациях, эффекты действия в группе и множество подобных явлений (см., например, Креч, Крачфилд, 1959).

Однако, несмотря на значительные успехи в этой области, они оказываются недостаточными для решения тех задач, которые стоят перед клиническим психологом, пытающимся понять поведение своих больных. Закономерности, так просто демонстрируемые на подопытных животных, не всегда можно перенести на ситуации, в которых мы имеем дело с человеком. Встает, например,

вопрос: говоря о нескольких мотивах, действующих у Яна, имеем ли мы в виду то же самое, когда говорим о мотивах, действующих у крысы, а если нет, то в чем заключается разница?

Мы знаем, что когда двух крыс с равными физическими данными лишают пищи — одну на пять, другую на десять часов — и затем впускают в клетку, в которой они должны преодолеть одинаковые препятствия, прежде чем получат доступ к пище, то различие, которое будет обнаружено в их поведении, можно будет объяснить разницей в силе мотивов голода. Мы можем дополнительно усложнить эту задачу, пропуская через пищу электрический ток, вызывающий у животных боль, и наблюдать, какой мотив победит — мотив голода или мотив бегства от боли. Если мотив голода будет слабее, а мотив страха сильнее, крыса не будет трогать пищи. Со временем, однако, может наступить момент, когда под влиянием усиления голода крыса будет хватать пищу, даже патакиваясь на боль. Точно зная время лишения пищи, силу тока и число предшествующих опытов, мы, в общем, можем предвидеть, в какой момент мотив голода перевесит мотив страха и крыса прикоснется к пище. Мы оперируем здесь численными показателями силы мотива. Имея возможность влиять на поведение и характер факторов, показывающих силу мотива, мы можем вынудить крысу к определенным формам действия. Мотив в этом случае является существенным фактором, побуждающим к действию, и мы знаем, что, когда мотив есть, крыса действует; когда же его нет или когда два противоположных мотива имеют равную силу, крыса остается пассивной.

Если мы, однако, попытаемся повторить тот же самый эксперимент с человеком, нас может постигнуть неудача. Предположим, что на основе наших исследований мы знаем, что у Яна действует слабый мотив голода и сильный мотив страха. Будет ли Ян в действительности вести себя в соответствии с прогнозами? Может быть, да, а может быть, нет. Возможно, исследование ста янов, находящихся в аналогичной ситуации, покажет статистически достоверную частоту усиления тенденции к отказу от пищи, вызывающей боль. Это значит, что большинство янов должны вести себя определенным образом в определенной ситуации. Нас, однако, интересу-

ет, что сделает тот конкретный Яп. с которым мы имеем дело. Возможно, что Яп откажется от пищи, но он может также устроить нам сюрприз. Он может, например, обдумать ситуацию и на основе определенных разумных предпосылок решить преодолеть свой страх и добыть пищу. Делается это потому, что Яп как человек осознает свое действие и для него типично то, что его сознание регулирует выбор той, а не иной цели и программы действий. Поэтому даже очень голодный человек может поделиться своим куском хлеба с другим человеком; даже очень сурово наказанный может не отступить от своих действий, если он убежден в правильности своего поведения.

Состояние организма, информация о внешней ситуации и даже опыт не влияют на реакции человека так, как это имеет место у других животных, у которых регулятор — мозг — функционирует в лучшем случае на уровне условных рефлексов по закономерностям, обусловленным структурой нервной системы. Регуляция, осуществляемая мозгом человека, происходит на качественно ином уровне благодаря существованию сознания и связанных с ним возможностей восприятия отраженной в абстрактных понятиях действительности и оперирования этими понятиями по законам, обусловленным не только структурой нервной системы, но и традициями, элементами культуры, привычками, рациональным или магическим моментом в технике мышления. Сознательно проводя свои концепции в жизнь, человек может действовать наперекор собственным желаниям, давлению окружения, реализовать цели, отстоящие на десятки и даже сотни лет и связанные с благом неизвестных ему людей. Осознав идеологические принципы, человек может руководствоваться ими, полностью отвлекаясь от требований ситуации, например биологической или общественной, даже ценой собственной жизни. Сознание — высший эволюционный уровень регуляторных функций, которыми располагает нервная система живущих на Земле существ, не может не приниматься во внимание при решении вопросов мотивации человеческих действий. Контролирующая функция сознания у человека так важна, что в нормальных условиях мы не можем себе представить направленного, целевого действия без сознательной его проверки.

В то время как у животного фактор, динамизирующий действие, равнозначен фактору, побуждающему к началу действия и направляющему его, у человека в этой области функционируют два отдельных механизма. Один становится динамизирующим фактором, эргетизирующим действие, а другой фактор делает возможным само действие, программирует его и вызывает его начало. Когда нам необходимо выяснить, почему Ян сменил место работы, мы можем сформулировать два на первый взгляд противоречащих друг другу объяснения. Одно из них: «Мотивом поведения Яна было недовольство тем, что его несправедливо обошли при повышении». Второе: «Мотивом поведения Яна была заинтересованность в другом виде работы». В первом случае мы определяем мотив на основе знакомства с Яном и его положением на работе. В другом случае мы основываемся на объяснении, которое дал Ян. В таких случаях говорится, что поведение Яна было полимотивационным. На одно и то же действие оказали влияние два мотива.

Можно ли их, однако, трактовать как два равнозначных мотива? Ведь их регулирующая функция все же различна. В первом случае речь идет об общей неудовлетворенности определенной ситуацией, содействующей изменению этой ситуации, что должно привести к уменьшению неприятного напряжения. Во втором мы учитываем данное Яном объяснение причин действия, то есть того, чем он руководствовался, принимая решение о смене работы. В данном случае несущественно, прав ли Ян. Существенно только то, что Ян таким образом установил для себя причины своего действия и, согласно этому объяснению, принял решение о начале действия. Если бы мы хотели изменить решение Яна и склонить его к возвращению на старое место работы, мы должны были бы сначала познакомиться с его объяснением необходимости действия, а потом (после формулирования гипотезы о так называемых объективных факторах, которые могли склонить его к смене работы) информировать его о том, какие факторы влияли на его постановку вопроса. Мы должны были бы объяснить Яну, почему он должен изменить свое решение. Ян мог бы вернуться на прежнее место работы только тогда, когда сформулировал бы новый мотив. Мы видим на этом примере, к которому будем возвращаться еще много раз, что оп-

ределяющую роль в принятии и исполнении решения о действии играет так называемый ~~с~~ мотив. Мы видим также, что он не является ~~динамическим~~ фактором. Он причина действия в том смысле, в каком, например, нажатие кнопки можно считать причиной полета ракеты.

Как следует из вышесказанного, применяя в обычной жизни слово «мотив», мы приписываем ему то первое, то второе значение, хотя второе значение (мотив как объяснение причин действия) имеет более широкое хождение в повседневной жизни. Мы говорим, например: «В поведении Яна определяющими были благородные мотивы, Ян хотел создать людям лучшую жизнь». Обвинитель, вынося решение о суровой мере наказания, ссылается на низменные мотивы, которыми руководствовался обвиняемый, например зависть. «Если бы обвиняемый не хотел этого сделать, то мог бы удержаться от подобного поступка, ведь в момент совершения действия он был в полном сознании», — рассуждает судья. При таком понимании мотива действие является немотивированным, когда индивид вследствие психического расстройства или находясь в бессознательном состоянии не может подвергнуть свое действие контролю рассудка. В таком случае в соответствии с принятыми в нашем обществе моральными и правовыми нормами человек не карается и не награждается за последствия своего немотивированного действия, так же как не наказываются за это животные. Когда такое действие грозит опасными в социальном отношении последствиями, общество лишь ограждает себя от возможности дальнейшего нанесения вреда.

Таковы некоторые предварительные замечания. Они в известной степени обосновывают предлагаемое в работе понимание мотива как объяснения причин действия, тогда как для факторов, динамизирующих действие, также часто обозначаемых термином «мотив», необходимо, очевидно, другое название. Пожалуй, пайти его нетрудно, поскольку богатство терминов всегда было сильной стороной психологии. Мы располагаем множеством терминов, используемых как эквиваленты слова «мотив». К наиболее популярным из них принадлежат термины «влечение», «потребность» и «инстинкт».

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОТИВА

В предыдущем разделе мотив в общих чертах определен как объяснение причин действия, способствующее принятию решения о его начале. Теперь попытаемся дать более точное определение того, что следует понимать под объяснением причин действия. Мы не можем запечатлеть в сознание другого человека, он должен нас информировать о его содержании с помощью слов. Более того, некоторые данные позволяют предположить, что человек то, что переживает, понимает только с помощью слов и только с их помощью осуществляет мыслительные операции. Мотив же всегда является какой-то формулировкой. Если человек не сформулировал мотива совершенного или совершаемого действия, это практически означает только то, что он не имел мотива действия и, следовательно, действие его было немотивированным. Психолог, столкнувшись с такой ситуацией, предполагает сознательный обман или психические нарушения, возникшие временно (например, в результате отравления, слишком сильных эмоций) или же связанные с психическим заболеванием.

Мы имеем, следовательно, первую часть искомого определения — мотив есть *формулировка* (мысленная, устная или письменная). Теперь выясним, чего должна касаться эта формулировка. Правильный ответ поможет нам дать высказанная ранее мысль о связи мотива с регулирующей функцией сознания. Регуляция действия есть, как известно, приспособление его к определенным требованиям ситуации (например, регуляция выделения желудочного сока основана, в частности, на приспособлении его химического состава к пище, которая должна быть переварена). Мы знаем также, что формулирование мотива делает возможным принятие решения о действии. Регулирующая роль мотива базируется на определении цели действия и предназначенной для этого программы, создающей основу для принятия решения о действии.

Итак, речь идет не о любом действии, а только об определенном роде действий, именно о действиях, направленных на достижение заранее запрограммированного результата. Программа эта может иметь строго определен-

МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 9

Советского района

ный алгоритм¹, может также быть обозначена в общих чертах, конкретизируясь в зависимости от хода действия. Например, Ян разработал подробный алгоритм действия, направленного на ограбление банка, и реализует его строго по задуманной программе. В другом случае Ян решил встать на путь исправления, избегая поводов к совершению преступления. В обоих случаях мы видим мотивированное действие, хотя во втором случае уровень конкретизации программы слишком невысок. Томашевский в своем «Введении в психологию» обосновал отличие этого рода действий от других действий,носящих характер случайных сопутствующих движений, сопутствующих эффектов и т. д., и предложил называть их *деятельностями* (1964, стр. 139). Деятельностью может быть как совсем простая моторная активность (забивание гвоздя молотком), так и сложная (написание книги), а также умственная активность (например, установление количественных зависимостей между массой и энергией). Каждый раз, следовательно, когда в дальнейшем ходе изложения будет использовано слово «деятельность», оно будет означать только мотивированное действие².

¹ Под алгоритмом мы понимаем, согласно Трахтенброту, «...точное предписание о выполнении в определенном порядке некоторой системы операций для решения всех задач некоторого данного типа» (Б. А. Трахтенброт, Алгоритмы и машинное решение задач, М., 1957, стр. 7).

Программой мы называем каждый, даже наиболее общий план достижения какого-нибудь предназначенного состояния — цели. Различие это является настолько удобным, что позволяет отграничивать точно и всесторонне разработанные программы от типичных в повседневной жизни планов, намеченных только в общем, оставляющих возможность импровизации.

² Понятие деятельности является составным элементом всей комплексной теории, контуры которой даны в труде Томашевского «Введение в психологию». Я не был знаком с этой работой, когда писал свою книгу. Найдя в деятельности удобный и отвечающий моим предпосылкам термин, я ввел его в свою работу уже после ее окончания, в силу обстоятельств отказавшись от выявления других его аспектов, а также от обсуждения проблем, которые образуют связь между темой моей работы и теорией деятельности. В числе прочего речь идет о таких вопросах, как возможность конструирования гипотез, объясняющих динамику структуры деятельности с помощью понятий, представленных в разделе о направляющей и контролирующей функции мотива, а также связи процессов саморегулирования, происходящих в субъекте с приведением в движение, удержанием постоянного направления и управлением деятельностью (см. гл. II данной работы).

Указанные зависимости можно представить себе следующим образом. Регуляция деятельности начинается с того, что индивид, уяснив себе (а следовательно, сформулировав, вербализовав) цель действия, определяет (или формулирует) программу действия. Когда процесс этот закончится и индивид создаст мотив, одобренный им, он может начать деятельность, то есть приступить к реализации программы, заключенной в мотиве. Если же данная форма поведения не регулируется мотивом, мы говорим о неосознанном, немотивированном действии.

Ставя так вопрос, можно определить мотив как *вербализацию цели и программы, дающую возможность данному лицу начать определенную деятельность.*

Мария Оссовская, которая в своей работе «Мотивы поведения» (1949) проанализировала ряд принятых в психологии определений мотива, отнесла подобное понимание этого термина к группе наиболее узких определений, характеризуя его как резко разграничивающее функции инспирации действия и его мотивирования (то есть динамизирования). Она указывает на то, что такая интерпретация сужает понимание поведения человека (стр. 31), приводя в числе других аргумент, что при этом вне поля зрения остаются мотивы, которых мы не осознаем, тогда как отказываться от их рассмотрения было бы неверно (стр. 32).

Аргумент этот можно было бы отвергнуть, приняв во внимание рассуждения, которые уже были приведены в начале этой главы. Фактор, динамизирующий действие и не отраженный в сознании, является функционально чем-то совершенно иным, чем мотив, принятый как объяснение причин действия. В общем, создается впечатление, что Оссовская, давая широкое и узкое толкование термина «мотив», не приняла в достаточной степени во внимание различие «инспирации» и «динамизации». Отсюда определение, ограничивающееся исключительно «инспирированием», она просто считает узким, вместо того чтобы признать его относящимся к другому аспекту действия. В дальнейшем мы убедимся, что Оссовская не одинока в своих взглядах, и автор данной работы будет вынужден в ходе изложения пояснить, что привело его не только к такому сужению понятия, но и к различению двух понятий. Ранее уже упоминалось, что это не было только желанием присоединиться к традиционному, при-

пятиому в повседневной жизни пониманию слова «мотив». Очевидно, по отношению к человеку каждое «более широкое» определение мотива является слишком общим и приводит к неправомерному объединению слишком разных факторов, играющих роль в приспособлении. Использование одного и того же понятия для определения этих факторов делает невозможным анализ причин различных форм поведения человека.

Определяя мотив как фактор, который дает человеку возможность сформулировать решение о начале деятельности известного типа, мы исходим из того, что факторами, побуждающими к действию, будут в этом понимании, по-видимому, некоторые состояния напряжения, связанные с потребностями человека. О них будет речь в одном из последующих разделов книги. Сужение диапазона понимания мотива, включение в это понятие лишь того, что человек считает причиной своего действия, позволяет нам ограничить предмет исследования и дать особую трактовку другим факторам, принимающим участие в процессе приспособления.

Этих преимуществ не имеют наиболее распространенные в психологии определения мотива. Приведу для примера несколько определений, которые наиболее разнятся друг от друга. Инглиш (1934): *мотивом является «то, что кто-то сознательно определяет как основу своего поведения»*. Уоррен (1934): *«Мотив — это сознательное переживание или подсознательные условия, которые в данной ситуации являются фактором, принимающим участие в детерминации индивидуального или общественного поведения»*. Камерон (1947, стр. 127): *«На практике мы называем мотивом какой-либо фактор, о котором думаем, что он имеет особое значение как стимул к проведению какой-либо деятельности, определяя ее ход и результаты»*. Теплов (1954, стр. 178): *«Мотивы — это то, что побуждает человека к постановке тех или иных целей» (это могут быть чувства, интересы, убеждения и мировоззрение)*. Гилфорд (1956, стр. 91): *«Мотивом является любой определенный внутренний фактор или состояние, которые ведут к началу и поддержанию активности»*. Хилгард (1957, стр. 585) считает, что мотивом является любое состояние организма, которое имеет влияние на его готовность к началу или продолжению определенного поведения. Левинский: *«Мотив — это психический процесс,*

который изнутри стимулирует нас к постановке цели и принятию соответствующих средств действия»¹.

В приведенных определениях отчетливо видна неоднозначность обсуждаемого понятия, бросается в глаза их общий характер, препятствующий практическому применению этого понятия. Используя определенное таким способом слово «мотив», следует каждый раз дополнять его подробным описанием того, о чем идет речь, так что само слово «мотив» становится ненужным². В определениях, которые дают Хилгард, Гилфорд или Камерон, мотивом могло бы быть и чувство ненависти к врагу, и известное количество алкоголя в крови, и комплекс вытеснения, и боль, вызванная уколом булавки, или даже препятствие на пути к цели. В один разряд включены разные явления.

В определениях Левинского и Теплова мотивом считается побуждающий фактор, динамизирующий действие, а вербальная формулировка цели и средств действия признана фактором, обособленным от самого мотива, хотя причинно связанным с ним.

Определения в словарях Уоррена и Инглиша кажутся мне слишком неясными, чтобы можно было их анализировать, хотя, по-видимому, определение Инглиша согласуется с тем, которое я предложил в этой работе. Механизмом, с помощью которого «кто-то сознательно определяет основу своего поведения», может быть программа деятельности, составляющая содержание мотива, но отчетливо это, однако, не сказано. Определение Уоррена сводит, по-видимому, мотив к общему личному опыту; он является, следовательно, понятием, близким к понятию установки.

Стоит также упомянуть, что некоторые психологи вообще отказываются от определения мотива и используют только термин «мотивация», обозначающий нечто, способствующее тому, что личность становится «скорее активной, чем пассивной», или нечто, способствующее доминированию одной формы активности над другой (Хебб, 1958, стр. 155). Можно также встретиться с ис-

¹ A. Lewicki, Psychologia woli, UAM, rok. akad. 1954/55. «Психический процесс» в понимании Левинского не равен «процессу сознания».

² Например, Мак-Киннон (1948), который определяет мотив так же, как и Хилгард, пишет: «Потребность, позиция, установка в психологическом плане равнозначны» (стр. 126).

пользованием термина «мотивация» исключительно по отношению к силе, которая характеризует действие; мотивация определяется тогда как «высокая» или «низкая» (Доллард и Миллер, 1950, стр. 4, 324).

Очевидно, что приведенные примеры не исчерпывают даже небольшой части материала, который мог бы соборать интересующийся историей вопроса. Целью настоящей работы является только изложение взглядов автора. В связи с этим я позволю себе ограничить выбор примеров теми, которые считаю наиболее представительными для тех или иных взглядов на определение мотива, и показать, что все существующие в психологии различные понимания мотива можно разделить на две группы.

В одной мотив трактуется (с этим можно встретиться чаще) как фактор, побуждающий к действию. В другой — диапазон применения слова «мотив» ограничивается (это бывает реже) факторами, способствующими сознательному осуществлению действия благодаря формулированию его цели и программы. Сравним для упрощения человека с автомобилем — в первом случае мотив играет роль вспышки горючей смеси, двигающей поршень, шатун, колеса и одновременно водителя, ведущего автомобиль в определенном направлении определенным образом. Во втором — мотив выполняет только роль водителя, который, имея установленную цель и направление движения, включает двигатель и ведет автомобиль к этой цели. Куда он приедет — это уже другой вопрос.

3. НАПРАВЛЯЮЩАЯ И КОНТРОЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МОТИВА

Перейдем теперь к проблеме, которая была намечена уже в начале этой главы, но более конкретное обсуждение ее было невозможно, пока мы не преодолели трудности определения мотива. Речь идет о роли мотива в процессе регуляции алгоритма деятельности. Как известно, регуляция основывается на применении форм поведения к изменяющимся требованиям ситуации, и классическую ее схему можно проиллюстрировать с помощью структуры отрицательной обратной связи. Например, Ян, который проявлял сердечность по отношению к Х, имел в связи с этим неприятности. Поэтому он изменяет свое

отношение к нему на враждебное. Когда и это не дает результата, он начинает избегать X. Этим трем видам деятельности могли бы соответствовать три мотива:

1) «чтобы не иметь неприятностей, надо проявлять сердечность в отношении к X»;

2) «чтобы не иметь неприятностей, надо проявлять неприязнь в отношении к X»;

3) «чтобы не иметь неприятностей, надо избегать X».

Изменение в содержании первого и второго мотивов наступило в результате ситуации, возникшей в ходе реализации заключенной в них программы. Изменение это было проявлением регуляции отношений Ян к X. Роль мотива в этой регуляции основывалась на том, что каждый раз он составлял закрепленное в памяти формулирование программы и цели данного действия.

Программа эта путем соответствующего выбора средств давала действию определенное направление. Ян, уясняя ее себе в ходе реализации деятельности, мог постоянно контролировать ее течение. Если, следовательно, руководствующийся первым мотивом Ян будет обижен X, то, придерживаясь в это время установленной программы, он будет делать вид, что ничего не заметил, и продолжать относиться к X сердечно и в дальнейшем.

Цель действия позволяла пересмотр программы с точки зрения эффективности ее реализации. Когда Ян убедился, что сердечные отношения к X, которые должны были избавить его от неприятностей, вызывают их, он изменил программу на другую, по его мнению более правильную. Так, следовательно, формулирование мотива, закрепленное в памяти, влияет на ход деятельности, выявляет ее программу и позволяет контролировать ее эффективность с точки зрения требуемой цели.

Как можно судить на основе вышесказанного, роль мотива в процессе регуляции деятельности основывается на том, что он становится фактором, *направляющим* деятельность, так же как обозначенная на карте дорога указывает направление пешеходу, помогая решить, пойдет ли он влево или вправо на ближайшем перекрестке, или как перфорированная лента, вложенная в регулятор автоматического токарного станка, руководит очередностью и качеством выполняемых на нем операций в соответствии с зафиксированной в комплексе отверстий программой. *Контролирующую* функцию мотива можно было бы

представить образ и принцип перфорированных ламп, которые загораются тогда, когда перфорированный процесс не приводит к ожидаемым следствиям.

Утверждение, что сформулированная и зафиксированная в памяти цель может играть роль критерия эффективности реализованной деятельности, устанавливая одно из необходимых условий сознательной регуляции действия, не вызывает возражений ни в теории, так и со специальной точек зрения. Цель эта в процессе регуляции служит понятийной моделью требуемой ситуации, с которой сравнивается информация об истинном состоянии ситуации. Больше возражений вызывает утверждение о направляющей роли программы действия, сформулированной в мотиве. Встает вопрос: каким образом цель может руководить деятельностью? Ставящие этот вопрос полагают, что управление имеет место только тогда, когда один материальный предмет влияет на другой предмет посредством некоторого приложения энергии. Например, человек, едущий на велосипеде, поворачивает руль усилием своих мышц. Существует, однако, иное, более широкое понимание управления, согласно которому «управление является... передачей информации, предполагающей вызвать в результате направленные ситуационные изменения» (Грневский, 1959, стр. 54). Способ передачи информации с точки зрения этого определения несуществен, зафиксированное в памяти содержание мотива является, несомненно, определенным набором информации и влияет на действие. Таким образом, утверждение, что мотив может управлять действием человека, является столь же верным, как и утверждение, что перфорированная лента, вложенная в цепь импульсов, приводящих в движение автомат управляет происходящими в нем производственными процессами.

Несколько пояснений. Очевидно, что сама проблема роли мотивов в процессе регуляции связана со значительно более широким вопросом из области теории передачи информации и требует особого обсуждения. В данном случае она будет затронута лишь в той мере, в какой это необходимо для наших целей. Последующая часть этого раздела посвящена нарушениям приспособления (дизадаптациям), иллюстрирующим на практике значение контролирующей и управляющей функций мо-

тива в процессе регуляции деятельности. Обратим, например, внимание на то, какую большую роль в психотерапии играет умение пациенту соответствующего мотива. Предполагая, что он не может убедить пациента, что, если он не будет разговаривать с женой после ссоры, это вряд ли улучшит семейную обстановку, тогда как откровенный разговор и будет не только разрешит многие конфликты и подчеркнут его личностную зрелость. Тем самым психотерапевт старается и доказать пациенту такой мотив, который позволил бы ему выйти из замкнутого круга взаимных супружеских жалоб и выдуманных обид.

Остаиваясь на нарушениях приспособления, нужно заметить, что в конфликтных ситуациях мы часто встречаемся с большими трудностями в формулировании мотива. Нервное напряжение, раздражающее окружение, сознание, что не существует верного решения, ведет к отказу от овладения ситуацией и к пассивному подчинению ходу событий. Всякое вмешательство извне принимается недоверчиво. В подобных положениях блестяще оправдывает себя имеющий на первый взгляд мало смысла тип психотерапии, называемый по-английски *client-centered therapy* (Роджерс, 1951) и в принципе основанный на том, что пациенту создаются условия для спокойного, целенаправленного монолога с самим собой. Психолог только вставляет в разговор замечания, говорящие о его заинтересованности и удерживающие монолог пациента в русле существенных проблем, а также придающие ему более строгий и конкретный характер. Тем самым пациент побуждается к правильной формулировке своих проблем в доброжелательной, спокойной обстановке и часто сам находит выход из ситуации, конструируя правильный мотив. Собственный, достаточно убедительный и конкретный мотив становится лучшим стимулом для деятельности, ведущей к психическому равновесию. Это признано на практике. Об этом свидетельствует тот факт, что, собственно, все применяемые методы психотерапевтической техники имеют целью или подсказать пациенту соответствующий мотив, или создать ему условия для формулирования предметного мотива. Поэтому в одних методах преобладает объяснение и внушение, другие носят успокаивающий характер, способствуют ликвидации затруднений при конструировании или одобрении соот-

ветствующего мотива. Типичным примером трудностей в одобрении мотива являются, например, те, которыми страдают психастеники из-за необычно высоких требований, предъявляемых к своим мотивам.

Приведем пример. И. З., 30-летний психастеник. Одинокий, живущий далеко от города, замученный продолжительными поездками, он хотел обменять свою комнату на расположенную ближе к городу. Дал объявление в газету, нашелся желающий обменяться. И тут начались бесконечные размышления о том, каким условиям должна отвечать новая комната и нужно ли в самом деле переселяться. И. З. постоянно утверждал, что не имеет достаточных оснований для окончательного решения, каждый из формулируемых по очереди мотивов отбрасывал как слишком поверхностный, малообоснованный. Продолжалось это три месяца и кончилось тем, что он остался на старом месте. Факт этот приобретает еще большее значение, если сказать, что почти все житейские дела И. З. оканчивались таким же образом. Способный, образованный, обладающий чувством собственного достоинства человек занимал на работе подчиненное положение, не дающее никаких перспектив на будущее.

Ясно видно, как неспособность к одобрению мотива, а именно одного из его элементов — программы деятельности, нарушает процесс регуляции деятельности. Интересной является также проблема нарушений приспособления, основанных на неспособности к изменению мотива и принятию нового, реализация которого могла бы вывести данную личность из состояния неприспособленности. Рассмотрим ее на примере, взятом из исследований, проведенных в 1954—1956 годах на группе 30 невротиков (Обуховский, 1959), отметив одновременно, какую большую роль в возникновении невроза играет неспособность к изменению мотива, связанного со слишком высокими требованиями.

К. Р., спокойный, трудолюбивый 50-летний мужчина. В детстве ничем особым в поведении не выделялся. Школу закончил со средними результатами. Молодым человеком начал работать на железной дороге, 11 лет спустя стал продвигаться по службе, через 20 лет занял должность в службе безопасности движения. Это была руководящая должность, связанная с большой личной ответственностью. Работал с постоянным напряжением, нередко по 15 часов без перерыва. Это страшно утомляло его, он часто болел, но никогда ему не приходило в голову уйти с этого места. «Первы, однако, все чаще отказывались слушаться». Каждый телефонный звонок мог означать несчастье. Когда поблизости произошла железнодорожная катастрофа, появилось чувство сильного страха.

Именно в это время материальные условия его сложились таким образом, что он стал собственником домика с садом и пасекой. Появилась возможность спокойной жизни, о которой он когда-то мечтал. Но он не мог, однако, на это решиться. Возник новый конфликт — не только между требованиями работы и его нервной устойчивостью, но также между его стремлениями удержаться на месте, которого он добивался столько лет, и желанием тихой и более отвечающей особенностям его личности работы на пасеке.

Вскоре, кроме страхов перед предвещающим неприятность телефонным звонком, появились новые болезненные явления, которые сделали работу совершенно невозможной и вынудили его к долгому лечению. К. Р., однако, надеется, что после выздоровления сможет работать на старом месте. Психотерапия типа убеждения не принесла никаких результатов. К. Р. соглашается со всеми аргументами, но тем не менее остается при своей точке зрения: утверждает, что уже слишком стар, чтобы изменить свою жизнь, понимает, что работа, которую он выполнял, была «не для его нервов», но считает, что, выдержав столько лет, выдержит и до пенсии.

Пример этот иллюстрирует одну из наиболее часто встречающихся психотерапевту ситуаций — пациент по какой-либо причине не может согласиться на одобрение мотива, который вывел бы его из состояния непригодности.

Следует вспомнить еще об одной очень существенной особенности мотива. Покажем ее на примере умственно отсталых детей. Из клинических описаний известно, что деятельность этих детей слабо направлена, они не обладают выдержкой в работе и не способны к продолжительной конструктивной деятельности. Интересные результаты при изучении этой проблемы были получены в одной из советских школ для умственно отсталых детей (Пинский, 1962). В этой школе был организован кружок юных натуралистов с целью пробудить у учеников интерес к научно обоснованным формам полевых работ. Каждый ученик получил свою делянку и выбрал достаточно сложную задачу, например о влиянии азотных и фосфорных удобрений на скорость созревания овса. Предполагалось при этом, что ученики, сами выбравшие темы, проявят необходимую инициативу, настойчивость в работе над ними. Случилось иначе. Не отдавая себе отчета в характере и значении избранной темы, ученики превратили свои делянки в обычные грядки, на которых, как и всюду, росли огурцы или картофель, и не проявляли никакого интереса к применению рациональных способов вы-

ращивания. Результат соответствовал тому, чего следовало ожидать от умственно отсталых.

Однако преподавательница Якушева не отказалась от педагогических усилий и выработала сложную систему инструкций и пояснений, сформулированных так, что они стали вполне доступными сознанию умственно отсталых. Задания при этом были пересмотрены, оставлены только простые, например получить большое количество картофеля с одного клубня. Наряду с понятной программой, которую устанавливало задание, дана была также понятная цель — участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Эффект был необычайным. Ребята из кружка получили несколько медалей и неоднократно принимали участие в выставке, что являлось наградой за высокие достижения.

Опыт этот показал, какую большую роль играет формулирование *понятного и убедительного для данной личности мотива*, и подтвердил, что только такой мотив может полностью выполнить свою функцию направления и контроля поведения человека. Таким образом, мотив, представляющий только набор слов, который даст возможность предпринять определенную деятельность, не всегда может участвовать в ее регуляции. Достаточно вспомнить неумелость и неэффективность деятельности, опирающейся на «пустые» стандартные фразы, — описание подобной деятельности, вслед за Славомиром Мрожекком, способствовало успеху многих сатириков. Нет необходимости вновь подчеркивать здесь ту решающую роль, которую играет во всех отраслях практической психологии проблема зависимости между содержанием мотива и эффективностью деятельности.

4. ЗАЩИТНАЯ РОЛЬ МОТИВА

Содержание мотива складывается из двух элементов. Одним из них является программа деятельности, другим — цель деятельности или то, к чему должна вести реализация программы и что в сопоставлении с последствиями действия служит критерием при проверке правильности сформулированной программы. Сформулированные в мотиве цель и программа должны быть тесно связаны, так как программа — это уточнение средств, с

помощью которых может быть реализована цель. На практике, однако, мы не всегда встречаемся с мотивом, сконструированным таким образом. При анализе мотивов лиц, страдающих невротическими нарушениями, часто можно заметить, что программа, записанная в мотиве, не может обеспечить реализации цели, заданной этим мотивом. Более того, она нередко противоречит реализации этой цели. При этом уровень умственного развития личности, руководствующейся мотивом, ни в какой степени не объясняет такой непоследовательности. Можно привести в качестве примера ученика, который за четыре месяца до экзаменов на аттестат зрелости думает о годичном отпуске, чтобы за это время углубить свои знания по предметам, которые в программе были затронуты «слишком поверхностно»; мужчину среднего возраста, который избегает женщин, ожидая «настоящей любви»; алкоголика, пьющего, чтобы забыть о неприятностях, вызванных в действительности его склонностью к спиртным напиткам.

Встречаясь с такими случаями, мы часто задаем себе вопрос — неужели эти люди не знают подлинных причин своего поведения? Ведь они ясны. Уже беглое знакомство с результатами психологического изучения этих лиц показывает, что ученик, способный юноша, страдающий певрозом, боится неудачи и хотел бы как можно дальше отодвинуть кошмар экзамена. Старый холостяк, ожидающий настоящей любви, когда-то в молодые годы «скомпрометировал себя» (по его мнению) в глазах женщины, которая, пользуясь его наивностью и неопытностью, посмеялась над ним. Теперь он боится проявить инициативу. Алкоголик, как нам удастся узнать, — человек слабобольный, страдающий комплексом различия, работая некоторое время контролером, не мог устоять перед уговорами окружающих, которые предоставляли ему все новые случаи для выпивки. Наконец его понизили в должности за алкоголизм, а дурная привычка осталась.

Почему они обманывают себя, одобряя в мотиве ложные цели? Народная мудрость гласит, что человек только тогда охотно смотрит правде в глаза, когда она ему приятна. В приведенных случаях открытая постановка вопроса, признание правды было бы неприятно для упомянутых лиц. Более того, это обязывало бы их отказаться от существующей программы деятельности. Подстановка

в мотив ложной цели при сохранении старой программы позволяла им продолжать ту деятельность, к которой они были наиболее склонны. Ученик получал хотя и минимое, но все же какое-то основание для мысли об отпуске. Робкий мужчина мог гордиться собственным отречением. Алкоголик имел причины для того, чтобы «залить горе». Постановка ложной цели приобретала, следовательно, принципиальное значение для продолжения ими реализации их программы. Можно было бы сказать, что это защищало направление их действия, что если бы они не произвели такого рода замещение, то не смогли бы реализовать своей программы.

Кто проводил психотерапию типа убеждения, тот, вероятно, не раз наблюдал, как очень интеллигентные, самокритичные, рассудительные люди проявляли иногда полное отсутствие критичности и наивность в отношении некоторых мотивов своего действия. В своей практике автор использовал это явление для поисков так называемых «главных зон нарушения приспособления». Расспрашивая пациента о том, как он обосновывает разные виды своей деятельности, я отмечал те, обоснование которых было неубедительным, и впоследствии занимался ими особенно подробно. Опыт показал, что это были явно ключевые проблемы для выяснения причин нарушений приспособления, которое обнаружилось у исследуемого.

Защитные мотивы, так следовало бы их назвать, являются при этом чрезвычайно устойчивыми. Пациент настаивает на них с необычайным упорством. Легко поддаваясь убеждению во многих других, казалось бы, более важных делах, в этих вопросах он передко допускает серьезные нарушения правил логики, только бы остаться на своем. Мы встречаемся здесь с явлением, которое Фрейд приписывал «сопротивлению подсознательного», правильно отмечая, что реакция такого рода свидетельствует о важности проблемы, в данном случае проблемы нарушения приспособления. Фрейд утверждал далее, что, когда мы обнаружим «комплекс» и объясним пациенту его содержание, наступает выздоровление. В свете выше-сказанного можно предполагать, что одного лишь выявления мотивов защитного типа недостаточно. Только когда нам удастся убедить пациента в необходимости их изменения (что, как будет показано в главе об установках, очень трудно) и склонить его к принятию правильного

мотива, можно думать, что он стоит на пути к выздоровлению.

Я уделил столько внимания роли защитного мотива при невротических нарушениях, чтобы показать, какое большое значение для правильного приспособления человека имеет верно сконструированный мотив, а также какую серьезную роль выполняет защитный мотив, то есть такой мотив, в котором цель была подменена «официальной версией», необходимой для сохранения требуемого решения. Эта версия важна, так как благодаря ей деятельность сохраняет видимость рациональности, что позволяет реализовать программу. В противном случае этого не могло бы произойти, поскольку реализация программы ведет к целям, противоречащим убеждениям личности. Можно было бы сказать, что невротик обманывает сам себя, принимая такую формулировку цели, благодаря которой его программа кажется рациональной и согласуется с его убеждениями.

Классическую иллюстрацию применения защитного мотива мы находим в басне о волке и ягненке. Хищник-волк «заботился о законности» и, увидев ягненка около ручья, начал подыскивать обоснование приговора, который хотел бы привести в исполнение. Ягненок активно защищался, сводя на нет волчьи аргументы, и волк, казалось бы, собрался уйти ни с чем, когда вдруг пришел к заключению, что ягненок, несомненно, виноват в том, что он, волк, чувствует голод. Это соответствовало истине, ибо аппетит в самом деле появляется при виде пищи. Волк мог теперь спокойно съесть ягненка. Действие его было обосновано и узаконено.

А вот пример из клинических исследований.

Г. И., способный и обладающий чувством собственного достоинства специалист, много лет проработавший на руководящих постах, известный своими несколько авторитарными наклонностями, из тактических соображений был понижен в должности.

Новые руководители отстранили его от какого-либо участия в принятии решений и недвусмысленно дали понять, что поддерживали бы его просьбу об уходе. Г. И., однако, остался и внешне согласился со своим новым положением, считая себя жертвой верности прежним идеям. В учреждении, несмотря на это, начали происходить конфликты на почве того, что Г. И. постоянно ослаблял действия руководства, находя в его распоряжениях тупость, неадекватность и профессиональную некомпетентность. Иногда это было правильно, иногда, однако, даже его сторонники из «учрежденческой оппозиции» не могли найти никакой грубой ошиб-

ки, а тем более ошибки, которая обосновывала бы такую острую реакцию. Г. И., объясняя свое поведение тем, что чувствовал себя ответственным за учреждение, не мог терпеть недоучек и должен был к этому прибегнуть. Он не мог не заметить, что именно в каждом из этих случаев он не мог не работать как обычно и равнодушно смотреть на то, что происходит вокруг; он чувствует тогда угрызения совести».

Здесь названо явное защитное мотивное поле, следовательно, цель — благополучие учреждения, с этой программой — контроль всех действий своего начальства. Сопоставляет целый ряд убедительных данных, которые показывают, что Г. И., объясняя мотив своего поведения, и обманывал. Вместе с тем анализ ситуации и личности Г. И. свидетельствует, что поведение его имело другую цель, тем более что его замечания не оказывали и не могли оказывать никакого положительного влияния на решения начальства. Наоборот, не раз делались попытки думать, чтобы не создавалось впечатление, что кто-то поддался влиянию Г. И. Подлинным направлением деятельности Г. И. было изгнание отрицательной атмосферы в учреждении и подрыв авторитета его преемников. Программа его деятельности была, следовательно, диаметрально противоположна цели, которая являлась содержанием мотива, а последствия — заключительное отстранение его от работы — были финалом, неожиданным для него.

В вышеприведенном примере мы видим противоречие не только между сформулированной целью и сформулированной программой, но также и между сформулированной целью и последствиями деятельности. Интересно, что ни то, ни другое противоречие не влияло на отношение к собственному мотиву. Это достаточно типично для приспособления, регулируемого с помощью защитных мотивов. Интересными при этом представляются связи между типом личности и тенденцией к использованию защитных мотивов. Проблема эта еще не была предметом специальных исследований, тем не менее практика позволяет выдвинуть гипотезу, что мотивы защитного характера проявляются прежде всего у личностей с особенно жесткой и разработанной системой принципов поведения; узкие и жесткие мерки, с которыми они подходят к разнообразной и изменчивой действительности, сделали бы для них невозможными многие виды деятельности, если бы не применение защитных мотивов.

5. ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ЗАЩИТНОГО МОТИВА

Приступим к анализу характерных черт защитного мотива, благодаря которым можно выделить его среди мотивов, считающихся обычными, то есть такими, про-

грамма которых приспособлена к сформулированной цели в той степени, в какой это позволяет интеллектуальный уровень личности и ее знания о мире. Исследования, которые я вел на пациентах Городской консультации психического здоровья в Познани, позволяют назвать три основных опознавательных критерия. Два основываются на анализе содержания мотива, а один — на анализе поведения, регулируемого таким мотивом.

Следовательно, анализируя содержание разных защитных мотивов, мы можем убедиться, что *содержание цели в защитном мотиве находится в логическом противоречии с содержанием программы*, тогда как личность, которая нас информирует о своем мотиве, обладает достаточно высоким интеллектуальным уровнем, чтобы не допустить такого рода противоречия. Вот пример.

Д. О., 58-летний инженер, не отдает зарплату жене, ведущей хозяйство, объясняя свое поведение воспитательными целями. Он утверждает, что жена его в общественном отношении перазвита, беспомощна и только таким образом он может научить ее самостоятельности в борьбе за существование. Конечно, Д. О. питается вне дома, оставшиеся же деньги кладет на книжку, поскольку живет в постоянном страхе перед беспомощностью, когда пойдет на пенсию. Д. О. старше жены на 20 лет. Никто, кроме него, не верит, что такого рода воспитание жены может дать положительный результат. Когда этому пациенту приводились примеры защитных мотивов с подобной структурой у других людей, он с легкостью находил заключающуюся в них ошибку. Только к собственному мотиву он относился не критически.

Конечно, иначе обстоит дело с людьми умственно отсталыми. Когда женщину, страдающую слабоумием в степени дебильности, изнасилованную группой хулиганов, судья спросил, почему она не звала на помощь, она ответила: «Не кричала, так как боялась, что может прийти милиция». Шизофреник на вопрос, почему он пишет грубые пасквили на начальство, ответил: «Делаю так, потому что меня бросила невеста». И в первом и во втором случаях мотивы являются обоснованными. На таком уровне ориентировки или при нарушениях такого рода обоснование, более связанное с программой действия, объективно невозможно и мотив этот нужно считать не защитным, а *патологическим*.

Можно назвать также другой вид защитного мотива, когда *программа логически не противоречит цели*, но в

то же время связана с ней только частично. В качестве примера приведем упомянутого в предыдущем разделе Г. Й. Анализируя его мотив, мы должны согласиться с тем, что включение в программу деятельности контроля за распоряжениями начальства в известной мере обоснованно, то есть ведет к цели, которая для Г. Й. заключалась, как он утверждает, в заботе о благополучии учреждения. Эта цель, казалось бы, оправдывает выступления на собраниях, сочинение истинной, агитацию коллектива, обращение к вышестоящему начальству. Программа Г. Й. не содержит якобы ничего другого. Однако Г. Й., как администратор с многолетним стажем, должен был знать, что одно только мелочное «контролирование» начальства, раздувание пустяков никогда не приведут к поставленной им цели. Тем более что Г. Й. не вносил никаких позитивных предложений, которые могли бы противостоять начинаниям новой администрации. Это была критика ради критики.

Таким образом, в мотиве этого вида цель, строго говоря, логически не противоречит программе, но обосновывает ее лишь частично. Следует заметить, что я не имею в виду ошибок, то есть ошибочно установленной программы, которая при первой возможности будет пересмотрена. Речь идет о таком мотиве, содержание которого не подвергается изменениям, несмотря на то, что практика иногда ощутимо показывает его нереальность. Этот тип защитного мотива особенно выразителен у сутяг, нарушение приспособления которых имеет реактивное происхождение.

Например Е. Л., адвокат на пенсии, постоянно затевает сложные судебные процессы о возвращении ему взятых много лет назад 150 злотых. Целью, к которой применена его программа, является «торжество справедливости». Не подлежит сомнению, что если нанесен ущерб, следует его возместить, необходимо бороться с несправедливостью. Но в данном случае программа оказалась в явной диспропорции с экономической стоимостью, которую можно получить в случае успешной реализации программы. Не имеет смысла так рьяно затевать дела с целью возвращения 150 злотых. Мы, однако, видим, с каким удовлетворением Е. Л. типшет все новые заявления, как охотно, с излишними подробностями рассказывает о своих боях. Е. Л., во всяком случае, не производит впечатления пострадавшего старика. Он полон энергии, часами просиживает в здании суда, присутствует на слушании многих дел, любит давать советы ожидающим свидетелям. Анализ его биографии, психологические беседы в достаточной степе-

ны убеждают нас в том, что его мотив носит защитный характер. Как бедна, бессодержательна была бы жизнь этого человека, если бы он вдруг выиграл свое дело!

Значит ли это, что в каждом таком случае мы имеем дело с защитными мотивами? Конечно, нет. Как уже говорилось, о защитном мотиве может идти речь только тогда, когда личность в ходе реализации своей цели не в состоянии из-за невротических нарушений произвести реалистический анализ программы действия и установленной цели. В случаях когда в основе сутяжничества можно вскрыть первичные по отношению к действию психические нарушения, мы уже имеем дело не с защитным мотивом, но с мотивом патологическим, связанным с бредом преследования или со слабоумием, «структурно» делающим невозможным правильное отношение к своей программе действия.

Указанные выше два критерия защитного мотива относятся к содержанию самого мотива. Как, однако, показывает опыт, наиболее надежный показатель дает анализ хода реализации программы, заключающейся в мотиве. Деятельность человека, направляемую защитным мотивом, характеризует *негибкость*, выливающаяся в полную неспособность делать выводы из практики и, как правило, все большее расхождение между целью и программой действия.

Даже опытного психолога поражает, как часто люди с высоким интеллектуальным уровнем, с большими знаниями и жизненным опытом в некоторых «сферах действия» совершенно не используют свои познавательные возможности. Приведу следующий яркий и довольно типичный пример.

Мать-вдова поссорилась с сыном, пытаясь бестактно контролировать его переписку, телефонные разговоры, воздействовать на его «симпатию», чтобы помешать встречам и т. д. Свое поведение она объясняла стремлением создать дома спокойную обстановку, чтобы сын мог беспрепятственно закончить учебу и не сошел с пути истинного. Долгое время это приводило к резким спорам, после чего сын в конце концов переселился в другой город под предлогом изменения направления в учебе. Следует заметить, что молодой человек был очень уравновешенным, хорошо относился к матери. Решение оставить ее он принял после долгих раздумий и нескольких бесед, во время которых старался склонить мать к изменению поведения. Это не дало никакого результата. Даже тогда, когда сын ушел, недвусмысленно дав по-

нить матери, что было причиной «изменения направления в учебе», мать продолжала считать, что поступала правильно, сожалела лишь о том, что слишком мало приложила усилий для контроля над сыном. Вместе с тем мать — разумная, культурная женщина. После смерти мужа она смогла приобрести профессию, обеспечить себе и ребенку хорошие материальные условия и завоевать уважение окружающих.

Приведенные выше три критерия являются, как кажется, вполне достаточными для отличения защитного мотива от такого мотива, назовем его *реалистическим*, в котором программа полностью согласуется с целью. Еще раз при этом подчеркиваю, что в случаях особенно трудных следует всегда убедиться, не имеем ли мы дело с патологическим мотивом, связанным с психическим дефектом.

6. ЦЕЛЬ, НАПРАВЛЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ

Анализируя структуру защитного мотива, мы обратили внимание на противоречие между вербализованной в мотиве целью и программой, реализация которой должна содействовать достижению этой цели. Как в приведенных примерах, так и во многих других аналогичных ситуациях стоит обратить внимание на определенную существенную особенность, связанную с подбором цели в защитном мотиве. Цели эти, как правило, касаются ценностей, признаваемых обществом позитивными с точки зрения культуры, формирующей данную личность. Речь идет, следовательно, о «лояльности», «выполнении долга», «заботе о благе другого человека» или «посвящении своей жизни» какой-нибудь идее или призванию. Это цели, которые в нашей системе морального воспитания считаются особенно достойными человека. Клинический психолог, работающий с невротиками, часто встречается с достаточно типичным для нашей культуры парадоксом, когда не приспособленная личность начинает говорить о патриотизме, долге, общественной лояльности, заставляя нас задумываться, в чем, собственно, состоит дело, что за этим скрывается. Мы не доверяем человеку, который не может устроить своих собственных дел, а пытается исправлять мир. И как правило, мы при этом не ошибаемся. Проще написать книгу об идеале воспитания, чем воспитать соб-

ственного ребенка. Проще заботиться о моральном уровне окружающих, чем сохранять свой собственный на должной высоте.

Дело тут, однако, не только в «технической» простоте или трудности. Как уже говорилось, во многих случаях нарушений приспособления мы встречаемся с тем, что осознание цели, к которой, в сущности, ведет программа действия, вынудило бы изменить эту программу, а на это человек порой не может согласиться. Мать, которая так беззаветно заботилась о сыне, должна была бы изменить способ своего действия, если бы отдала себе отчет в том, что она заботится не о благе сына, а только о себе самой, что она боится душевного одиночества, пустоты, которая открылась бы перед ней, если бы ей пришлось признать, что она уже не так необходима сыну. Работа для блага сына была смыслом ее жизни. А что должен был бы сделать Г. Й., осознав, что действия его направлены на компрометацию нового руководства? Он считал себя слишком правым для того, чтобы изменить свою программу действий. Понимание того, к чему ведет программа деятельности, вытеснено из сознания этих людей как слишком неприятное, неудобное, а сильные эмоциональные напряжения, которые сопутствуют таким видам деятельности, и все новые конфликты и столкновения затрудняют спокойный анализ ситуации. Мы видим, что в этих случаях следствие деятельности сказывается порой совершенно неожиданным для них. Реакция окружающих становится часто новым фактором, не предвиденным человеком, формулирующим цель и программу: Г. Й. деградировал в общественном отношении, вдова осталась без сына. (Более подробный анализ подобных случаев будет дан в гл. II.) Здесь же эти примеры позволяют проанализировать три понятия, существенные для наших дальнейших рассуждений.

Первое — цель деятельности, данная в мотиве, цель осознанная, которую в дальнейшем мы будем называть просто *целью*.

Второе — то, на что фактически направлена программа действия, которая, как мы уже знаем, может согласовываться с целью, определенной в мотиве, может быть связана с ней чисто внешне и, наконец, может не обнаруживать никаких связей. Постараемся избежать неточного термина «неосознанная цель» и в большем согласии

с фактами используем в таком случае термин *направленные действия*. При этом необходимо помнить, что направление может быть тесно связано с целью действия и может не иметь с ней ничего общего.

Третье понятие — *результат действия*, то есть последствия реализации действия в определенных условиях. Результат действия в такой же степени связан с мотивом, как и с актуальной внешней ситуацией. Так, если бы я решил, испытывая свои силы, переплыть реку, меня мог бы съесть крокодил, но этого могло бы и не случиться, поскольку, например, в этой реке нет крокодилов. Результат реализации моей программы был бы, следовательно, различен в зависимости от того, что скрывают в себе воды реки, хотя мотив оставался бы тем же самым.

Идеальной в процессе регуляции деятельности была бы ситуация, в которой цель, программа и результат действия находились бы в тесной связи между собой. Но нас интересует реальная жизнь, ее светлые и темные стороны, точнее, пожалуй, темные стороны, поэтому проиллюстрируем вышеприведенные понятия еще одним отрицательным примером.

Художник Б. бросил жену, объясняя себе и знакомым, что жена, «обывательница» и «мещанка», отрицательно влияла на его художественное развитие. Б. убежден, что принес жертву на алтарь искусства. Психологический анализ показывает, что направлением действия, приведшего к разводу, было освобождение от постоянного контроля жены, которая принуждала его к работе, зная его лень и неумение организовать свой день. Это не соответствовало стилю жизни Б., очевидно не благоприятствовавшему его творческим достижениям. Существование этого направления Б. отвергает, пожалуй, искренне. После развода отсутствие постоянного допинга, каким являлось влияние жены, привело к тому, что он стал более известен в ночных кабаках, чем в художественных салонах. Б. не имел таланта в той степени, чтобы одной или двумя работами завоевать себе место в художественном мире. У него не было творческой страсти, потребности высказаться в искусстве. Он был просто художником-профессионалом, который мог достичь мастерства только благодаря напряженной и систематической работе.

Анализируя его поведение, можно различить формулирование цели, направление и результат действия.

1. *Формулирование цели* — цель вербализованная, обосновывающая действие. Охраняется защитными ме-

ханизмами приспособления путем ограничения познавательного процесса¹. Таким образом, сформулированной целью Б. является создание условий для художественного развития.

2. *Направление действия* — цель не verbalizованная, не допущенная в сознание. Сопласуется с жизненным стилем Б., с тем, на что направлена его деятельность. Требования жены были несовместимы с установившимся в ходе личного развития стилем жизни Б. По мере усугубления этих требований все большую действительность приобретало стремление избежать их давления. Б., будучи, однако, человеком порядочным, человеком с «принципами», приступил к реализации этой программы только тогда, когда сформулировал приемлемую для себя цель.

3. *Результат* такого поведения в данном случае стал антитезой цели, сформулированной в мотиве, и выразился в понижении уровня мастерства.

Повторяю еще раз, что, говоря о сформулированной (в мотиве) цели, я определяю ее как *цель, вербализованную* индивидом (эквивалент английского термина *rigor*)², в то же время, говоря о направлении действия, имею в виду *неосознанную цель*, в общем соответствующую стилю жизни. Стилль этот можно проследить в каждой биографии как повторяющийся, проявляющийся в самых различных жизненных ситуациях способ удовлетворения потребностей. Первым обратил внимание на это явление Адлер, демонстрируя с его помощью индивидуальные способы достижения «идеала сильной личности» (1948, стр. 24—28). Говоря о результате действия, я имею в виду бихевиористское понимание цели как *пред-*

¹ Это определяется также как «техника замещающего приспособления». Камерон (1947) включает сюда такие защитные механизмы, как стремление привлечь внимание окружающих, идентификация, компенсация, рационализация, проекция, а также механизмы бегства, например негативизм, инсуляция, регрессия, вытеснение, фантазия. Они начинают свое действие тогда, когда достижение цели нормальным способом становится по какой-либо причине невозможным. Идентично понимают эту проблему и другие авторы, пишущие о приспособлении, например Хейнс (1958) или Шеффер (1956).

² Следует всегда считаться с тем, что можно впасть в ошибку из-за обмана. Исследуемый, излагая свой мотив, может знать, что осознанное обоснование цели было другим. Однако это уже вопрос техники исследования и профессиональной подготовки психолога.

ла действия (goal). Результат этот определяет ход человеческого действия и условия, в которых действие протекает.

7. ПРИМЕНЕНИЕ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПОНЯТИЯ МОТИВА

Из предыдущего раздела следует, что анализ содержания мотива не дает возможности узнать, почему Ян, например, поступил так, а не иначе, а устанавливает только то, как Ян обосновал свое поведение. Можно сделать вывод, что *мотив не всегда является точным отражением в сознании фактора, влияющего на возникновение деятельности*. Вероятно, ряд факторов может затруднить правильное осознание причин собственного действия. К ним относятся, кроме уровня умственного развития, определяющего границы познавательных возможностей личности, также факторы эмоционального характера, связанные с предшествующим опытом человека и существующим у него в данный момент взглядом на мир.

Но если знания мотивов поведения человека недостаточно для понимания его поведения, возникает необходимость в дополнительных источниках информации, чтобы понять, почему Ян поступил так, а не иначе.

Первым шагом должно быть, очевидно, расширение информации о самом мотиве и о ситуации, в которой он возник.

Вопрос, поставленный в начале работы, звучал: «Почему Ян поступил так, а не иначе?» Отвечая на него, мы получили формулировку, которую определили как мотив. Мы оценили его роль в возникновении и ходе деятельности, но вместе с тем признали, что этого недостаточно для ответа на наш вопрос. Знание мотива позволяет оценить деятельность только с моральной и правовой точек зрения. Теперь необходимо перейти к следующим вопросам. Предлагаю шесть, по моему мнению наиболее целесообразных, вопросов из того множества вопросов, которые ставятся в подобной ситуации.

1. «Как Ян обосновывает выбор именно такой программы деятельности, которую привел в мотиве?»

Ответ на этот вопрос позволит лучше понять выбор мотива, поможет раскрыть обман или выявить противо-

речие между целью и программой действия, если оно существует.

2. «Как Ян осуществлял или осуществляет свою деятельность?»

Ответ на этот вопрос можно получить уже не только со слов Яна, но и на основе наблюдения за его поведением. Он углубляет информацию, полученную в ответе на первый вопрос, и служит основной предпосылкой ответа на третий вопрос.

3. «Привела ли реализация Яном этой деятельности к цели, указанной в мотиве?»

Вопрос этот можно, пожалуй, сразу поставить вторым. Тем не менее практика показывает, что полезнее этот естественный вопрос поставить только после углубления задачи. Случается, что простой на первый взгляд ответ может предстать в совершенно ином свете, особенно после отрицательного ответа на следующий вопрос.

4. «Прекратил ли Ян эту деятельность?»

Ян достиг цели, но, несмотря на это, продолжает в общих чертах реализацию программы деятельности, установленную в мотиве. Нечто подобное происходит с сутягами. Например, Ян хотел путем скандала вынудить соседей отказаться от пользования общей кухней. Цели он достиг достаточно быстро, но скандалы не прекратились. На этот раз поводом для них могут служить игры детей.

Когда ответ на третий вопрос положителен, а на четвертый отрицателен, можно уверенно утверждать, что направление действия Яна не совпадает с целью.

Для понимания общей картины большое значение имеет ответ на пятый вопрос.

5. «Могут ли (или могли ли) использованные средства действия, в общем, привести к цели?»

Суммированием вопросов и предпосылкой для оценки мотива на фоне общего действия является ответ на шестой вопрос.

6. «Каковы будут (или были) последствия такого поведения?»

Эти шесть вопросов построены так, чтобы можно было охватить проблему во всей полноте, застраховавшись таким образом от потери какой-либо важной информации.

Приведу примеры практического применения этих вопросов.

Студентка Р. М. не сдала третий экзамен. До этого времени считалась способной, хорошо справлялась с учебной работой. Р. М. объясняет факт провала на экзамене тем, что поступила намеренно, обдуманно. Она не предполагает работать. Пошла учиться, чтобы успокоить родителей. В настоящее время у нее есть жених, она хотела бы побыстрее выйти замуж и иметь ребенка, при этом она боится, что через три года, которые остались до конца учебы, может быть уже поздно. Семья настаивает на окончании университета. Р. М. решила «проваляться» на всех экзаменах, чтобы показать родным, что продолжение занятий не имеет смысла и даже при ее желании учиться это было бы уже невозможно. Жених поддерживает ее в этом. Он подтвердил ее объяснение.

Каков мотив Р. М.?

Следует добиться исключения из университета, чтобы склонить семью согласиться на брак. Таким способом Р. М. сможет соединиться с любимым, иметь ребенка и заняться домашним хозяйством, что более привлекает ее, чем работа по специальности.

1. Чем Р. М. обосновывает выбор средств?

Тем, что она исчерпала уже все другие аргументы и остается только этот способ или же она вынуждена будет поставить семью перед свершившимся фактом, а этого она, как любящая дочь, делать не хочет.

2. Как Р. М. реализует программу своей деятельности?

Согласно своему решению, она не сдала экзаменов.

3. Привело ли ее действие к поставленной цели?

Да.

4. Остановилась ли она на этом?

Да.

5. Могли ли примененные средства привести к цели?

Да, хотя возникает вопрос, были ли это единственно возможные средства.

6. Каковы были последствия такого поведения?

Они соответствовали цели. Прекращение учебы и брак с согласия семьи.

С обычной точки зрения эту ситуацию можно считать выясненной уже после третьего и четвертого вопросов.

Мы знаем, что Р. М. прибегла к обману, чтобы реализовать то, что хотела. Своей цели она достигла. Считает, что поступила правильно, в настоящее время удовлетворена своим поступком. И на этом проблема оказалась решенной. Бывают, однако, к сожалению, случаи значительно более трудные. Человек формулирует мотив, реализует программу, но, несмотря на это, остается

неудовлетворенным, находится в напряжении, изменяет программу, чувствуя, что получается «снова плохо», становится нервным. Ясная в начале ситуация начинает запутываться. Возникает так называемое безвыходное положение, когда никто не знает, что, собственно, следует сделать, чтобы разрешить нарастающие (известно по какой причине) конфликты.

Большое значение в это время приобретает ответ на пятый вопрос: могли ли примененные средства действия привести к цели, указанной в мотиве?

Покажу это на примере.

Молодой супруг С. Л. жалуется на плохие отношения со своей женой, преждевременно состарившейся, кроткой женщиной, матерью единственного ребенка. В доме много месяцев происходят шумные ссоры. Наступающей стороной, как оказывается, является С. Л., который свое постоянное брюзжание и язвительные замечания, получившие уже форму издевательства, обосновывает тем, что должен найти наконец общий язык с женой, что такая жизнь дальше невозможна, что он, хотя бы это ему и дорого обошлось, принудит жену к выполнению определенных норм совместной жизни и порядка. Спрошенный о «вине» жены, он отвечает общими фразами, приводит какие-то несущественные мелочи, свидетельствующие, пожалуй, о том, что женщина боится его и старается ему угодить, хотя и не всегда умеет скрыть раздражение, вызванное создавшейся обстановкой. На сделанное ему замечание — не думает ли он, что, может быть, именно его педагогические методы вызывают такую атмосферу в доме, он отвечает с возмущением, что это исключено, что, наверное, «жена что-нибудь наболтала», а он как раз стремится к ликвидации напряженной атмосферы в доме, чему препятствует «глупое упрямство жены».

Каков мотив С. Л.?

Путем поучений привести к установлению более сносных отношений в семье, что в свою очередь должно ликвидировать источник ощущаемого С. Л. неудовлетворения жизнью, постоянного раздражения и дать ему сознание исполненного долга.

1. Чем С. Л. обосновывает выбор этих средств?

Он считает, что только совместное обсуждение этих вопросов имеет шансы на успех, а инициатива должна принадлежать ему, поскольку он является стороной с более высоким интеллектуальным уровнем и знает, чего хочет.

2. Как С. Л. реализовал свою деятельность?

Используя постоянные поучения и вызывая скандалы из-за мелочей, которые в его глазах вырастают до величины проблем.

3. Привело ли это действие к реализации поставленной цели?

В настоящее время нет, а наблюдение показывает, что цель эта все более отдалается.

4. Остановился ли он на этом?

Нет, и постоянно считает, что цель не достигнута.

5. Могли ли примененные средства привести к цели, указанной в мотиве?

Нет, не могли. Таким методом никого не воспитаешь.

6. К какому следствию приведет реализация деятельности С. Л.?

Здесь возможны три вида следствий: а) полная терроризация жены; б) С. Л. будет иметь основания для ухода от жены после какого-нибудь резкого столкновения; в) оба возненавидят друг друга и будут мучить себя, не имея возможности расстаться.

Такое выраженное противоречие между программой деятельности и целью у человека с нормально развитыми умственными способностями должно возбудить сомнения. Почему С. Л. избрал такой мотив поведения и каково, в сущности, направление его действия, какой оно имеет скрытый смысл?

Ответы, приведенные выше, показывают, как мало мы преуспели в попытке объяснить поведение С. Л. Оно и далее остается непонятным, несмотря на то что проанализирована ситуация, содержание словесных высказываний исследуемого, собрано определенное количество данных наблюдения. Можно даже сделать предварительные выводы: 1) мотив у С. Л. играет защитную роль; 2) направление действия С. Л., по-видимому, не согласуется с целью деятельности; 3) средства, применяемые С. Л., не могут привести к поставленной цели и 4) обоснование выбора этих средств неубедительно. Сделана попытка также предположить, к чему это действие может привести. Однако весь ход событий не помогает понять, каковы были, по существу, причины того, что С. Л. сформулировал именно такой мотив, и мы не знаем, в каком направлении должна развиваться программа его деятельности.

Мы собрали только группу фактов и допущений, помогающих определить исходную точку поиска причин именно такого поведения. Здесь мы приблизились к од-

ной из наиболее сложных проблем в психологии, в вопросе об основных потребностях человека.

Позволим себе заметить, что вопреки тому, что мы ранее решили, не только вопрос С. Л., но и поступки студентки Р. М. требуют дальнейшего объяснения. Ответ типичен: «Я сделала так, ибо хотела иметь мужа и ребенка и стремилась избежать конфликта с родителями» — не может удовлетворить психолога. Возникает следующий вопрос: «А почему хотела иметь ребенка?» Другие девушки в ее возрасте от такой возможности уклоняются, почему же она, только имея ребенка, почувствовала бы себя удовлетворенной? Может быть, Р. М. ошибается? Возможно, кто-то ей внушил взгляд, который является ложным и не соответствующим ее действительным интересам? Может быть, она должна была следовать именно советам родных и получить образование? Психолог спрашивает таким образом о сущности потребности Р. М. Правильный ответ на этот вопрос — это возможность указать человеку правильный жизненный путь. Тут нельзя надеяться на «чутье». Потребности становятся, таким образом, для советчика-психолога самой серьезной проблемой.

Этой важной, но трудной темы мы коснемся, однако, только в дальнейшем, а теперь суммируем наши выводы.

Как я упомянул выше, несмотря на ответы на поставленные шесть вопросов, а скорее даже благодаря им, четко обрисовались другие пробелы в нашем понимании поведения исследуемых лиц. Мы уже знаем, что должны понять, а это не такое уж частое событие в работе исследователя. То, что мы стремимся узнать, будет ответом на два следующих вопроса, дополняющих перечень из шести вопросов на стр. 40—41.

7. Почему Яп сформулировал именно такой мотив?

8. К чему ведет его программа или каково, собственно, направление его действия?

Эти вопросы можно задать только теперь, после предварительных разъяснений. К сожалению, однако, ответы на них не будут столь простыми, как ответы на предшествующие вопросы. Механизмы, связанные с выбором мотива и с направлением действия, достаточно сложны. Им следует уделить внимание. При этом мы введем несколько новых понятий.

Как я попытаюсь показать, соответствующим понятием инструментом для получения ответа на седьмой вопрос будет термин «установка», а на восьмой вопрос — термин «потребность». При этом проблема потребности (ключевая для понимания направления действия) может быть представлена более ясно только после рассмотрения некоторых вопросов, связанных с установками. Следующие главы, таким образом, будут целиком посвящены проблеме установок и потребностей, и нам придется прокладывать путь среди массы понятий, родившихся в результате бесчисленных попыток определить сущность отношений людей друг к другу и к миру, который их окружает.

Как я уже
в более уз
еся «установ
социологами, ве
рождения анализ
за тем же тем
как за и пяти
эпизод, конечн
однаково. В
данное Григор
повок: «Как и
новка является
не данной в н
тановки не от
ствая или реа
более того час
реакцией (а и
му и тому же
была мы ут
жительную
чем индивиду
сказавшая
гипотеза
характер, ч
ность индив
Мы иссле
влияем тог
гом реакци
определенны

УСТАНОВКА (ОТНОШЕНИЕ) И ПРОЦЕСС ВЫБОРА МОТИВА

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «УСТАНОВКА»

Как я уже упоминал, психологическим понятием, наиболее удобным для объяснения выбора мотива, является «установка» («отношение»). Понятие это, введенное социологами, вначале было сформулировано в целях упрощения анализа фактов. Его преимущество в том, что за ним не тянется такой балласт философских традиций, как за понятиями «мотив» или «потребность». Это не значит, конечно, что все авторы определяют установку одинаково. В качестве примера приведу определение, данное Грипом при обсуждении методов измерения установок: *«Как и многие психологические переменные, установка является гипотетической переменной, скрытой, а не данной в непосредственном наблюдении. Понятие установки не относится ни к какому конкретному акту действия или реакции, но к чему-то абстрагированному из большого числа связанных между собой действий или реакций (а именно действий, которые относятся к одному и тому же предмету или явлению.— К. О.)*. Пример: когда мы утверждаем, что индивид А имеет менее положительную установку в отношении организации работы, чем индивид Б, то понимаем под этим, что различные высказывания и деятельность индивида А, касающиеся организации работы, в целом носят менее положительный характер, чем соответствующие высказывания и деятельность индивида Б.

Мы используем понятие «установка» с полным основанием тогда, когда определенные, связанные друг с другом реакции с известной точки зрения (в отношении к определенным предметам или явлениям.— К. О.) согла-

суются между собой» («...when the many related responses are consistent». — 1954, стр. 335).

Грин приводит ряд определений таких исследователей, как Креч и Крачфилд, Доб, Олиорт, Фьюзон, близких, в сущности, данному им понятию¹. Существуют, однако, другие определения установки.

Некоторые психологи в своих определениях стараются подчеркнуть другой аспект установки, более тесно связывая ее с вниманием и с конкретным действием.

Например, Кэнтрил (1948), определяет ее как *«мысленную предпосылку, которая руководит реакциями личности»*. Кэнтрил, пожалуй, понимает установку слишком обобщенно, отождествляя ее с позицией и потребностью, как это делает и упомянутый ранее Мак-Киннон (прим. 2, стр. 21), который отождествляет установку с позициями, потребностями и мотивами.

Понимание установки (отношения) как актуального процесса еще более отчетливо выступает у Левинского (1948), который подчеркивает ее психологическую структуру: *«Установка является совокупной актуализацией наших склонностей, взглядов и потребностей»* (стр. 375).

Более бихевиористично определяет установку Хилгард (1957): *«Установка представляет собой направленность, на определенные объекты, понятия и ситуации или от них, а также готовность к действиям, направленным на соответствующие объекты, понятия или ситуации... одним из вышеуказанных способов... Как направленность, так и готовность к действиям имеет эмоциональный, мотивационный и интеллектуальный аспекты. Они могут быть бессознательными»*.

Можно также рассматривать установку исключительно со стороны ее проявлений, как это делает, например, Бейли во «Введении в социальную психологию» (1959), где он пишет: *«Оно (отношение) приближается по своему значению к мнению... не как холодное рассудочное суждение, но как высказывание в смысле определенной ценности»* (стр. 160).

Как легко заметить, не все эти определения согласуются с определением Грина. Это вполне объяснимо, поскольку его понимание тесно связано с требованиями, ко-

¹ Фьюзон, например, определяет отношение как *«вероятность появления определенного поведения в определенной ситуации»*.

которые ставит подготовка математического выражения установки, необходимого для обработки результатов анкетных исследований. Этих задач ни Хилгард, ни Левицкий себе не ставили. Рассмотрим подробнее определение Грина и попытаемся использовать его для наших целей.

Утверждение, что установка является фактором, абстрагированным из ряда реакций, имеющих определенные общие черты (*response consistent*), можно легко преобразовать: установка представляет собой фактор, обуславливающий взаимную соотнесенность отдельных пунктов возможной анкеты отношений (*the interrelationship among items define attitude*). Эти внутренние корреляции наблюдаются, собственно, потому, что существует неизвестная переменная, называемая установкой. «Это единственная причина, по которой они между собой коррелируют», — пишет далее Грин (стр. 359).

Чем отличается такое понимание установки от приведенного перед этим определения Хилгарда? В них есть известное сходство, но имеется также и явное различие. И для Грина и для Хилгарда установка — это некая *неизвестная переменная*, некая «диспозиция» к определенному поведению, однако оба автора по-разному понимают поведение, в котором проявляется установка. По Хилгарду, установка актуализируется в *конкретном, определенном способе поведения в отношении объектов данного рода*, в то время как, по Грину, актуализацией установки является *целая группа разнородных типов поведения, имеющих определенные общие черты*, а именно положительное или отрицательное отношение к какому-либо предмету.

Попробую проиллюстрировать эту разницу с помощью нескольких примеров. С установкой в понимании Хилгарда мы встречаемся у атеиста, ранее бывшего ревностным католиком, который еще и теперь при виде ксендза со святыми дарами на улице чувствует инстинктивное желание встать на одно колено, возможно, даже ощущает вновь специфическое волнение. Или другой пример. Некто, много лет водивший автомобиль по правой стороне проезжей части, оказавшись в Швеции, где принято левостороннее движение¹, забывает об этом и

¹ В настоящее время в Швеции принято правостороннее движение — Прим. перев.

стремится ехать по правой стороне. Такой способ понимания установок и отношений аналогичен принятому в психологии пониманию навыка или динамического стереотипа. Это подтверждается данным Хилгардом определением установки как «готовности к реагированию способом, который обусловлен прошлым опытом».

Иначе выглядит актуализация установок в понимании Грина.

Допустим, что мне нужно определить с помощью анкетных исследований, какова установка индивида — назовем его Яном — по отношению к матери. Констатирую, что на ряд вопросов, касающихся матери и представляющих своего рода различные экспериментальные ситуации, я получаю ответы, оценивающие мать отрицательно. Это означает, что я могу предположить известное число видов поведения, имеющих одну общую черту — отрицательное отношение к матери. Таким образом я исследовал важнейшие аспекты отношений Яна к матери и получил результат, который позволяет судить, что, оказавшись в ситуации, требующей выбора — проявить к матери сыновние чувства или остаться равнодушным и даже враждебным, — он выберет второе. Отношение определяет здесь не какое-то конкретное поведение, но только его тип как поведения отрицательного. Иначе могли бы выглядеть отношения Яна, например, к отцу. Они могут быть не так однозначны. Если речь идет об оценке отца как гражданина, это может быть положительное отношение, если же речь идет о его оценке как главы семьи, — отрицательное. Из этого ясно, что на ряд вопросов (ситуаций), в которых речь шла об отце как о гражданине, были получены ответы, имевшие ту общую черту, что оценивали его положительно, в то же время на вопросы об отце как о главе семьи ответы отмечены отрицательной оценкой.

В этом, как мне кажется, заключается разница между определением установки, данным Хилгардом (близким к определению динамического стереотипа), и определением, предложенным Грином. В своей работе я опираюсь на понимание установки, принятое Грином. Определение это можно, следовательно, сформулировать следующим образом: *установка по отношению к предмету X является гипотетическим фактором (неизвестной переменной, диспозицией), проявляющейся в разнородных видах*

поведения, имеющих общую черту, а именно определенное (положительное или отрицательное) отношение к данному предмету.

2. ПРИНЦИП ИСКЛЮЧЕНИЯ МОТИВА

Имеются все основания считать, что лишь такое толкование установки помогает понять не только то, почему люди в той или иной ситуации поступают определенным образом, но прежде всего, почему они выдвигают те, а не иные мотивы поведения. Покажу это на примере. Яп, занимая достаточно высокое руководящее положение, имеет отрицательную установку по отношению ко всем идеям, выходящим за пределы его понимания. Именно такова была идея проекта, который представил его друг, работающий в том же институте и являющийся его подчиненным. Яп прячет проект в письменный стол и не допускает его публичного обсуждения. Мотив Яна следующий: «Идея явно нелепая и компрометирует ее автора. Я, как его друг, должен, к сожалению, поступить так». Мотив, выдвинутый Яном, а также поведение, реализующее этот мотив, можно считать обусловленным его отрицательной установкой по отношению к новым идеям. Зная эту установку, мы лучше поймем, почему Яп поступил таким образом.

Но тут возникает одно сомнение. Конечно, знание упомянутого отношения Яна позволяет предположить, что он любым способом постарается отклонить идею друга, но не объясняет, почему он избрал эту, а не иную форму отказа. Ведь он имел, казалось бы, возможность выбрать другие способы выражения своего отрицательного отношения: мог пригласить к себе для разговора автора проекта и раскритиковать его, мог публично высмеять идею и, используя авторитет, который обеспечивает его положение, не допустить дискуссии и т. д. Каждому такому виду поведения соответствовал бы иной мотив, который Ян, разумеется, сконструировал бы в упомянутых случаях, и все эти мотивы согласовывались бы с его отрицательным отношением к новым идеям. Если, однако, он поступил так, как было описано выше, возникает вопрос, почему эта установка актуализовалась именно в таком, а не ином мотиве, обосновывающем это поведение? Каза-

лось бы, зная только отрицательную установку Яна по отношению к новым идеям, мы не сумеем в дальнейшем представить себе его конкретного поведения в данной ситуации, и, следовательно, можно сомневаться, действительно ли установки вносят что-то новое в наше понимание механизма поведения.

На это мы отвечаем, что действительно знания одной установки недостаточно для выяснения мотива и действий Яна. Нужно обратить, однако, внимание на то, что в рассматриваемой ситуации участвовало несколько установок Яна, кроме той, о которой перед этим шла речь. Только все эти установки, вместе взятые, объясняют нам способ его поведения. Во-первых, Ян был другом автора проекта, то есть занимал по отношению к нему положительную позицию. Эта подробность объясняет, почему он не мог критиковать автора проекта в частном разговоре, выступая по отношению к нему в качестве строгого начальника. Во-вторых, Ян занимал высокое положение, и рассмотрение проектов входило в его служебные обязанности. Известно также, что к своим обязанностям Ян всегда относился серьезно, то есть имел положительную установку. Этим объясняется то, что Ян не мог просто умолчать об идее, но должен был для такого шага подыскать какое-нибудь обоснование и нашел его в мотиве оказания помощи другу путем сокрытия идеи, которая его якобы компрометировала. Обе эти установки объясняют также, почему Ян публично не высмеял идеи, авторитетно не допуская дискуссии о ней: это не согласовывалось бы как с положительной установкой по отношению к приятелю, так и с серьезным пониманием своих служебных обязанностей. Наконец, известно, что Ян считался также и с общественным мнением, а такой способ поведения мог быть подвергнут критике, следовательно, не соответствовал бы этой установке.

В конце концов, как мы видим, Ян, желая отклонить проект друга, не имел такого большого, как казалось бы, выбора, ни способов поведения, ни мотивов, обосновывающих это поведение. Только сокрытие идеи, мотивированное оказанием помощи другу, соответствовало всем его установкам, другие же способы решения вопроса автоматически исключались, как противоречащие какой-либо из них. Таким образом можно сделать вывод, что знание совокупности установок в отношении определенной ситуа-

ции позволяет объяснить и то, почему человек в этой ситуации ведет себя так, а не иначе и почему тем, а не иным способом обосновывает свое поведение, то есть выбирает именно такой мотив.

На знание установок мы опираемся часто в практической жизни, пытаемся предвидеть чуждое поведение, например когда говорим: «Х, может быть, и хотел бы принять участие в этом мероприятии, но, наверное, не сделает этого, поскольку любит удобства. Он, конечно, решит, что его положение ему этого не позволяет». Или: «Х не сможет привести такой причины своего поступка, так как очень уважает правовые предписания». Эти высказывания отражают нашу убежденность в том, что данный индивид может принять только такие мотивы, поскольку он определенным образом относится к данным объектам и явлениям, другие же мотивы противоречат его установкам и могут вызвать у него внутренний конфликт. Не следует при этом, конечно, считать, что мотивы всегда выполняют защитную роль и человек не имеет возможности выбрать мотив, соответствующий действительности. Когда мотив, согласующийся с подлинными причинами нашего действия, будет соответствовать также нашим установкам, не возникнет никаких препятствий для его правильного формулирования.

Из сказанного следует, что установки человека определяют как его действие в данной ситуации, так и способ обоснования этого действия, или мотив, который он выдвигает в связи с этим действием. В данном случае нас интересует главным образом второе. Можно предположить, что установки *автоматически исключают* все мотивы, противоречащие одной из них или же большей их части, оставляя только мотивы, допустимые с точки зрения совокупности отношений личности. Механизм этот можно назвать «механизмом исключения мотивов». Он является, несомненно, сложным, и действие его бывает иногда более, а иногда менее осознанным. Он может иметь те или иные формы в зависимости от характера ситуации, от того, какие в данном случае действуют установки, от уровня умственного развития человека, его общественных отношений, роли, которую он играет в своей группе, и требований, которые предъявляет ему окружающая среда. Можно, однако, считать, что влияние установок на мотивы регулируется одним и тем же основ-

ным механизмом, то есть исключением мотивов, противоречащих установкам.

Исходя из этого можно более детально определить связь, которая возникает между установкой и мотивом. Мы можем считать мотив известным компромиссом между установками личности, входящими в состав комплекса позиций, относящегося к данной ситуации. Мотив, таким образом, можно определить как формулировку средств и цели действия, находящуюся в соответствии или в минимальном противоречии со всеми установками, связанными с ситуацией, к которой относится мотив.

Следует подчеркнуть, что ход исключения мотивов в большой степени зависит от согласованности установок личности, касающихся определенной ситуации. Они могут быть противоречивыми, как, например, у того, кто любит женщину и одновременно испытывает к ней неприязнь или желает того, что вызывает презрение. Неоднородность установок может значительно затруднить процесс формулирования и принятия мотива, обосновывающего поведение по отношению к предмету такой любви или такого желания.

Можно привести и другие примеры. Представим себе человека смелого, то есть без выраженной установки страха перед опасностью, социально активного, с сильной отрицательной установкой в отношении всякого рода несправедливости, и допустим, что он находится в ситуации, когда бьют слабого. Мы имеем тут случай однородности установок, участвующих в данной ситуации, — выбор мотива здесь быстрый и решительный: слабого пужно защищать всеми средствами. А теперь допустим, что в такой же ситуации оказался кто-то другой, также социально активный, но боязливый, то есть характеризующийся установкой страха перед угрожающей ему опасностью. При такой неоднородности установок, одна из которых требует, чтобы он вмешался в ситуацию, а другая — чтобы остался в стороне, выбор мотива будет значительно более трудным. Если при этом обе установки, принимая во внимание общественную обязанность и опасность, будут одинаково сильными, может возникнуть временная неспособность выбрать мотив и человек останется равнодушным свидетелем общественной несправедливости, с чувством внутреннего разлада: презрения к себе и

вместе с тем легкого удовлетворения оттого, что удалось избежать опасности.

Но и в этой ситуации можно в конце концов найти мотив, согласующийся с обеими установками. Человек мог бы, например, быстро удалиться, мотивируя это тем, что для решения вопросов общественной безопасности существует милиция, гражданин же не должен по своей инициативе принимать никаких мер, а только как можно быстрее сообщить о случившемся первому встретившемуся милиционеру. Пожалуй, противоречие между отдельными установками не всегда столь отчетливо, иногда его, в общем, трудно заметить и нужна определенная специфическая ситуация, чтобы оно проявилось со всей остротой. В качестве примера могу привести случай из собственной практики.

Л. О., ипохондрик, озабоченный состоянием своего здоровья любит комфорт и покой, работает в народном совете, добросовестно выполняя свои обязанности. Всегда мечтал создать семью, очень хотел иметь детей. Легко нашел заботливую женщину. Некоторое время оба были счастливы, физически он чувствовал себя лучше. И тот и другая были удовлетворены выбором. Четыре месяца спустя жена Л. О. забеременела, и тут ситуация сразу изменилась. Л. О. стал очень капризным, агрессивным. С жалобами на головные боли он начал посещать консультацию психического здоровья. Несколько раз из-за болезни освобождался от работы. Неделями лежал дома и требовал особой заботы, не обращая внимания на состояние жены, которая плохо переносила беременность. Несколько месяцев находился в санатории, но без всякого улучшения. Состояние, пожалуй, даже ухудшилось.

Когда родился ребенок, атмосфера в доме стала невыносимой для обоих. Жена не могла и не хотела дальше терпеть его поведение. В семье наступил полный разлад. После нескольких острых конфликтов Л. О. покинул семью.

Что же случилось? Психологический анализ показал, что Л. О., воспитанный бабушкой, приобрел еще в детстве стойко укоренившуюся из-за стиля воспитания установку, выражавшуюся в выборе спокойных, «комфортабельных» ситуаций, когда он, безусловно, является первым лицом и сосредоточивает на себе внимание окружающих. Ребенком он был болезненным и капризным. Мать его была такой же. Жизнь семьи заключалась в заботах о ней, о ребенке и об их здоровье.

В первые годы зрелости условия жизни принудили Л. О. к самостоятельности. Бабушка уже одряхлела, мать покинула дом, отец не принимался во внимание. Начало самостоятельной жизни Л. О. было трудным. Он не сумел получить диплома или конкретной профессии. На быстрое продвижение по службе, исключая обычные повышения, не мог рассчитывать. У Л. О. смутно, но часто возникала мысль, что достигнутое — предел возможного для него. Именно тогда он начал мечтать о создании семьи, о теплой

уютной обстановке, о любящей и заботливой жене, семье, которая стала бы воплощением воспоминаний его детства. По его мысленной схеме такая семья в принципе должна была иметь ребенка. Характерно, однако, то, что, думая о будущей семье, Л. О. не представлял себя в роли отца и не задумывался над обязанностями, которые ему придется выполнять. Семья была для него символом душевного тепла и постоянства, поэтому он так тосковал о ней в своей холостяцкой жизни. Его положительная установка по отношению к семье и ребенку имела, следовательно, в сущности эгоистический характер, то есть предметом его мечтаний была не семья как таковая, но собственное удобство, которое семья должна была ему обеспечить.

Мы видим, что у Л. О. в момент женитьбы действовали две установки, возникшие в разные периоды жизни: одна положительная по отношению к собственному удобству и другая — отрицательная по отношению к семье и ребенку. Пока Л. О. не имел семьи, противоречие между этими установками не обнаруживалось, более того, они дополняли друг друга, ибо ведь именно ребенок должен был стать фактором, способствующим семейному теплу, а тем самым — большему удобству Л. О. Только когда Л. О. стал главой семьи и над ним все больше пачали тяготеть обязанности, когда внимание жены сосредоточилось на ребенке, а он сам должен был отойти на второй план или подняться до роли сотоварища с ее особой ответственностью, только тогда обнаружилось, что семья с ребенком не обеспечивает личного удобства, и скрытое противоречие между его установками стало явным. Л. О., чтобы обрести внутреннее спокойствие, должен был изменить либо ту, либо другую установку: или отказаться от личного удобства и посвятить себя семье, или отказаться от семьи и решиться на одиночество. Он избрал одиночество, но чувствует себя в настоящее время очень несчастным. Это произошло потому, что установка, которая в данной ситуации склоняла его к поиску более удобной среды, чем семья, оказалась сильнее. Поскольку, однако, его установка, связанная с наличием детей, была также сильной и к ней присоединялись дополнительно установки, касающиеся обязанностей, долга и т. д., он не мог изменить ее так просто и, не будучи в состоянии отказаться от удобства, должен был, не отдавая себе в этом отчета, идти на компромисс и соответственно этому избрать мотив своего поступка. Сам Л. О. говорит об этом так: «Я должен заботиться о своем здоровье, потому что больной ничего не стою. В связи с этим я не могу, к сожалению, исполнять домашние обязанности, конечно, временно. Пока жена должна справляться сама. Когда я буду здоров, а она поймет свои ошибки, я вернусь». Таков его мотив.

Кроме того, он утверждает, что не годится в отцы и совершил ошибку, создав семью. Ситуация в доме глубоко его огорчает, но он слишком болен и ничего не может сделать. Упрекает жену, утверждая, что она должна была в отцы своего ребенка выбрать сильного, здорового мужчину, и тогда у нее не было бы хлопот.

В этом случае, как я полагаю, отчетливо видно, что мотив, указанный Л. О., был единственным мотивом, который в такой ситуации мог быть принят без опасения сильных внутренних конфликтов. Более того, этот мотив позволяет Л. О. считать себя обиженным судьбой.

Посмотрим, что случилось бы, если бы Л. О. сконструировал откровенный мотив: «Уйду от жены, потому что обязанности отца и кормильца семьи тяготят меня». Или: «Покину дом, потому что никто здесь обо мне не заботится, у меня одни только обязанности». Поставив вопрос так ясно и недвусмысленно, Л. О. должен был бы признать себя, согласно другим своим установкам, откровенным подлецом, а это не слишком приятно, и с таким убеждением трудно жить. Установки Л. О. исключали формулирование подобного мотива.

Следует, однако, заметить, что встречаются иногда люди, которые сами себя считают подлецами и которым легко доказать, что они и в самом деле подлецы. По-видимому, с таким мнением о себе можно жить. Тем более непонятно «бегство» Л. О. в защитный мотив.

Пытаясь разрешить этот вопрос, мы прежде всего должны понять, что люди, спокойно называющие себя подлецами, по-видимому, подразумевают под этим нечто значительно более лестное для себя, чем заурядная подлость. Для некоторых из них «подлец» означает то же самое, что и «несчастный человек, нуждающийся в помощи». Мы встречаем подобные самообвинения у алкоголиков, объясняющих таким способом, почему они не могут не пить. Для некоторых людей, считающих себя независимыми и аморальными, презирующих человеческое стадо, быть подлецом — повод для гордости. Встречается это у так называемых асоциальных социопатов (Завадский, 1959, стр. 75). Следовательно, даже тот, кто, казалось бы, цинично признается в «подлости», так не определяет это понятие, что оно не противоречит положительному отношению к себе самому. Л. О. не был, однако, столь утонченным.

Я полагаю, что вышеприведенные примеры достаточно ясно иллюстрируют принцип действия механизма исключения мотивов, дающий ключ к пониманию их выбора.

Объясняя выбор мотива наличием у человека определенных установок, мы, несомненно, не охватываем всех факторов, от которых зависит этот выбор. Можно предположить, что процесс исключения мотивов зависит также от индивидуальных особенностей личности. В своей клинической практике я чаще всего наблюдал легкость в формулировании мотива, с одной стороны, у лиц с примитивным мышлением, поверхностных, асоциальных (мелкие воры,

аферисты), с другой стороны — у людей, сочетающих высокий уровень духовной культуры с ясным и проникнутым общественным сознанием взглядом на мир, у людей отнюдь не эгоцентричных. В то же время утонченные интеллектуалы, привыкшие постоянно контролировать свои действия и обнаруживающие одинаково интенсивные социальные и асоциальные установки, испытывают особые трудности в выборе мотива. Часто формулирование цели становится для них невозможным и эти люди действуют в ходе перманентного процесса исключения мотивов. Поэтому действия их непоследовательны, слабы, полны внезапных порывов и отступлений. Яркий образ такого человека нарисовал Галчинский в стихотворении «Смерть интеллигента».

Возможно, более глубокий анализ так называемых внутренних конфликтов показал бы, что трудности в выборе мотива постоянно возникают при одновременном существовании противоречащих установок: социальных и асоциальных. Но этот вопрос явно выходит за рамки настоящей работы.

3. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что установки и мотивы являются *общественным продуктом, продуктом опыта человека в системе общественных отношений*. Ясно и неоднократно отмечалось в психологии (см., например, работы Олпорта или Фестингера), что установки возникают при столкновении личности, имеющей определенные знания, навыки и потребности, с новой информацией, с новыми социальными требованиями и ситуациями, с учетом которых необходимо действовать¹. Если мы говорим, что выбор мотива зависит от соотно-

¹ Примером может служить механизм возникновения определенных установок вследствие так называемого когнитивного диссонанса (cognitive dissonance), описанного Фестингером (1958). Он возникает тогда, когда индивид, расширяя информацию о знакомом явлении, приходит сам с собой в состояние диссонанса. Например, страстный курильщик, не имеющий желания отказаться от своей привычки, знакомится с результатами научных исследований, указывающих на связь, которая существует между курением и заболеваемостью раком. У него может появиться в это время отрицательное, скептическое отношение к достижениям науки.

шения и особенностей установок, связанных с данной ситуацией, то можно также уверенно утверждать, что выбор мотива обусловлен общественным опытом личности. Определение характерных признаков этого опыта, а также обстоятельств, при которых он возник, является задачей генетических исследований, которые проводит клинический психолог при анализе биографии пациента. Эти проблемы в данной работе не затронуты.

В ходе изложения этой главы встанет еще один вопрос. Если даже установки личности позволяют понять, почему данный человек в определенной ситуации выбирает тот, а не иной мотив поведения, то они не объясняют, почему возникает сам процесс выбора, почему человек прилагает усилия, чтобы выполнить зачастую кропотливое и требующее первичного напряжения исключение мотивов. Анализ биографий лиц с нарушениями приспособления неоднократно выявлял принципиальную направленность их действий, напоминающую то, что Адлер называл стилем жизни. Пропущенные через фильтр установок мотивы, которые организуют и направляют действие или делают возможным его контроль, могут быть разнородными. Иногда это стремление выделиться, обратить на себя внимание, иногда конкретная профессиональная или общественная деятельность, или же поиски опеки, или опека над другими. Упорство, с которым отдельные лица стремятся действовать в каком-либо одном направлении, эмоциональные нарушения, возникающие, когда это стремление остается неудовлетворенным, заставляют предположить, что немаловажную роль здесь играют потребности человека.

Потребностям человека посвящена следующая глава. Я попытаюсь определить само понятие потребности и установить, нельзя ли свести столь разнородные в своих внешних проявлениях направления деятельности человека к нескольким основным.

ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

1. ПРОБЛЕМА ФАКТОРОВ, ДИНАМИЗИРУЮЩИХ ПОВЕДЕНИЕ

В предыдущих главах рассматривалась роль мотивов и установок в поведении человека. Я пытался сформулировать практически применимые определения этих терминов и дать представление о связи обозначаемых ими явлений (механизм исключения мотивов, находящийся в зависимости от установок).

Но оказалось, что этих двух понятий не достаточно для исчерпывающего объяснения поведения. Они, правда, позволяют понять, почему человек в данной ситуации ведет себя строго определенным образом, но ничего не говорят о том, почему ситуация эта *вызывает* такое его поведение. Они, очевидно, отражают факторы, обуславливающие особенности действия, но не сам факт его появления и продолжения. Это различие для большей ясности можно проиллюстрировать, сравнив поведение с движением бильярдного шара. Направление движения шара на бильярдном столе будет понятно нам, если мы примем во внимание такие факторы, как, например, особенности поверхности стола, столкновение шара с другими шарами, его удар о борт и т. д., но все это не даст ответа на вопрос, почему вообще шар движется. Чтобы выяснить это, мы должны еще принять во внимание тот факт, что шар получил удар кием, сообщивший ему определенное количество механической энергии.

Если факторы, передающие энергию данному предмету, мы назовем динамическими, то возникает вопрос, каковы *факторы, динамизирующие* поведение человека? Ими, очевидно, нельзя считать ни мотивы, ни установки, ибо они только дают направление поведению, то есть выполняют ту же роль, что и факторы, определяющие нап-

равление движения бильярдного шара. Где же следует искать динамические факторы, являющиеся подлинными причинами человеческой деятельности? Ответ на этот вопрос найти не так просто. Он формулировался по-разному, приводились такие термины, как «влечения», «инстинкты», «мотивы» и т. д.; значение этих понятий в конце концов смешивалось. Общим для всех ответов является утверждение о своеобразных внутренних силах организма, побуждающих его к действию определенного вида. Силы эти называли инстинктами, мотивами или влечениями. В психологии эта концепция приобрела особую актуальность с появлением работ Фрейда, который объяснял динамику поведения с помощью теории «либидо» и метаморфоз, которым подвергается это влечение в жизни личности (Фрейд, 1923). За ним идет длинный ряд других исследователей, из которых у нас наиболее известен Адлер, считавший (в противоположность Фрейду), что поведение динамизируют *социальные факторы*, руководящие проявлениями «стремления к власти» (*Machtstreben*). Он понимал деятельность человека диалектически, как результат борьбы противоречий, как равнодействующую эгоистического «стремления к власти» и «социальных чувств», возникших в ходе филогенетического развития из самого факта сосуществования людей в социальной группе (Адлер, 1948)¹.

В современной психологии влечения, инстинкты и т. д. определяются обычно термином «потребность». Можно было бы, следовательно, сказать, что фактором, динамизирующим поведение людей, является потребность. С этим современные психологи, в общем, согласны. Разногласия начинаются с того момента, когда ставится вопрос об особенностях потребностей человека. Тут возникают споры, подобные спору между Фрейдом, сторонником концепции «либидо», и Адлером, представителем теории «стремления к власти».

Но здесь мы сталкиваемся с другой, более существенной проблемой. Когда говорят о том, что фактором, динамизирующим поведение, являются потребности, то есть

¹ Пожалуй, аналогичную «борьбу противоречий» можно выявить в концепции Фрейда, только тут противоречие возникает между «либидо» и «цензурой», представляющей собой выражение норм и взглядов, воспринятых личностью от ее общественной среды

определенные условия, заключающиеся в организме, в личности, это может быть понято как противопоставление динамики организма динамике неживых предметов. Динамические факторы, вызывающие движение неодушевленных предметов (как в упомянутом примере с бильярдным шаром), действуют *вне* их, в то время как факторы, динамизирующие организм, *исходят* в самом организме. Иначе говоря, организм «движется сам по себе», в то время как неживые предметы должны быть приведены в движение извне. Такое толкование, хотя и не выступающее в столь определенной форме, по-видимому, часто лежит в основе разных теорий, оперирующих понятием «потребность» или такими терминами, как «влечение», «инстинкт» и т. д.

Но противопоставление факторов, динамизирующих организм и неодушевленные предметы, достаточно рискованно. Большие трудности возникли бы при сравнении организма, например с автомобилем, не говоря уже об «электронных черепахах». Кроме того, такое противопоставление равнозначно утверждению, что поведение живых существ не вызывается внешними факторами, что, несомненно, неверно. Это утверждение полностью опровергнуто рефлексорной теорией поведения, начало которой положил еще Сеченов (Сеченов, 1961). Согласно этой теории, живой организм тесно связан со средой, представляет с ней определенное единство, а основные причины поведения коренятся (так же как и при классических рефlekсах) вне его; ими являются те или иные внешние раздражители. Таким образом, различие между неодушевленными предметами и живыми организмами не сводится, как полагают рефлексологи, к различию динамизирующих факторов, ибо движение и тех и других требует определенного «толчка» извне, различны только:

1) способ, которым они реагируют на этот толчок (например, удар по шару вызывает движение в направлении удара, аналогично этому дразнение животного может вызвать нападение с его стороны), а также

2) вид движущих факторов (раздражителями могут быть все факторы, для восприятия которых животное имеет органы чувств).

Однако чисто рефлексорная теория поведения (например, рефлексология Бехтерева или бихевиоризм Уотсона) при всей своей правильности требует определенного до-

полнения. Оно было сделано наконец Павловым и этим
ком часто недооценивается его последователями. Когда мы
говорим, что факторами, обуславливающими поведение
животного или человека, являются раздражители, напри-
мер зрительные, слуховые, обонятельные, термические и
т. д., сразу встает вопрос, почему эти факторы побужда-
ют организм к движению. Павлов считал, что причиной
этого является существование основных тенденций орга-
низма, которые возникают под влиянием раздражения
извне или изнутри и руководят жизнью животных и лю-
дей (Павлов, 1951). Например, под влиянием голода про-
является тенденция к поискам пищи, действие половых
гормонов ведет к поиску существа другого пола и т. д.

В психологии эквивалентом этого понятия является
понятие «потребность»: живой организм реагирует на
раздражители потому, что имеет определенные потребно-
сти. Животные избегают высоких температур, потому что
у них есть потребность жить при более низкой темпера-
туре; поедают корм, потому что имеют потребность в пи-
ще, и т. д. Внешние раздражители обуславливают пове-
дение только тогда, когда действуют «на фоне» соответ-
ствующих потребностей индивида¹. Если бы индивид не
имел потребности в пище, он не реагировал бы на пище-
вые раздражители, а если бы он не был наделен потреб-
ностью в безопасности, не реагировал бы ни на какие уг-
розы. На этом основана принципиальная разница между
поведением животных и «поведением» неодушевленных
предметов, которые не имеют потребностей в таком пони-
мании этого слова.

Следовательно, на вопрос о том, находятся ли причи-
ны движения живых существ вне их или в них самих, мы
можем ответить так: внешние раздражители вызывают
движения, но свою «движущую силу» они черпают в по-
требностях индивида, существенными динамическими
факторами являются, следовательно, потребности. Однако
не следует понимать это таким образом, что живые орга-
низмы не подчиняются законам механики. Несомненно,
что человек, сброшенный с высокой скалы, упадет вниз,
так же как и камень, а сильный удар разрушит ткани те-

¹ Речь здесь идет о «сложных» формах деятельности, а не
о таких простых рефлексах, как чихание, коленный рефлекс
и т. д.

ла, так же как и кусок гипса. Дело в том, что реакции, типичные для живых организмов, определяются динамикой потребностей, которая не играет никакой роли в реакциях неодушевленных предметов.

2. ПОТРЕБНОСТИ И МЕХАНИЗМ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Теперь следует ответить на вопрос, что такое потребность, как нужно толковать это понятие. Во всяком случае, его нельзя считать ни ясным, ни однозначным. Ответ на этот вопрос дадим в несколько этапов. Прежде всего следует подчеркнуть, что потребности нельзя понимать как «духовный» фактор или «жизненную силу». Подобное понимание опирается на более или менее четко выраженные метафизические представления, не имеющие права на существование в современной психологии. Немного пользы принесет также интроспективное понимание потребности как субъективного ощущения желания чего-либо. Проблему эту мы обсуждали при определении понятия «мотив».

Пытаясь понять потребность в соответствии с основами естественных наук, следовало бы рассматривать ее в связи с определенной особенностью живых организмов, называемой одними «способностью к саморегуляции» (Павлов), а другими «гомеостазом» (homeostasis — Кеннон). Еще Клод Бернар выдвинул теорию о том, что характерной чертой живых существ является способность поддерживать постоянство внутренней среды, несмотря на изменения, происходящие в окружающей среде (цит. по: Селье, 1960, стр. 15). К этой идее близки взгляды Павлова, который утверждает, что для нормального функционирования организма существенно состояние внутреннего равновесия всех органов, их оптимальное гармоничное взаимодействие. Равновесие это, однако, часто нарушается, так как в организме происходят изменения, связанные с обменом веществ и с изменениями в его внешней среде, такими, как значительное повышение или понижение температуры окружающей среды, опасность со стороны врагов и т. д. К сожалению, до настоящего времени не установлен достаточно точно диапазон процессов, обуславливающих поддержание или восстановление внутреннего равновесия.

В этой связи представляет интерес теория фрустрации Розенцвейга (Хант, 1944, т. I, стр. 379), посвященная вопросу о диапазоне внутреннего равновесия организма. Розенцвейг предполагает существование трех уровней защиты организма от фрустрации. Эти уровни соответствуют трем основным функциональным системам, сдвиг активности которых трактуется (так же как и в данной работе) как колебание внутреннего равновесия организма. Первый уровень — это защита «клеточного» типа, или «иммунологическая», связанная с нарушением деятельности отдельных органов или части ткани организма, например, вследствие местной инфекции. Второй уровень — это защита «автономного» типа, связанная с нарушением всей структуры физиологических процессов организма, регулируемых главным образом вегетативной нервной системой. Третий уровень — это защита «на уровне коры» (ego-defense), связанная с нарушением нейропсихической регуляции, вызванным, например, резким изменением внешнего стереотипа или психическим конфликтом. Нарушение в рамках этой системы может привести к неврозу.

Все три уровня защиты внутреннего равновесия индивида тесно связаны между собой, что позволяет в случае неудачной защиты на одном из уровней включаться высшим формам регуляции (интеллектуализация) или низшим (регрессия) до восстановления равновесия. Итак, чтобы удерживать организм в состоянии внутреннего равновесия или, другими словами, сохранить постоянство внутренней среды, индивид должен соответственно реагировать на раздражители, нарушающие равновесие. Например, при пониженной температуре окружающей среды необходимо повысить температуру тела (люди хлопают на морозе руками, топчутся на месте, бегают и т. д., чтобы согреться), при недостатке в организме белка или минеральных солей нужно ввести в него соответствующее количество необходимых веществ, добывая их из окружающей среды; требуется обдумывать способы правильного решения психического конфликта, защиты от врагов и т. д. Такое реагирование на среду, дающее возможность организму поддерживать внутреннее равновесие и определенное Розенцвейгом как «реакция на фрустрацию», Павлов назвал восстановлением «внешнего равновесия», а способность удерживать равновесие со средой определил как «способность к саморегуляции» (Павлов, 1951).

Этому примерно соответствует введенный Кенпоном термин гомеостаз: «Гомеостаз есть процесс, живому организму способный поддерживать постоянство внутренней среды при всех обстоятельствах» (цит. по: Селье, 1960, стр. 15); при этом главный акцент делается на «внутреннее равновесие».

На основе теории саморегуляции нетрудно дать правильное, в данном случае временное определение потребности, свободное от каких-либо метафизических предположений. Если мы убедимся, что данный индивид без вполне определенных условий не может нормально функционировать, то есть явно обнаруживается нарушение внутреннего равновесия, мы можем сказать, что индивид имеет объективную потребность именно в этих факторах (таких, например, как определенное количество белка, минеральных соединений или сахара, определенная температура и т. д.). Удовлетворение «потребностей» представляет в этом смысле «цель» саморегуляционной деятельности. Можно даже определить механизм «саморегуляции» как механизм удовлетворения потребностей индивида.

Каждый живой организм имеет какие-то потребности, но понятно, что потребности разных видов различны, зависят от структуры организма и от степени его филогенетического и онтогенетического развития. Разными будут, по существу, потребности простейших и, скажем, рыб, а потребности рыб будут в свою очередь отличны от потребностей человека. Если для нормального функционирования простейших достаточно, чтобы они оказались в водной среде с определенной температурой и насыщенностью соответствующими веществами, то рыбы требуют, кроме того, растительного или животного корма, безопасности от врагов и т. д., а у человека число «потребностных» условий почти бесконечно. В сущности, однако, независимо от сложности и обилия потребностей речь идет об одном: каждый требует тех условий, без которых не мог бы правильно функционировать, то есть полностью использовать свои способности к деятельности и развитию.

Возможно, понятие «потребность» следовало бы еще более расширить. Выводя его из концепции саморегуляции, я сузил значение термина «потребность», ограничив его теми факторами, которые необходимы для поддержания индивида в состоянии формы, для его нормального

функционирования. Однако, как правильно подчеркивает немецкий физиолог Элерт (1959, стр. 408), для живых организмов характерна не только способность к самосохранению, но также способность к сохранению вида. «Каждый индивид,— пишет Элерт,— должен обладать в равной мере как способностью к сохранению себя, так и к сохранению вида, поскольку сохранение индивида без сохранения вида может привести к вымиранию последнего. Однако требования, которые ставят организму самосохранение и сохранение вида, не всегда согласованы...»

Таким образом, у животных также существует «видовая потребность», или «потребность размножения». Чтобы в приведенное понимание потребности включить также видовую потребность, следовало бы расширить значение термина «нормальное функционирование» так, чтобы он охватывал также участие индивида в процессах сохранения вида. И этого еще не вполне достаточно. Нормально функционирующий индивид должен иметь соответствующие условия для правильного прохождения фаз развития или должен иметь возможность развития. Следовательно, «нормальное функционирование» — это и правильная саморегуляция в данный момент, и способность к размножению, и правильное развитие, такое функционирование, при котором индивид использует все свои способности (понимаемые в самом широком смысле), находящие применение в данной ситуации.

Из этих рассуждений следует, что потребность в каком-либо объекте Y можно определить в самых общих чертах как свойство организма X , основывающееся на том, что организм X без объекта Y не может нормально функционировать, то есть получить оптимальную возможность сохранения себя и вида, а также обеспечить собственное развитие¹.

Определяя потребность как «свойство организма», мы не предрешаем еще, какого рода это свойство. Для того чтобы ответить на этот вопрос, требуется дополнительный анализ проблемы.

¹ Подобное понимание потребности можно найти в статье Рубинштейна «Учение Павлова и вопросы психологии» (1954, стр. 181—182); ср. также работу Левинского «Познавательные процессы и ориентировка в среде» (1960, стр. 171).

3. ПОТРЕБНОСТЬ ПРОЦЕСС ИЛИ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Определение потребности как свойства организма и личности требует подробного обоснования, поскольку в психологии она чаще всего понимается как *процесс*, возникающий под влиянием нарушения внутреннего равновесия организма, процесс, направляющий и побуждающий к совершению действий, которые восстанавливают это равновесие. Психологи, определяя таким способом потребность, часто отождествляют ее с «установкой», «напряжением», «позицией», «мотивом», «влечением» и т. д. Для примера приведу несколько наиболее характерных определений. По Камерону (1947, стр. 105), «потребность» — это *«состояние нестабилизированного или нарушенного равновесия, проявляющееся обычно в поведении организма как усиливающаяся или продолжающаяся деятельность и напряжение»*. Дефиниция эта примыкает к концепции саморегуляции и включает «потребность» как определенный процесс в систему механизмов саморегуляции. Аналогично понимает потребность Гольдштейн (1939), определяющий ее при объяснении принципа «самоактуализации» (self-actualization) как *состояние известной нехватки, которую организм старается восполнить* (о теории Гольдштейна речь будет идти в следующей главе).

Другое интересное определение дает Мак-Клинтон (1948, стр. 126): *«Потребность есть внутреннее напряжение организма, которое ведет к организации сферы действия организма соответственно определенным стимулам или целям и возбуждает активность, направленную на их достижение»*.

Определение потребности как известного напряжения, динамизирующего и направляющего деятельность по добыванию того, что необходимо для нормального функционирования организма, очевидно, имеет основания, потому что только так понимаемая потребность позволяет выяснить, как возникают процессы саморегуляции в отдельных конкретных случаях. Зная только то, что необходимо индивиду, нам не удастся выяснить, как получается, что он стремился именно к этому. При вышеприведенном понимании потребности можно выдвинуть гипотезу о том, что под влиянием факторов, выводящих организм из состояния равновесия, возникают определенные внутренние напряжения, направляющие индивида к

тому, что позволяет вернуть поколебленное равновесие. Вполне понятными становятся тогда интересные наблюдения, касающиеся вытеснения одних потребностей другими. Известно, например, что артист или ученый, захваченные своим трудом, забывают иной раз о сне, о голоде, жажде, не чувствуют холода и т. д. Другой пример. Наркоман — это человек, который не может нормально функционировать без того или иного наркотика. Известно, что такие люди предпочитают отказываться от еды и других необходимых для жизни вещей, если такой ценой могут получить наркотик (Стрельчук, 1949).

Во всех этих случаях можно считать, что данная потребность, например творческая одержимость артиста или жажда наркотика у наркомана, представляет собой очень сильное напряжение центральной нервной системы, напряжение, которое, действуя в соответствии с законом нервной доминанты (Введенский)¹, ликвидирует другие напряжения, «стягивая» к себе всю их энергию. Мы можем наблюдать, как вызванная очень сильным напряжением установка подчиняет своим целям всю психическую активность. Возьмем для примера голодного человека. По мере усиления голода мысли его начинают концентрироваться на одной проблеме — добыче пищи (Аткинсон, Мак-Клелланд, 1958). В крайних случаях это стремление может приобрести характер навязчивой идеи, делающей невозможной какую-либо деятельность, не направленную на добывание пищи. Ночью человеку снится еда. Голодный человек видит стол, полный яств, чувствует запах жареного, свежего хлеба (Богданович, 1948). Познавательные виды деятельности, воображение, память, подчиняются действию механизмов, обеспечивающих удовлетворение этой потребности, в данном случае потребности в пище. Описываемый здесь аспект потребности являлся предметом экспериментальных исследований при установлении иерархии потребностей у животных и был назван напряжением потребности, или просто напряжением (tension). Эксперименты проводились таким способом, что животному, которое стремилось, например, к удовлетворению сексуальной потребности, затруднялся доступ к самке (на полу клетки между ним и объектом желания по-

¹ Учение о доминанте детально разрабатывалось А. А. Ухтомским. — Прим. ред.

мещалась находящаяся под напряжением сетка). Сила тока, необходимая для того, чтобы задержать животное, служила показателем силы напряжения или потребности (Уорден, 1931; Мосс, 1924).

Отдавая должное значению, которое для выяснения фактов саморегуляции имеет понятие «напряжение» или другие родственные термины, «влечение» или «установка», можно, однако, серьезно сомневаться в полезности отождествления их с «потребностью». Рассмотрим вначале термин «напряжение», которым чаще всего пользуются психологи при определении потребности. Прежде всего следует обратить внимание на то, что «потребность» является *понятием именованным*, то есть, говоря о чьей-либо потребности, мы связываем ее с определенной категорией предметов или видов деятельности, направленных на то, что может удовлетворить данную потребность, например с водой, пищей, лицом противоположного пола или — в случае специфически человеческих потребностей — с признанием, сердечностью, знанием и т. д. Между тем *состояния напряжения у человека сами по себе не являются именованными*, то есть не касаются никаких определенных предметов, не могут, следовательно, направлять поведения, а значит, не заслуживают названия потребности. Это отчетливо видно, например, у поворожденных, у которых нарушения внутреннего равновесия и связанные с этим напряжения выражаются только в общем беспокойстве и недифференцированной, ненаправленной активности.

Понимание напряжения, которое возникает при нарушении внутреннего равновесия, как направляющего фактора, связано с экспериментами над животными (где оно полностью обосновано) и механически переносится на человека. У животных, особенно у пизпих позвоночных, например рыб, птиц и т. д., а еще более часто у беспозвоночных, например у насекомых, мы наблюдаем, как отдельной особи без всякого научения удастся добывать все, что ей необходимо для нормального функционирования. Факты эти объясняются с помощью теории инстинкта, согласно которой механизмы, обеспечивающие удовлетворение потребности, являются врожденными. По мнению таких теоретиков инстинкта, как Мак-Дауголл и Мазуркевич, инстинкт — врожденная структура, состоящая из трех элементов: гностического (или познавательного),

элемента влечения и моторного элемента, действующих как одно целое. Это значит, что состояние, вызванное отсутствием какого-либо важного фактора, например пищи, ведет не только к актуализации влечения (напряжения), но одновременно также и познавательной деятельности, направляющей моторику животного на достижение необходимых ему предметов, в нашем примере — на то, что связано с пищей.

Однако уже у высших позвоночных при удовлетворении потребностей все большую роль играет научение. Как Мак-Дауголл, так и Мазуркевич утверждают, что у этих видов под влиянием опыта так называемые «побочные элементы» инстинкта, гностический и моторный, подвергаются изменениям. Например, животное узнает новые виды пищи и новые способы ее добывания, а также учится распознавать пищу по новым признакам (зрительным, обонятельным и т. д.). Однако у животных побочные элементы инстинкта не исключаются полностью — по мере продвижения по лестнице эволюции они становятся все более пластичными, способными к модификациям под влиянием опыта.

Факты, позволяющие утверждать, что животное умеет без научения находить некоторые предметы, вещества и совершать действия, необходимые для поддержания состояния внутреннего равновесия, склонили многих исследователей к мнению, что возникающее у него напряжение само по себе *свидетельствует о направленности* на данные объекты и по этой причине *заслуживает названия потребности*. Я думаю, что этот вывод не обоснован. Направленность у животного определяет не само наличие напряжения (центральный элемент инстинкта), а познавательный элемент. Еще более выражено это у человека. Известно, что у человека гностический и моторный элементы инстинктов или полностью исчезли, или же существуют только в виде рудиментарных функций и в ходе развития остаются подавленными эволюционно более высокими типами деятельности коры мозга, связанными с накоплением опыта (Шуман и Сковрон, 1934).

Человек — «существо привычки», а не «существо инстинкта» (Мунп, 1956, стр. 97). В подтверждение этого тезиса можно привести множество наблюдений. Уже в 1928 году Клара Дэвис экспериментально доказала (в так называемом cafeteria-feeding experiment), что грудные

дети старше шести месяцев, им давали на выбор 30 видов пищи, выбирали представлявшие наиболее подходящую для них диету как с точки зрения калорий, так и витаминов. В кулинарном отношении состав блюд был необычным, в целом же, однако, по мнению Дэвис, он ненамного отличался от рекомендованного врачами, специалистами по детскому питанию (Дэвис, 1928). Последнее обстоятельство кажется особенно поразительным, если учесть постоянные и часто резкие изменения в «научных» воззрениях на питание детей (в двадцатые годы, например, после периода решительного запрещения салатов из сырых овощей, наступил период кормления именно этими самыми салатами, после чего, как известно, пришло время овсяных хлопьев, которые вскоре оказались вредными для усвоения кальция, и т. д.). Существование здорового инстинкта у детей было подтверждено также клиническими наблюдениями, например фактами, когда маленькие дети при недостатке минеральных соединений в организме стараются, несмотря на запреты окружающих, есть древесный уголь из ящика с золой или штукатурку, содранную со стены (Йоншер, 1947).

Взрослый человек в аналогичной ситуации ничем не может себе помочь, заболевает и не отдает себе отчета о причине болезни, пока врач не пропишет ему соответствующие препараты. В его нервной системе, несомненно, существует напряжение, вызванное отсутствием этих необходимых для жизни факторов, больной капризничает, ему все время чего-то не хватает, он чувствует, что он сам не свой, но это напряжение не направлено ни на какие определенные предметы. Нечто подобное мы наблюдаем у женщины во время беременности. Как известно, в этой ситуации физиологические потребности организма подвергаются быстрому изменению, женщина, однако, не знает, чего ей недостает, и не может ничего сделать, пока не приобретет соответствующего опыта, случайно или благодаря помощи врача-специалиста.

Другого рода примерами могут служить обычные факты потребностей, неправильно «осознанных» (Бейли, 1958, стр. 171; Клапаред, 1930, стр. 7), то есть случаи, когда человек, ощущая напряжение, неправильно представляет себе предмет потребности. Иногда благодаря предыдущему опыту организма связанное с голодом выделение пищеварительных соков и спазмы стенок желудка

принимаются за боль желудка, вследствие чего индивид не удовлетворяет голода, но, наоборот, воздерживается от еды. В других же случаях напряжение, вызванное отсутствием тех или иных факторов, мы ощущаем как тоску, хандру, дурное настроение и т. д., не отдавая себе отчета, что, в сущности, речь идет об отсутствии определенного объекта потребности. Бывает и так, что человек, чувствуя напряжение, понимает, что ему чего-то не хватает, но ложно представляет себе объект потребности. Во всяком случае, эти примеры, число которых можно умножить, показывают, что отражение в сознании объекта потребности (это явление естественно назвать желанием) является чем-то иным сравнительно с изменением в организме, возникшим вследствие колебания внутреннего равновесия и выраженным состоянием напряжения.

Говоря об общем напряжении, разряжаемом при помощи ограниченного числа средств, попытаемся представить такой механизм разрядки. Возьмем для сравнения аппарат, который для правильного функционирования требует: а) соответствующей температуры, б) определенного количества жидкости и в) сохранения определенного положения. Указатели этих «потребностей» аппарата соединены с общей системой сигнализации — по тревоге должна загораться красная лампочка. Она загорается в любом случае независимо от того, на каком из участков — а, б или в — происходит нарушение. Если, скажем, нарушение произойдет на участке б (количество жидкости), то изменение положения и температуры не поможет. Лампочка погаснет только после добавления жидкости до нужного уровня или после урегулирования обстоятельства, вызвавшего горение лампочки. Однако сам факт включения лампочки (в организме — возникновение напряжения) не несет никакой информации о причине нарушения нормальной работы. Только получив дополнительные сведения — в данном случае путем измерения температуры и определения положения аппарата или методом проб и ошибок, мы можем установить причину нарушения.

Концепция общего, неспецифического напряжения, сопутствующего каждому изменению равновесия организма, не нова. Ее сформулировал Ганс Селье (1960) в своей теории стресса. В его понимании, организм действует аналогично вышеописанному аппарату, а сигнальной лампочкой служит так называемый «общий адаптационный

синдром», являющийся в каждом случае реакцией на стресс, или нарушение равновесия организма. Фактором, вызывающим стресс, стрессором, могут быть в одинаковой мере повреждение ткани, голод, переутомление или чрезмерное эмоциональное возбуждение. Возникающий адаптационный синдром, который Селье идентифицирует с общим, неспецифическим напряжением, представляет собой форму защиты организма, мобилизацию механизмов, восстанавливающих равновесие. Редукция этого напряжения равнозначна ликвидации стресса; так, в случае стресса, вызванного отсутствием воды, необходимо ликвидировать напряжение путем подачи воды. Хотя Селье и не говорит прямо о проблеме обучения реагированию на стресс и об умении избегать стресса, он много пишет об искусстве жить, основывающемся на учении о стрессорах, факторах, которые вызывают нарушение. Селье пытается выяснить также физико-химические основы общего напряжения и считает, что оно связано с усиленным выделением адреналина и кортикоидов надпочечниками (стр. 342).

Казалось бы, приведенных данных достаточно для обоснования тезиса, что *напряжения, возникающие при нарушениях равновесия организма, не являются именованными и сами по себе не могут направлять поведение*. Приравливание направления поведения к напряжению правомерно лишь как мысленное сокращение, применяемое там, где следовало бы долго пояснять проблему научения реакциям, редуцирующим напряжение, и проблеме специфики стрессора, вызывающего неспецифическое напряжение. В связи с этим трудно определить «потребность» как «напряжение». Такое определение слишком неточно. Пожалуй, аналогичные трудности возникают и тогда, когда вместо напряжения мы подставляем другой процесс, например влечение, волю и т. д. Единственным выходом из этой ситуации представляется обозначение термином «потребность» не процесса, а только определенной черты, свойства индивида. Поэтому в предыдущем разделе было предложено определение: *потребность — это свойство индивида X, проявляющееся в том, что индивид X без объекта Y не может нормально функционировать*.

Для лучшего понимания этого определения можно сформулировать его иначе: *если мы говорим, что X имеет потребность в Y (например, в пище), то это означает толь-*

ко то, что если Y (пища) недоступна для X , то наступает колебание равновесия системы, которая является основой правильного функционирования X .

При таком понимании мы будем трактовать напряжение как составную часть процесса удовлетворения потребностей. Оно появляется в тех случаях, когда какая-либо потребность не удовлетворена, и вызывает деятельность, могущую привести к ее удовлетворению. Само удовлетворение зависит от знания о предмете потребности, от случайного совпадения обстоятельств и, конечно, от возможности получения предмета потребности.

Во избежание недоразумений следует добавить, что, пользуясь формулировкой «неудовлетворение потребности», я не имею в виду отражение этого факта в сознании как «жажды», «желания» и т. д. Это понятие относится к объективной ситуации, в которой находится индивид.

4. КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЩИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

В заключение этой главы, посвященной определению термина «потребность», я попытаюсь дать классификацию потребностей.

Классификация потребностей, как показывает история психологии, — один из наиболее благодарных разделов научного творчества. В настоящее время уже существует множество различных классификаций потребностей. Не стремясь дать им исчерпывающую характеристику, упомяну только о «глубинных» концепциях Фрейда, Адлера, Шонди и др., пытающихся все потребности человека вывести из одной, первичной и основной, например из «либидо» или «стремления к власти», или из нескольких так называемых «векторов влечений». Другую группу составляют собственно классификации, такие, как классификация Мак-Дауголла, примеру которого последовали другие авторы, изменяя и дополняя список инстинктов и создавая, подобно Колвину и Бэгли, длинные и сложные таблицы, охватывающие почти все известные исследователям виды поведения, по тому самому принципу, который применяют зоологи или ботаники, классифицирующие различные проявления животной или растительной жизни нашей планеты. К чему привела эта система в психологии, наиболее последовательно показал Бернгард (1924),

подсчитавший, что до 1924 г. было открыто 140 различного рода инстинктов.

Как «глубинные» теории, так и концепция «инстинктов» имели целью поиски глубинных первичных потребностей, к которым можно было бы свести все факторы, динамизирующие поведение человека. Интересную попытку экспериментального установления числа потребностей человека сделал Мюррей, который составил длинный и, пожалуй, наиболее подробный из существующих перечень потребностей. Следует, однако, при этом обратить внимание на то, что потребность в его понимании не имеет ничего общего с теми определениями потребностей, о которых мы говорили. Упрощая эту достаточно сложную концепцию, можно сказать, что, согласно ей, потребность — это некая гипотетическая конструкция, вытекающая из анализа определенного поведения в определенной ситуации. Ее можно было бы назвать особенностью поведения. Классификация потребностей Мюррея является, следовательно, систематизацией разных типов поведения с точки зрения его связи с внешней или внутренней ситуацией (Мюррей, 1938).

Особого внимания заслуживает концепция Гольдштейна (1939), который понимает потребность не как процесс, а как определенное состояние. Организм, согласно его теории, имеет постоянное среднее состояние напряжения и к этому состоянию старается вернуться, как только наступает какое-либо отклонение вследствие действия внешних или внутренних факторов. Таким образом, следует говорить не о разрядке напряжений в процессе удовлетворения потребностей, но об их выравнивании — эквализации. Эквализация является целью действия каждой нормальной, здоровой личности. Все созревание, накопление жизненного опыта — это не что иное, как только стремление к сбалансированию напряжения, что практически означает стремление избежать фрустрации и внутренних конфликтов. Отсюда вытекает все большее сосредоточение (centered) действия, закрепляющее приобретенную независимость от случайных изменений во внешнем и внутреннем мире.

Характер этого действия зависит от потенциальных возможностей организма; их реализация, их полное использование обеспечивают личности всестороннее развитие, или самореализацию (self-actualization). Поскольку,

140 Раз.
«инстинк-
ных потреб-
факторы,
ую попыт-
требностей
тинный и,
к перечень
ить внима-
имеет ни-
й, о кото-
кную коп-
ебность —
ающая из
ной ситуа-
поведения.
, следова-
ия с точ-
ситуацией

однако, внешний мир также предъявляет индивиду определенные требования в связи с его готовностью и возможностями удовлетворения собственных потребностей, должна установиться «согласованность» (coming to terms) между индивидом и миром. Это приводит к специфическому для данного индивида выбору средств и целей действия. Например, человек после повреждения мозга (Гольдштейн построил свою теорию на основе наблюдений за поведением такого рода больных) переходит на низший, требующий менее сложной подготовки уровень регуляции.

Потребность, согласно этой теории, является состоянием нехватки, недостатка, проявляющегося в отклонениях напряжений от среднего уровня и находящегося в какой-то зависимости от «потенциалов организма» и от «согласованности», недостатка, который данная личность старается восполнить, реализуя себя таким путем. Потребность тем или иным способом толкает человека к ликвидации такого недостатка. Теория эта, из которой можно вывести использованное в данной работе понятие нормального функционирования как полного проявления способностей в определенных условиях, выдвигает ряд ценных идей. Тем не менее наиболее существенные ее формулировки не кажутся достаточно ясными. Как, например, понимать среднее напряжение, каким образом его можно измерить, чтобы определить отклонение от него, или что такое потенциалы, реализация которых приводит к самореализации? Гольдштейн обращается в таких случаях к биографическим данным, стараясь в числе прочего установить, что индивид охотнее и лучше всего делает. Известно, однако, как трудно делать выводы на основе такого рода информации. Что делает и что больше всего любит делать индивид — это результат слишком сложного сочетания обстоятельств, чтобы можно было свести все к одному фактору. Определение потребности как состояния выдвигает также ряд затруднений практического характера, хотя кажется, что оно является более обоснованным, чем определение потребности как процесса. Трудность представляет нахождение критерия классификации потребностей, который вытекал бы из самого определения потребности.

Иначе пытался подойти к проблеме социолог Томас (1924). Он поставил вопрос о том, каково минимальное

количество потребностей, которые должны быть удовлетворены, чтобы человек мог нормально функционировать. Такая постановка проблемы обусловлена характером исследований Томаса, который проводил социологическое обследование проституток и надеялся, что знание основных потребностей приведет к решению проблемы проституции среди молодежи. Томас перечислил четыре основные потребности человека: 1) потребность безопасности, 2) потребность признания, 3) потребность дружбы и 4) потребность нового опыта. Именно эта методологическая концепция установления минимального числа потребностей человека, необходимых для нормального функционирования, кажется наиболее правильной. Она исходит из тех же самых предпосылок, что и рассмотренное ранее понятие потребности (нормальное функционирование как критерий удовлетворения потребности), и может быть с пользой применена в настоящей работе.

Из такой же предпосылки исходил автор другой чрезвычайно оригинальной классификации Юзеф Петер (1938). Наиболее существенные человеческие потребности он вывел с помощью исторического анализа того, что в ходе истории наиболее часто вызывало у людей борьбу, соперничество, соревнование. Самая ожесточенная борьба, по мнению Петера, велась за средства существования, за свободу, за сексуального партнера и за веру (убеждения, идеалы). Автор полагает, что ни одна из этих потребностей не сводима к другой.

На этом можно закончить историческую часть и заняться вопросом, который всегда встает при попытке создания теории, отличающейся от существовавших до сих пор.

Целесообразно ли, учитывая огромное количество уже существующих классификаций, создавать еще одну, новую, и не увеличит ли это путаницу вместо того, чтобы внести большую ясность и точность в научные исследования? Не обратиться ли лучше к какой-нибудь из распространенных классификаций? Новая классификация необходима хотя бы по той причине, что определение потребности, данное в этой работе, отличается от различных толкований ее, встречающихся в настоящее время в психологии. Определение это, как я стремлюсь показать, более применимо в практике, особенно в практике клинических исследований; решение использовать его влечет за собой

необходимость создания новой классификации потребностей, согласно критериям, выведенным из этого определения.

Исходный пункт — вопрос, в сущности идентичный проблеме, которая стояла перед Томасом: какие потребности являются наиболее существенными, то есть наиболее необходимыми и распространенными в процессе приспособления? Ответ на этот вопрос позволит выявить минимальный перечень потребностей, удовлетворение которых необходимо для нормального функционирования человека.

Первый основной критерий вытекает из определения потребности, поэтому мы делим потребности на такие, удовлетворение которых служит сохранению индивида, и такие, которые служат сохранению вида. Проще всего будет назвать их потребностями *самосохранения и размножения*.

Последующее деление будет также исходить из первоначально принятых предпосылок. Потребности самосохранения мы можем делить, беря за основу уже произведенное различение процессов поддержания внутреннего и внешнего равновесия. Критерием деления будет служить способ сохранения внутреннего равновесия, то, каким образом удовлетворение данной потребности сохраняет внутреннее равновесие: непосредственно или косвенно, то есть путем поддержания внешнего равновесия? Конечно, связи между этими двумя группами потребностей очень сложны, но в принципе можно сказать, что воздух, пища, определенная температура составляют непосредственные условия поддержания внутреннего равновесия¹. Это те потребности, которые должен принимать во внимание, например, коллектив врачей, стремящихся сохранить жизнь индивиду, падающему в состоянии кататониче-

¹ Непосредственное условие понимается здесь как явление или фактор, непосредственно связанный с самим ходом физиологических процессов, определяющих внутреннее равновесие (в широком понимании Розенцвейга). Косвенное условие — это фактор, косвенно связанный с ними. Например, сон является непосредственным условием поддержания внутреннего равновесия, но создание ситуации, в которой можно выспаться, является условием косвенным. Определенная температура тела является непосредственным условием, но умение жить, позволяющее обеспечить себя соответствующей одеждой и необходимыми удобствами, — условие косвенное.

ского ступора. Члены этого коллектива кормят, согревают, моют и оберегают больного от механических повреждений. Их ориентация в физиологических потребностях больного представляет собой косвенное условие сохранения внутреннего равновесия посредством поддержания равновесия внешнего. В приведенном примере роль, которую в саморегуляции индивида выполняет ориентировка в среде, взяли на себя врачи и медсестры. В соответствии с ролью обоих этих видов потребностей, относящихся к непосредственным и косвенным условиям поддержания внутреннего равновесия, можно назвать их потребностями физиологическими и потребностями ориентировочными.

Определение «физиологические» должно подчеркивать, что объект этих потребностей включает в себя деятельность индивида и внешние явления, оказывающие влияние на ход физиологических процессов, например пищеварение или сон. Это согласуется с принятым в медицине понятием «физиологического», как относящегося к состоянию здоровья. Таким образом, речь здесь идет о потребностях нормального, здорового человеческого организма.

Определение «ориентировочные» означает, что объектом потребности являются деятельность индивида и внешние ситуации, связанные с ориентировкой в среде, то есть с реагированием на предметы и явления, составляющие среду в соответствии с ценностью, которую они представляют для индивида (Левицкий, 1960, стр. 155). Очевидно, что здесь мы принимаем во внимание все уровни ориентировки — от рефлекторного отдергивания обожженной руки до поисков смысла собственной жизни.

Я считаю, что названные потребности присущи каждому человеку, живущему в обществе, подобном нашему, и обусловлены как его физической и психической структурой, так и средой, в которой он функционирует. О каждой машине определенного типа мы можем сказать, что из-за имеющейся у нее изоляции в обмотке двигателей она требует помещения с небольшой влажностью, в противном случае ей грозит повреждение. Так и человек с присущими ему особенностями (например, содержанием гемоглобина) требует выполнения определенных условий (например, введения соответствующих соединений

железа) для поддержания правильной регуляции; или же, учитывая изменчивость среды, в которой он живет, он должен иметь возможность ориентироваться в этих изменениях, чтобы можно было функционировать без нарушений.

Физиологические и ориентировочные потребности имеют характер общих потребностей.

Суммируя сказанное, мы можем дать следующую классификацию общих потребностей человека.

I. Потребности самосохранения:

- 1) физиологические потребности;
- 2) ориентировочные потребности.

II. Потребность размножения (сохранения вида).

5. ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ СПОСОБОВ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Прежде чем мы перейдем к подробному анализу отдельных видов потребностей, что (как читатель убедится сам) приведет к дальнейшему делению ориентировочных потребностей, уделим внимание проблеме так называемой *индивидуализации*. Речь идет о том, что люди, удовлетворяя свои потребности в разных условиях и при разных личных навыках, учатся различным видам техники действия, обеспечивающего удовлетворение их потребностей. Факт этот упрощает процесс приспособления людей, находящихся в совершенно различных условиях, но одновременно очерчивает границы присущего данной личности набора форм поведения. Когда я пишу «учатся», то имею в виду нормальный процесс образования условных рефлексов, как его понимали Павлов и Торндайк и как он рассматривается в теории поведения Долларда и Миллера (1950).

Предположим, что индивид находится в состоянии напряжения, вызванного неудовлетворением какой-либо потребности. Если при этом действие внешнего раздражителя и проведенная индивидом деятельность редуцируют это напряжение, образуется условная связь между этим раздражителем, деятельностью и редукцией данного напряжения. Произошло научение, образовалась связь между раздражителем, реакцией и редукцией напряже-

ния¹. Индивид знает, что он должен сделать, когда в определенных условиях (время дня, характер внешних и внутренних стимулов) появляются сигналы напряжения. Например, мы сажаем обезьяну в ящик без окошек, что, как можно судить по ее поведению, не слишком приятно. Обезьяна пытается выбраться из него. Ящик сконструирован так, что если обезьяна сделает определенное движение, то на 30 секунд откроется окошко, через которое можно выглянуть наружу (visual-exploration apparatus). Она учится, следовательно, исполнению некоторых видов деятельности, дающих ей возможность смотреть через окошко (см. Харлоу, 1954, стр. 46). Возьмем другой пример. Ребенок, которого кормили на коленях, подрастает настолько, что может уже сам есть за столом. Родители едят. Ребенок, предоставленный самому себе в ситуации, в которой он всегда был предметом исключительного внимания окружающих, начинает капризничать. Теперь достаточно родителям снова заняться его кормлением, чтобы у ребенка возникла условная связь между его капризами и концентрацией на нем внимания родителей. Таким образом капризы награждаются, а послушание наказывается. В главе, посвященной потребности эмоционального контакта, мы увидим, что капризы и даже отказ от пищи могут стать одним из способов удовлетворения потребности во внимании. Таким путем в зависимости от среды и собственных черт личности может формироваться индивидуальный набор способов удовлетворения потребности.

Чрезвычайно важным для обсуждаемой проблемы является тот факт, что способы удовлетворения потребности сами могут стать потребностями. Например, собирание книг, которое вначале должно было удовлетворить одну из ориентировочных потребностей, может стать само по себе потребностью, перейдя в библиофилию, а стремление обращать на себя внимание может привести, например, к занятию общественной работой. В процессе индивидуализации на почве удовлетворения общих потребностей создаются, следовательно, новые потребности — *индивидуальные*, перечень которых бесконечно велик. Удовлетворение этих потребностей также является условием нормального функционирования индивида. Основой

¹ Проблема эта популярно изложена в статье А. Малевского. См.: А. Malewski, Ogólna teoria zachowania, «Przegląd Socjologiczny», № 4, 1962.

их служит, несомненно, динамический стереотип (см. Левицкий, 1960, стр. 193).

Проблема индивидуальных потребностей здесь только намечена, более широкое ее обсуждение требует специальной работы, где эта проблема рассматривалась бы наряду с потребностями *патологическими* и потребностями, *основанными на дурных привычках*.

Возвращаясь к процессу индивидуализации способов удовлетворения потребностей (в дальнейшем мы будем применять более простую формулировку — «индивидуализация потребностей»), мы рассмотрим три фактора, определяющие ход индивидуализации. Имн являются конкретизация, ментализация и социализация.

Конкретизация способов удовлетворения потребностей основывается на том, что каждая потребность удовлетворяется определенным способом и что число этих способов ограничено, так как готовность пользоваться неэффективными или вредными способами угасает, тогда как использование других способов закрепляется. В этом заключается процесс формирования индивидуальных черт поведения человека. Он ведет к закреплению в ходе повседневной практики одного или нескольких способов действия, с помощью которых индивид в состоянии удовлетворить определенную потребность.

Ментализация (Бейли, 1958; Клапаред, 1930) основывается на отражении в сознании содержания потребности или нескольких ее аспектов. Она делает возможным сознательное участие человека в конкретизации способов удовлетворения потребностей и может существенно влиять на ход деятельности, удовлетворяющей потребность. Например, осознание того, что мой способ поведения в данной ситуации есть результат удовлетворения определенной потребности, может вызвать творческие поиски других, более отвечающих моему *ideal-self* способов действия, и побудить рассмотреть вопрос о правильном подборе мотивов (см. гл. I и II данной работы).

Социализация способов удовлетворения потребностей основывается на подчинении их определенным ценностям культуры, в рамках которой течет наша жизнь (см. Мак-Киннон, 1948, стр. 124)¹. Осуждение одних средств дей-

¹ Понятие «культура» я применяю в соответствии с определением Малиновского: «Культура, то есть полный комплекс инструментов, привилегий социальных групп, человеческих идей,

ствия и одобрение других в зависимости от нравственных образцов вызывает характерную для данной культуры относительную унификацию способов удовлетворения потребностей.

Основываясь на этом, так называемые ситуационисты, к которым принадлежит Томас, считали, что для понимания существенных индивидуальных черт человека достаточно данных о его возрасте, поле и среде, в которой он был воспитан. Этот взгляд правилен в той степени, в какой верно утверждение, что при одних и тех же потребностях индивида одни и те же раздражители должны вести к появлению одних и тех же реакций. Он, следовательно, подразумевает существование общих потребностей, поэтому он и представляет для нас известный интерес.

Конечно, трудно было бы найти, по крайней мере в нашей культуре, совершенно однородные, замкнутые социальные образования. Возможно, некоторые небольшие религиозные секты были бы с этой точки зрения благодарным объектом исследования. В любом случае примером влияния социализации могут служить люди со специфической социальной ролью: единственные сыновья одиноких женщин, дети-первенцы, директора с большим стажем, актеры и т. д.

Таким образом, конкретизация, ментализация и социализация определяют то, что можно назвать индивидуальным стилем жизни. Различный у каждого человека стиль жизни является показателем его опыта, личных возможностей и богатства преображений, которое всегда вдохновляло поэтов и воодушевляло исследователей.

верований и обычаев, является обширной системой, которая предоставляет человеку лучшие возможности решения конкретных проблем, возникающих в ходе приспособления к окружающей среде и удовлетворения потребностей». Цит. по: I. Тигпан, «Przegląd Socjologiczny», t. IX, z. 1—4, 1947, s. 505.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

В предыдущей главе «потребность» характеризовалась как свойство организма требовать для своего нормального функционирования строго определенных условий, без которых он не может поддерживать состояние внутреннего равновесия. В особую группу выделены потребности, относящиеся ко всему, что непосредственно связано с физиологической деятельностью организма, то есть физиологические потребности. В этой главе они будут предметом более основательного анализа.

Факторов, от которых непосредственно зависит внутреннее равновесие организма, множество. К ним относятся такие, как необходимое количество строительных и энергетических веществ, нужная температура, наличие кислорода в атмосфере, вода, отдых после напряжения, сон в определенное время и т. д. Мы говорим, что живые организмы имеют потребность в пище, воде, сне и т. д. Хотя изучение влияния этих факторов на организм в принципе является задачей физиологии, однако оно по ряду причин интересует также психолога. Прежде всего удовлетворение или неудовлетворение физиологических потребностей оказывает явное влияние на психические процессы и даже на личность в целом, представляя, следовательно, одно из важных условий психической жизни индивида. В свою очередь процессы удовлетворения физиологических потребностей часто зависят от психических факторов, обусловлены психически и с этой точки зрения заслуживают внимания психолога. Что касается первого вопроса, то физиология располагает в данное время обширным материалом, полученным в эксперимен-

тальных исследованиях, доказывающим большое влияние удовлетворения отдельных физиологических потребностей на ход психических процессов человека, а также других живых организмов. Примером таких исследований могут служить эксперименты Хелмера (1943), который показал, что способность к научению у крыс строго зависит от температуры помещения, в котором они находятся. Так крысы из холодного помещения с температурой $+55^{\circ}$ по Фаренгейту научились проходить лабиринт в среднем после 13,6 попытки, делая 113,4 ошибки, а крысы, находившиеся в жарком помещении с температурой $+90^{\circ}$ по Фаренгейту, должны были сделать в среднем 53,9 попытки и 258,8 ошибки. В контрольной группе, содержащейся при температуре $+75^{\circ}$ по Фаренгейту, получены средние результаты.

Много исследований посвящено состоянию аноксии. Установлено, что недостаток кислорода в атмосфере отрицательно влияет не только на ход соматических процессов, но и на психическое состояние человека. Аноксия вызывает временное изменение установок, уменьшение критичности, возбужденное состояние, что приводит, например, у пилотов, которые не надели на соответствующей высоте кислородных масок, к временной, но серьезной дезорганизации личности (Боринг, 1960). Нарушения эти могут, однако, значительно уменьшиться после введения в кровь глюкозы, являющейся вторым после кислорода по важности элементом процесса обмена веществ (Бергер, 1943).

Однако не только получение определенных веществ из внешней среды является физиологической потребностью организма. Для постоянно работающих, нередко очень чувствительных и легко разрушающихся тканей организма человека необходимо также определенное циклическое наступление восстановительных процессов, из которых важнейшим, может быть, является сон, прекращающий активность, направленную на поддержание внешнего равновесия, и делающий возможным восстановление биохимического равновесия в организме. Лишение человека сна, невозможность углубиться в это состояние ведет к ряду сложных соматических и психических нарушений. Эти нарушения издавна интересовали психологов, о чем свидетельствует тот факт, что первые экспериментальные исследования этой проблемы датируются 1896 годом. Ис-

пытуемых поддерживали в состоянии бодрствования по 60—80 часов, что вызывало всегда раздражительность, увеличение времени реакции, трудность концентрации внимания и т. д. Рекорд продолжительности бодрствования был поставлен в экспериментах Каца и Ландиса (1935), которые исследовали человека после 231 часа лишения сна и установили, что возникшие соматические и психические нарушения вполне обратимы. Всесторонним и сложным исследованием подверг Эдвардс (1941) группу в несколько десятков человек в ходе 100-часового бодрствования; он наблюдал, кроме уже упомянутых нарушений, также психотические состояния, клиническая картина которых была характерна для разных типов личностей, представленных среди исследуемых. Например, один испытуемый постоянно пересчитывал всех присутствующих и не мог прервать этого счета, другой хотел выйти через окно, думая, что это дверь, многих преследовали зрительные и слуховые галлюцинации. Некоторые нарушения можно было, судя по описанию, определить как синдром Корсакова. Нарушения эти полностью проходили после полутора десятков часов нормального сна.

Можно было бы привести данные многих исследований, подтверждающих существенное значение для психического состояния разного рода витаминов (Валентинер, 1943). Особую роль, до недавнего времени недооцениваемую, играют физические раздражители внешнего мира, такие, как свет, давление, звуки, а также тактильные раздражители. Поскольку человек чрезвычайно редко оказывается в условиях так называемой сенсорной депривации (исключение всякого влияния раздражителей на рецепторы), он не отдает себе отчета, насколько важным условием равномерной работы его мозга является соответствующая «загруженность» рецепторов.

Толчком к изучению этого вопроса послужила подготовка к продолжительным космическим полетам. В настоящее время уже собран значительный экспериментальный и описательный материал по этому вопросу. Например, исследования, проведенные в лаборатории психологии Мак-Гиллского университета, показали, что нормальный, физически здоровый человек, погруженный в специальный бассейн, где до него не доходят никакие акустические и световые раздражители и почти исключены осязательные и обонятельные ощущения, а также ощу-

щения температуры, испытывает большие трудности в контроле своих мыслей, представлений, теряет ориентировку в строении собственного тела, у него начинаются галлюцинации, кошмары. Нарушения эти могут появиться уже по истечении нескольких часов; у некоторых людей наблюдаются при этом настоящие психические расстройства (Херон, Доане, Скотт, 1956).

Итак, следует пересмотреть выдвинутый Павловым тезис, согласно которому центральная нервная система, лишенная сенсорных раздражителей, впадает в состояние сонного торможения. Действительно, в начальном периоде состояния сенсорной депривации появляется сонливость и даже сон, но через некоторое время сонливость уступает место возрастающему напряжению, беспокойству, которому сопутствуют трудности в овладении мыслями, зрительными представлениями и т. д. (Лилли, Шэрли, 1961). Установлено, что появление этих нарушений зависит от свойств личности исследуемого. При соответствующем сочетании свойств личности и надлежащей тренировки удается овладеть ситуацией с помощью приспособительной техники (Холт, Голдберг, 1961). Розенцвейг (1959) заметил, что в случае, когда обследуемому не удается остановить развитие нарушений, они нарастают и напоминают клиническую картину шизофрении. Он утверждает, что сенсорная депривация приводит к возникновению явлений, более близких к шизофреническим симптомам, чем те, которые вызваны действием мескалина или ЛСД-25 (сильнодействующее психотомиметическое средство).

При дальнейшем изучении этой проблемы были получены интересные данные, позволившие выдвинуть гипотезу о том, что условием ликвидации нарушений, вызванных сенсорной депривацией, является не само раздражение рецепторов, а приток информации к мозгу. Информацией мы называем любое изменение, доставленное от передатчика к приемнику. Если мы будем возбуждать слуховой анализатор однообразным звуком, то рецептор придет в состояние возбуждения, но никакой передачи информации не произойдет. Эксперименты показали, что само по себе возбуждение рецепторов не редуцировало эффектов сенсорной депривации. Необходимы были раздражители, содержащие определенную информацию. Авторы исследований (Дэвис, Мак-Коурт, Соломон, 1960)

утверждают в связи с этим, что «смысловой контакт» с внешним миром является более существенным для нормального функционирования человеческого мозга, чем количественное возбуждение рецепторов.

Эти исследования подводят к некоторым не вполне ясным психологическим проблемам, которые мы будем рассматривать в следующих главах нашей работы. Они указывают также на тесную связь между познавательной деятельностью человека и состоянием гомеостатического равновесия организма. Ведь получение информации об окружающем мире есть не что иное, как исходный пункт для его познания. До настоящего времени считалось, что связь между ориентировкой в окружающем мире и гомеостазом основывается только на том, что мы благодаря ориентировке можем осуществлять правильную приспособительную деятельность, обеспечивающую внешнее равновесие. Оказалось, что связь эта более непосредственна.

Некоторые данные были получены в ходе наблюдений за нарушениями, появляющимися у детей, лишенных материнского ухода, которые находились в монотонной атмосфере яслей или больниц. У грудных детей в этих условиях дело доходило не только до регрессии в развитии, но и до ряда соматических нарушений, сопровождавшихся физическим истощением (Райбл, Шниц, Олехнович). В этих исследованиях, несмотря на обширный казуистический материал, до настоящего времени отсутствовала достаточная теоретическая база. Надо думать, что эксперименты, которые показывают, что так называемая сенсорная депривация является у человека, скорее всего, информационной депривацией, дадут верный исходный пункт для изучения вышеупомянутого продукта современной цивилизации. Они показывают также, что у человека психический фактор может быть интегральным компонентом потребностей, даже потребностей, казалось бы, наиболее физиологических. Подтверждением этого положения будет анализ потребности в пище.

2. ВЛИЯНИЕ НЕУДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ПИЩЕ НА ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В группе физиологических потребностей существует потребность, которая всегда особенно интересовала психологов, служа им моделью, иллюстрирующей определен-

ные закономерности, присущие потребностям вообще (см., например, Кан, 1933, стр. 295). В связи с этим потребность в пище (как она обычно называется, хотя исследовалась большей частью потребность в белках и углеводах) является наиболее основательно исследованной физиологической потребностью. Поэтому именно на ее примере можно будет рассмотреть двусторонние связи, которые могут образовываться между удовлетворением физиологической потребности и психикой человека. Обратим прежде всего внимание на то, что человек может жить достаточно долго или вообще не получая пищи, или же в состоянии значительного недоедания. Это позволяет исследовать, как отсутствие пищи влияет на ход психических процессов. Известно, например, что уже нехватка отдельных алиментарных факторов может вызывать заметные изменения в ходе психических процессов, а при полном отсутствии пищи изменения эти приобретают острый и специфический характер.

Потребность в пище представляет собой особенно важный предмет экспериментальных исследований и, как никакая другая, указывает на связь между физиологическими и химическими механизмами ее удовлетворения и психической жизнью; это касается как субъективных переживаний, так и изменений личности.

Известен эксперимент, в котором одновременно регистрировались спазмы желудка, появляющиеся под влиянием голода, и субъективные переживания, связанные с голодом. Тут обнаруживалась явная взаимозависимость. Когда, например, посредством введения инсулина понижали уровень сахара в крови, спазмы желудка и ощущение голодных болей значительно усиливались (Мунн, 1956, стр. 25).

При продолжительном голодании можно также установить очень значительные и сравнительно типичные психические изменения, касающиеся всей личности.

Современный читатель мог бы в собственном прошлом опыте и в обширной литературе, посвященной военной тематике, найти сотни примеров влияния голода на поведение людей. Научных работ по этому вопросу не так уж много. Позволю себе поэтому подробно изложить результаты исследований советского врача Богданович (1948), проведенных ею на лицах, которые пережили во время немецкой оккупации вынужденное продолжитель-

ное голодание. Она установила специфические психопатологические изменения при алиментарном истощении, в ходе которых выявила три периода. Картина первого периода напоминает неврастению, а ее дополнительной особенностью является «доминирование в сознании комплекса пищи, становящегося своего рода сверхценным образованием» (стр. 332).

Во втором периоде наряду с новыми соматопатологическими симптомами появляются элементы делириозного порядка и сходные с опейроидом состояния с частичной или полной амнезией. В это время возникают также специфические сдвиги, основанные на переживании возврата в детство с яркой галлюцинаторно-пллюзорной окраской. Больной видит стол, уставленный яствами, кажется сам себе учеником, бегущим в школу с теплыми, ароматными пирожками в кармане, запах которых он явственно ощущает, и делает движения, как бы приступая к еде. Одна больная видит себя маленькой девочкой, лежащей на лесной поляне, слышит шелест листьев, чувствует запах парного молока и видит, как мать доит корову. Другая больная месит тесто в пустой квашне, третья режет что-то ножом на пустой тарелке, придерживая нечто несуществующее вилкой. В этой фазе у больных появляются особенности, ранее им не присущие, например часто они становятся более эгоистичными.

В третьем периоде, который автор называет астено-адинамическим, больные становятся апатичными, лежат целыми днями без движения. Самый слабый внешний раздражитель, нарушающий покой, вызывает на их лице плаксивую гримасу. На неприятные ситуации они реагируют слезами, обижаются, но сами ничего не делают для изменения этой ситуации. Они одинаково пассивны как в отношении неприятных, так и приятных событий. Больные становятся равнодушными к делам других людей и их переживаниям. Они, казалось бы, эмоционально тупеют.

В заключение автор ставит вопрос: существуют ли среди рассматриваемых симптомов какие-либо специфические черты этого состояния, называемого ею «алиментарной дистрофией», и утверждает, что существуют, называя следующие: 1) параллелизм соматических и психических изменений; 2) фазность в течении болезни; 3) лабильность состояния сознания, то есть неустойчивость и склонность к изменениям; 4) доминанта комплекса еды, клиниче-

ски граничащая со сверхценными образованиями, окрашенная представлениями «пищевого характера» (стр. 334).

Отсутствие пищи, как и значительное ее ограничение, оказывает, однако, более глубокое влияние на психику. При продолжительном недоедании психические изменения, вызванные отсутствием пищи, по-видимому, закрепляются, то есть становятся стойкими изменениями личности. Богданович в вышеупомянутой работе отмечает, что в некоторых случаях, когда лечение состояний недоедания подходило уже к концу, у пациентов можно было установить определенное изменение личности, основанное на фиксации указанных выше симптомов. Слишком короткий период наблюдения не дал, однако, автору, возможности сделать какие-либо общие выводы.

Психические нарушения, которые проявились в особых условиях под влиянием голодания, описывает группа врачей психиатрической клиники в Гданьске (Дольмерский, Сулестровская, Сулестровский, 1961). Они наблюдали два случая тюремной голодовки алкоголиков, у которых была установлена психическая деградация. На третьем месяце голодовки обнаружались психотические явления в виде бредовых переживаний и галлюцинаций. Содержанием галлюцинаторных представлений был вид столов, уставленных пищей, которые отодвигались, когда больной протягивал руку, или же вообще исчезали. В другом случае также у алкоголика, который провел неделю случайно запертый на чердаке, наблюдались такие же явления.

Конечно, описанная тут клиническая картина нетипична, так как она проявилась у людей, подвергавшихся много лет алкогольной интоксикации, вдобавок названных авторами «психопатами». Поэтому авторы склонны считать, что существенную роль в возникновении психотических явлений сыграло, кроме голодания, органическое повреждение мозга, которое, как они полагают, имело место в изученных ими случаях. Другим фактором, непосредственно влияющим на появление кататимных галлюцинаций, должно быть обезвоживание организма. Авторы приходят к этому выводу по аналогии с известным терапевтам явлением «видения воды», наблюдающегося у больных диабетом, а также фата-морганой, которую Тадеуш Биликевич считает результатом обезвоживания организма.

Гипотезы эти нельзя признать обоснованными. Во-первых, не ясно, является ли органическое повреждение мозга установленным клинически фактом. Во-вторых, то обстоятельство, что обезвоживание приводит к кататимным галлюцинациям, содержанием которых (как и следовало ожидать) является вода, не доказывает того, что причиной возникающих в состоянии голода и связанных с пищей галлюцинаций нужно считать обезвоживание. Как показывают многие исследования (Аткинсон, Мак Кизелланд, Брозек, Кейс, Мюррей), неудовлетворение потребности любого вида при определенной степени деформации и конкретизации ведет к проецированию ее содержания на воображение, ассоциации, сны и интересы человека. Понятно, что разрегулирование деятельности мозга (безразлично, по какой причине это происходит — обезвоживания, обезвоживания, голодного истощения, переутомления или просто вследствие слишком сильного эмоционального стресса) влечет за собой потерю контроля над ходом психических процессов¹, что дает картину психоза (сравните описанные выше результаты изучения последствий сенсорной депривации).

Упомянутые клинические явления объяснимы как следствие только самого голодания, тогда как причины последнего нужно, естественно, искать в патологии личности.

Это были клинические наблюдения, проведенные на людях, которые переживали голодание в условиях, если так можно выразиться, естественных. Экспериментальные исследования влияния голода на человека проводились в США во время второй мировой войны на 32 добровольцах. Они были подвергнуты трехмесячному наблюдению, а затем было применено шестимесячное строгое ограничение количества пищи; после этого вес их уменьшился в среднем на 25%. Были проведены тщательные физиологические и психологические исследования, установившие значительную разницу между испытуемыми. Независимо от этих различий у всех наблюдалось ощущение большой слабости. Появились головные боли, раздражительность, безразличие к сексуальным вопросам, возрос ин-

¹ Сложный и недостаточно еще изученный патогенез психозов не сводится к потере контроля над ходом психических процессов.— *Прим. ред.*

интерес к кулинарным книгам и иллюстрациям, изображающим еду. Во многих случаях возникал этический самоконтроль. Наблюдались дурные манеры во время еды — чавканье и вылизывание тарелок. Самое интересное, что исследования при помощи тестов не показали понижения уровня интеллекта, хотя было установлено, что исследуемым значительно труднее принимать решения и осуществлять запоминание (Кейс, Брозек, 1950, цит. по: Мунн, 1956, стр. 88).

Шпеле и Брозек (1948) в результате клинического наблюдения той же самой группы установили, что продолжительное неудовлетворение потребности в пище (пераразрядка напряжения, связанного с пищевой потребностью) вызывает те же самые последствия, что и продолжительная фрустрация других потребностей, а именно невротические нарушения. Изменения эти были отчетливо видны при анализе результатов исследований по Миннесотской многофазной диагностической шкале — ММРІ (Брозек, Пенас, 1956). Авторы ничего не пишут о стойких изменениях личности, но при оценке результатов этого эксперимента следует помнить, что испытуемые были добровольцами, они знали, что находятся под постоянным врачебным контролем, что жизни их не угрожает опасность и, по-видимому, все другие их потребности, кроме пищевой, удовлетворялись нормально. Это свидетельствует о том, что изменения личности, возникающие в период продолжительного голодания и после него, являются следствием не только неудовлетворения потребности в пище, но и всего сопутствующего голоданию комплекса условий.

Приведу также результаты моих наблюдений, правда требующие подтверждения, но уже на данном этапе позволяющие выдвинуть гипотезу, которую можно считать одной из попыток решения этого вопроса. В первые годы после войны встречались люди, на протяжении ряда лет много раз оказывавшиеся на грани голодной смерти. Можно было заметить, что поведение их характеризовалось своего рода навязчивой идеей, выражавшейся в их отношении к пище — главным образом к хлебу и жиру, — а именно в ненужном запасании большого количества продуктов, специфическом возбуждении при виде хлеба в булочной и т. д. Создавалось впечатление, что во время продолжительной фрустрации пищевой потребности как бы фиксировались некоторые элементы поведения, имеющие

отношение к пище. Картина эта напоминает результаты исследований экспериментальных невротиков, связанных с фрустрацией пищевой потребности (например, Майер, 1945).

Теперь, двадцать лет спустя, эти явления у данной группы людей значительно уменьшились или даже исчезли полностью. Однако продолжают встречаться люди, у которых вопросы питания преобладают в такой степени, что это обращает на себя внимание окружающих. Свое особое отношение к вопросам питания эти люди связывают с переживаниями военного времени. Самое интересное, однако, то, что анализ их биографий показывает, что они, собственно, никогда не испытывали тяжелого голода, выражающегося в явлениях, описанных Богданович. В самые тяжелые минуты они всегда располагали определенным минимальным запасом, который позволял им хотя бы частично удовлетворить сильный голод. Это были в конечном счете периоды продолжительностью самое большее несколько недель. Общим для всех этих людей, как можно судить на основании их рассказов, был не столько голод, сколько страх перед голодом. Они видели вокруг себя голодающих, слышали невеселые рассказы, а остальное дорисовывало их воображение. Страх перед голодом преследовал их при каждом приеме пищи, при каждом новом ограничении, введенном оккупантами. Продолжительное существование в состоянии страха перед голодом является, как можно вывести из этих наблюдений, фактором более деформирующим, чем сам голод.

Гипотеза эта требует, конечно, дальнейших исследований, тем не менее она подтверждается рядом других наблюдений, свидетельствующих о том, что ожидание последствий фрустрации действует иногда сильнее, чем сама фрустрация. Примером может служить преждевременная смерть потерпевших кораблекрушение, описанная Бомбаром (см. следующий раздел), а также значительно худшее психическое состояние людей, переживших бомбардировку в убежищах, по сравнению с людьми, выполнявшими работу под непосредственной угрозой опасности, и значительно более частые невротические нарушения у солдат второй линии обороны, чем у солдат на передовых позициях. Наблюдения Нелькена (1934) и Медыньского (1934) показывают, что на войне невроты редко возникают у тяжелораненых и искалеченных, а почти исключи-

тельно у физически здоровых и нетравмированных. Обращает на себя внимание также и отмечаемое хирургами травмирующее влияние ожидания на результаты складываемой операции.

Эти факты, подтверждая правильность выдвинутой гипотезы, позволяют указать еще один фактор, усиливающий «травматическое» влияние страха, вызванного ожиданием последствий неудовлетворения потребности. Им является неразрывно связанная со страхом бессомнность.

Проблема особой роли антиципации в механизме удовлетворения потребностей не нова в польской психологии. Ею интересовался еще в 1938 году Юзеф Петер, который писал в «Природе человека»: «Живая мысль показывает человеку, что он может быть голодным завтра или когда-нибудь позже. Отсюда следует, что человека значительно чаще и сильнее мучает антиципированный голод. Желудок его напоминает о себе так же, как и желудок собаки, однако борьба с голодом начинается у человека гораздо раньше и чаще в мыслях, предсказывающих будущее, чем в ответ на очевидный призыв желудка».

Итак, хотя влияние неудовлетворения потребности в пище и других физиологических потребностей на ход психических процессов человека несомненно, тем не менее его нельзя вполне объяснить без учета психического состояния, предшествующего фрустрации, а следовательно, особенностей личности человека. Проблемой этой мы займемся особо.

3. ЗАВИСИМОСТЬ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ПИЩЕ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Мы установили, что, если влияние неудовлетворения потребности в пище на психику не вызывает сомнений, можно также говорить об обратном влиянии, то есть о зависимости поведения голодных людей от психических факторов, а именно от склада их личности. Это также подтверждается рядом интересных наблюдений.

Заслуживает внимания еще один факт. Если у человека в трудной ситуации объективно главную роль играет отсутствие питания, то, как он перенесет это лишение и проживет ли дольше, чем другие люди, находящиеся в такой же ситуации, зависит не только от так назы-

ваемого физического здоровья и запасов жировой ткани, но и от некоторых черт его личности: владения собой, деловитости, идейности и т. д. Среди людей, осужденных на продолжительный голод, выживают те, кто не впадает в панику, сохраняет спокойствие и социальную установку. Такой вполне правдоподобный вывод можно сделать на основе изучения многочисленных дневников и устных воспоминаний людей, которые сами пережили голод — в концлагере, во время научной экспедиции, в период стихийного бедствия — или собирали материал на эту тему. Ален Бомбар, интересовавшийся проблемой сохранения жизни потерпевших кораблекрушение, рассказывает в одной из своих книг, что к исследованиям такого рода его побуждали частые случаи смерти потерпевших кораблекрушение в условиях, которые с биологической точки зрения не должны были привести к смерти. Одним из таких примеров является история потерпевших кораблекрушение с пассажирского судна «Титаник», столкнувшегося с айсбергом и затонувшего через несколько часов. Бомбар пишет: «Первые суда подошли к месту катастрофы всего через три часа после того, как пароход исчез под водой, но в спасательных шлюпках уже было немало мертвецов и сошедших с ума. Знаменательно, что среди тех, кто поплатился безумием за свой панический страх или смертью за безумие, не было ни одного ребенка моложе десяти лет. Эти малыши находились еще в достаточно разумном возрасте.

Подобные примеры подкрепили мое интуитивное убеждение, что моральный фактор играет решающую роль. Статистические данные, утверждающие, что 90% жертв погибает в течение первых трех дней, следующих за кораблекрушением, сразу стали удивительно понятными. Ведь для того, чтобы умереть от голода или жажды, потребовалось бы гораздо больше времени!» (Бомбар, 1959, стр. 7).

Следует напомнить, что и в многочисленных документах о гитлеровских лагерях смерти часто подчеркивается, что лучше всего пережили этот страшный период люди деятельные, не поддавшиеся страху, выделявшиеся своей активностью среди заключенных (в том случае, разумеется, если они не были убиты).

Людей, у которых не хватило сил для дальнейшей борьбы (в том числе и психических сил), тех, которые

психически надломившись и безучастно отдавшись своей судьбе, называли «мусульманами». «Мусульманином» считался тот, кто терял стойкость — прежде всего психическую — и в результате быстро умирает. Наблюдения такого рода позволяют допустить, что в случае неудовлетворения потребности в пище изменение психических процессов, личностные расстройства и даже ход физиологических процессов зависят от уже существующего склада личности. Это свидетельствует о характерной для человека возможности частичной «иммунизации» к затруднениям удовлетворения по крайней мере некоторых физиологических потребностей. Причину этого можно видеть в уже упомянутом характерном для человека явлении обособления в сознании предмета потребности от напряжений, возникающих вследствие неудовлетворения потребности. Напряжения, связанные с голодом, у каждого, вероятно, одни и те же, но их «интеллектуальная обработка» бывает различной в зависимости от опыта человека, от установок, обуславливающих выбор его мотива. Именно это является тем необычайно важным фактором, который определяет степень влияния напряжения на организм. Я думаю, что здесь можно провести аналогию с «принципом двух компонентов», сформулированным Кацем (1933) и гласящим, что разным людям, у которых «интенсивность голода» неодинакова, может быть достаточно для поддержания жизни разного количества пищи в зависимости от внешних условий; следовало бы добавить — и от черт личности.

Занимаясь потребностью в пище, психолог имеет много случаев убедиться, что эта «психическая надстройка» в значительной степени определяет поведение человека в ситуации неудовлетворения потребности. В предыдущих главах приводились случаи, когда индивид чувствует напряжение, вызванное неудовлетворением потребности, но не представляет себе характера этой потребности. Возможны, однако, и другие ситуации. Человек, несмотря на фактическое удовлетворение пищевой потребности, может быть убежден, что она не была удовлетворена, и будет продолжать процесс ее удовлетворения. Он может удовлетворять ее с помощью других предметов, нежели те, в которых он действительно нуждается. Он может также не чувствовать потребности в ситуации, в которой она должна возникнуть, учитывая объективные условия. Примеров та-

кого рода можно привести множество¹; известно, как благоприятствуют обжорству традиции «стола» на свадебных торжествах, праздниках и т. д.; мы знаем также, что едят нередко для компании, со скуки, от жадности, от прожорливости, из убеждения, для успокоения и для рекорда. Мы едим не только то, что нам нужно, и то, что «естся», но и то, что нам вредно, хотя знаем, что это нам вредно. Кроме того, как правильно отмечает Даблин, автор книги с многозначительным названием «Перестань убивать своего мужа» (1952), люди едят также потому, что они несчастны, для разрядки депрессии или напряжения.

В свете этой проблемы интересны также наблюдения за людьми, находящимися в изоляции в малых группах. Конкретно речь идет об экипаже первой атомной подводной лодки «Наутилус», которая совершила рейс продолжительностью несколько месяцев под полярными льдами, и о сотрудниках американских арктических станций (Рорер, 1961, стр. 267). В обеих ситуациях, когда время изоляции было довольно большим, вопросы питания и приготовления пищи получали гораздо большее значение, чем в обычных условиях. В соответствии с этим и социальный статус повара был чрезвычайно высоким. Следует отметить, что количество и качество продуктов питания могли удовлетворить все желания, следовательно, о голоде не могло быть и речи.

Известны также случаи отсутствия чувства неудовлетворения потребности в обстоятельствах, когда оно должно ощущаться. Родители путем применения традиционных для нашей системы методов воспитания часто добиваются того, что ребенок, проголодавшись, не испытывает потребности в пище. Приведем пример. Мать, относившаяся к ребенку, как правило, сухо и равнодушно, начинала проявлять к нему интерес только тогда, когда ребенок не хотел есть². Она полагала, что ее главной воспитательной обязанностью является забота о весе ребенка. Когда после

¹ Лучшим примером может служить молниеносное распространение в США метода прибавления к пище больших количеств не имеющей ценности в питательном отношении, соответственно обработанной целлюлозы, что позволяло съедать значительное количество пищи, не опасаясь излишнего увеличения веса тела.

² Случай этот имел место в государственном санатории для нервнобольных детей в Цихове.

нескольких месяцев такой «тренировки» ребенок действительно совершенно не хотел есть, что вызывало тревогу в доме, его начали перед каждым приемом пищи бить, чтобы он «не оказывал сопротивления». Правда, мать была противницей телесных наказаний, но считала, однако, что это необходимая мера, чтобы спасти ребенка от истощения и болезни. Она довела ребенка до такого состояния, что при одном виде пищи у него появлялась реакция страха. Голодный ребенок избегал пищи.

Попробуем теперь сделать выводы из сказанного. Все физиологические потребности являются для психолога важными и интересными. Однако к числу наиболее интересных и важных потребностей, учитывая количество данных и простоту исследования влияния на психику и зависимости от психики, относится потребность в пище, на примере которой я попытался показать несколько существенных психологических закономерностей. Здесь особенно отчетливо проявляется общественный характер удовлетворения физиологических потребностей у человека, зависимость от опыта индивида и особенностей личности, приобретенных в процессе общения с социальной группой. Этим, собственно, объясняется тот факт, что влияние, которое оказывает на организм человека отсутствие такого важного для жизни фактора, как пища, в очень высокой степени зависит от психики. В свою очередь объективное состояние неудовлетворения какой-либо потребности, например отсутствие пищи, несомненно, имеет большое влияние как на ход психических процессов, так и на формирование личности, и с психологической точки зрения его следует считать одним из важных условий формирования психической жизни человека. Если в настоящее время, как утверждает де Кастро («География голода»), огромное число людей в экономически слаборазвитых странах живет в условиях длительного голода, можно себе представить, какое большое влияние должен иметь этот фактор на их образ мысли и чувства, а также на формирование их психических особенностей. Это, несомненно, заслуживает внимания не только с теоретической точки зрения.

СЕКСУАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

1. ПОТРЕБНОСТЬ СОХРАНЕНИЯ ВИДА

Нужно признать, что некоторые авторы склонны были бы использовать в названии этой главы множественное число и говорить о «потребностях сохранения вида», таких, как потребности материнства, отцовства, заботы о потомстве, моногамия и т. д. Учитывая, однако, отсутствие согласия между создателями классификаций этого типа, основанных часто на субъективных ощущениях или наблюдениях над животными, оставим дискуссию об аргументах за и против отдельных видов этих потребностей и ограничимся рассмотрением одной потребности, существование которой и серьезная роль в жизни человека и животных не вызывают сомнений. Она связана непосредственно с тем, что Шельский называет «сексуальным поведением», естественным следствием которого является оплодотворение.

Согласно принятым основам, определение потребности сохранения вида будет следующим.

Потребность сохранения вида есть свойство индивида, обуславливающее тот факт, что без нахождения партнера противоположного пола и выполнения определенной деятельности он не способен участвовать в процессе поддержания вида.

Определение это в отличие от определения потребности самосохранения не содержит угрозы физиологических последствий для индивида в случае неудовлетворения потребности. На это обратил внимание уже в III веке до н. э. создатель первой и доныне одной из лучших классификаций человеческих потребностей Эпикур. Он разделил желания людей на: 1) естественные и необходимые, например желание еды и питья; 2) естественные, но не необходимые, например половое желание; 3) такие,

которые не являются ни естественными, ни необходимыми. К последним относятся не только такие желания, как честолюбие и слава, которые нельзя включить в предшествующие категории, но также желания первых двух групп, дошедшие до патологической интенсивности и ставшие страстями (*pathos*). Наиболее опасной из них, не считая страха перед богами и перед смертью, является любовь, от которой Эпикур предусмотрительно предостерегает, ставя выше дружбу (Валек-Чернецкий, 1934, стр. 887).

Это очень точное понимание потребности сохранения вида как *естественной, но не необходимой* вызывает вопрос, как в процессе эволюции могло возникнуть такое свойство индивида, которое не является необходимым. Известно, что природа не терпит не необходимых свойств организма. Это значит, что закрепляются, передаются по наследству только те свойства, которые способствуют сохранению жизни индивида, свойства, которые вызывают активность, не имеющую целью самосохранение, являются биологической нагрузкой, ведущей к поражению в борьбе за существование, а следовательно, к физическому уничтожению. Если потребность сохранения вида не является необходимой для жизни индивида, она не должна была, казалось бы, существовать; если даже она случайно появилась бы у какого-нибудь индивида, у его потомства она должна была бы исчезнуть. Однако тут мы сталкиваемся с явным недоразумением, связанным с многозначностью слова «необходимый». Когда о каком-либо свойстве организма мы говорим, что оно необходимо, прежде всего встает вопрос: *для чего необходимо?* Отвечая на него, мы находим решение нашей проблемы. Когда о таких потребностях, как потребность в пище или потребность избегать отравления, мы говорим, что они являются необходимыми для индивида, мы имеем в виду, что без их удовлетворения организм не мог бы поддерживать внутреннее равновесие и должен был бы погибнуть. В этом смысле половая потребность не является необходимой, потому что два индивида противоположного пола, назовем их А и Б, могут жить и нормально функционировать без полового сближения. Тем не менее можно смело сказать, что половая потребность является *необходимой для их существования*, ибо, если бы их родители не проявляли активности, ведущей к удовлетворению этой потребности, не было бы на свете ни индивида А, ни индивида Б.

Обобщая, можно сказать, что удовлетворение потребности сохранения вида необходимо для существования на Земле высокоорганизованной жизни, поскольку без этого могли бы существовать только простейшие организмы. В этой ситуации даже само понятие необходимости в первом значении, то есть необходимости с точки зрения сохранения жизни индивида, потеряло бы свой смысл, ибо не хватало бы индивидов. Можно, следовательно, полагать, что половая потребность возникла в ходе эволюции, так же как и все другие потребности. Индивиды, лучше других приспособленные для ее удовлетворения, имели большие шансы репродукции и передали эту черту своему потомству, в то время как индивиды с меньшей половой активностью размножались значительно слабее, вследствие чего индивидов, наследовавших эту черту, было меньше и они быстрее погибли. В настоящее время половая потребность, хотя и не может считаться необходимой для поддержания жизни организма, является свойством, как говорит Эпикур, «естественным», связанным со структурой организма, как способность к полету у птицы или способность к плетению паутины у паука. Это свойство необходимо с точки зрения непрерывности вида. Таким образом, перечень свойств, благоприятствующих победе в борьбе за существование и решающих для дальнейшей эволюции вида, следует дополнить. К ним, несомненно, должны быть отнесены также те, которые дают наибольшие шансы для создания потомства.

Сказанное полностью относится к потребности сохранения вида и у человека.

Естественной особенностью организма человека является то, что наряду с механизмом «приспособительной сферы», который состоит из отдельных элементов: гипоталамус, передняя доля гипофиза, кора надпочечников — и приводится в действие любым вызывающим нарушение равновесия изменением внешнего мира и внутренней среды, функционирует также механизм «сферы деятельности размножения», состоящей из гипоталамуса, передней доли гипофиза и половых желез. Действие этого механизма связано с функционированием всего организма, особенно у женщин, у которых вегетативные формы деятельности в значительно большей степени служат генерации, чем у мужчин (Элерт, 1959, стр. 408). Своеобразное развитие этого механизма имеет большое влияние на такие черты,

как темперамент и анатомическое строение. Следует подчеркнуть также, что от деятельности этого механизма как у человека, так и у животных, несомненно, зависит и поведение в целом. Например, при наблюдениях за корреляцией между овуляционным циклом и моторной активностью у самки крысы установлено, что в мышей точке цикла животное пробегает в экспериментальных условиях 16 км в день, в то время как в другие дни преодоленное расстояние не достигает и километра. Если в этот период произойдет копуляция и оплодотворение, усиление активности такого рода не обнаружится до конца беременности и следующей овуляции (Морган, 1950, стр. 370).

Зависимость может проявиться и по-иному, например при воздержании от генеративной деятельности в качестве реакции на опасность. Последняя зависимость отражает физиологическое доминирование интересов организма над интересами вида у высших животных, доминирование, которое, очевидно, обусловлено тем, что воздержание или невнимание к потребности сохранения вида не отражается отрицательно, как я уже упоминал, на биологическом внутреннем равновесии организма. Это установлено многими исследователями (Штоккерт, 1959).

Таковы доводы в пользу рассмотрения в данной работе этой особой потребности, неудовлетворение которой не ведет ни к каким последствиям для индивида, кроме состояния напряжения.

Какие условия необходимы для участия в процессе сохранения вида? Я думаю, можно назвать три.

1. Первым является правильное функционирование физиологических механизмов, обеспечивающих удовлетворение потребности (сфера деятельности размножения). Механизмы эти выполняют двойную функцию. Прежде всего они вызывают в соответствующей ситуации определенное состояние напряжения, которое тормозит процессы, направленные на удовлетворение других потребностей (см. стр. 69 данной работы), и нормально редуцируются только путем подключения специфических для этих потребностей раздражителей и соответствующей реакции. Кроме того, они придают индивиду те внешние черты (вторичные половые признаки), которые служат для индивидов противоположного пола сигналом к сексуальной деятельности в широком смысле этого слова (сексуальное поведение).

2. Вторым условием способности к активному участию в процессах размножения является нормальная саморегуляция, то есть удовлетворение физиологических и ориентировочных потребностей на таком уровне, который дает возможность нормально функционировать элементам механизма сферы размножения. Сюда же относятся поиски и приобретение партнера.

3. Третьим очевидным условием является наличие индивида противоположного пола, также способного участвовать в удовлетворении этой потребности.

Таковы наиболее необходимые условия, и без какого-либо из них потребность сохранения вида не может быть удовлетворена.

2. СПЕЦИФИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ПОТРЕБНОСТИ

Три упомянутых условия удовлетворения видовой потребности являются общими для человека и животного. Однако потребность сохранения вида у человека имеет дополнительные специфические черты, которых мы не наблюдаем у животных. Важнейшая из них основана на том, что напряжение, связанное с потребностью, отделено от механизма, направляющего действие (стр. 70 и др.), что значительно усложняет удовлетворение потребности сохранения вида, ибо оказывается необходимым выполнение еще одного условия — *адекватного отражения в сознании предмета потребности*.

Это обстоятельство вызывает наряду с усложнением удовлетворения потребности расширение сферы ее влияния на поведение человека. Некоторые психологи, главным образом психоаналитики, утверждают, что напряжение, связанное с потребностью размножения, может быть движущей силой многих действий, не находящихся ни в какой связи с ее удовлетворением именно потому, что оно не направляет специфически поведение и не приносит вреда организму в случае, если не наступит разрядка. Проявлениями такой движущей силы они считают, например, художественное творчество, повышение общей активности или интереса к другим людям. Однако этот так называемый принцип сублимации «либидо» нельзя (об этом еще будет сказано далее) некритично применять вслед за психоаналитиками, хотя в некоторых случаях,

несомненно, может произойти определенная замена объекта потребности (например, разрядка с помощью фантазий в творчестве эротического или даже порнографического характера и т. д.). В любом случае нельзя отрицать тот факт, что способы удовлетворения потребности размножения обусловлены культурой данной среды; иногда они значительно разнятся даже у членов одной и той же культурной группы. Исследования Кинси (1949) показали, что различие это зависит даже от таких факторов, как образование, вероисповедание или социальное происхождение.

В тесной связи со сказанным находится другая специфическая черта этой потребности у человека. Шельский (1959) определил ее как «возможность отделения чувственного наслаждения от биологической видовой цели, в результате чего сексуальное наслаждение становится новой непосредственной целью половых сношений» (стр. 214).

Этот факт говорит о расширении рамок третьего условия — существование индивида противоположного пола, способного участвовать в удовлетворении потребности сохранения вида. Понятие «индивид противоположного пола» заменяется понятием *«предмет, позволяющий разрядить это напряжение»*. Человек имеет возможность удовлетворить потребность размножения способом, ничего общего не имеющим с биологической целью производства потомства. Более того, случается, что именно стремление к размножению признается «грязным и отвратительным». Было бы, пожалуй, преувеличением считать, что эти возможности отделения сексуальной деятельности от биологической цели размножения свойственны только человеку. Известно, что обезьяны опанируют и даже занимаются гомосексуализмом. Завадский (1959, стр. 181—182) прямо утверждает, что опанизм является «наиболее естественным способом удовлетворения сексуального инстинкта у животных». У человека, однако, проявление сексуальной деятельности, не связанной с размножением и рассчитанной исключительно на получение наслаждения, наблюдается особенно часто.

Можно утверждать, что в условиях человеческой культуры потребность сохранения вида настолько теряет свой биологический характер, что связанное с ней напряжение может быть редуцировано с помощью средств, ничего общего не имеющих с сохранением человеческого вида.

В связи с этим возникает вопрос: не следует ли изменить название этой потребности, сохранившее свой смысл в применении к миру животных, у человека же свидетельствующее лишь о генетической обоснованности потребности? Более точным было бы тут название «сексуальная потребность». Причем термин «сексуальная» мы понимаем достаточно широко, как относящийся к «любой форме чувственного раздражения соответствующих органов или чувственного удовлетворения, которое может служить, но может и не служить делу производства потомства» (Уоррен, 1934).

Попробуем дать общую характеристику сексуальной потребности человека. В ходе естественного развития организма возникают механизмы, действие которых не связано непосредственно с механизмами саморегуляции, но относится к другой сфере — сохранению вида. Специфические свойства человеческого мозга обуславливают то, что напряжение, связанное с действием этих механизмов, подобно напряжению, связанному с действием механизмов саморегуляции, должно быть правильно понято и должны быть изучены соответствующие формы действия, чтобы сексуальная потребность могла быть удовлетворена. Напряжение это создает первичную доминанту и может влиять в соответствии с законами нейрофизиологии на все формы деятельности человека, модифицируя их, динамизируя или затормаживая в зависимости от сочетания существующих внешних и внутренних условий. Это значительно расширяет сферу влияния напряжения, связанного с сексуальной потребностью, тем более что у человека в ходе модификации потребности сохранения вида исчезает также присущая животному миру регулярная периодичность в возникновении половых напряжений (период течки). Это делает возможным *отделение переживаний, связанных с удовлетворением сексуальной потребности, от ее первоначальной биологической цели.*

3. ВЛИЯНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ НАПРЯЖЕНИЙ НА САМОРЕГУЛЯЦИЮ

Итак, речь шла о том, что удовлетворение сексуальной потребности тесно связано с совершенством саморегуляции. Теперь встает вопрос об обратной зависимости, а

именно: имеют ли напряжения, возникающие при неудовлетворении сексуальной потребности, какое-либо влияние на саморегуляцию и является ли это влияние непосредственным или косвенным? Данные, которые я привел, согласуются с мнениями практиков и, казалось бы, свидетельствуют против непосредственного влияния. Штоккерт (1959) пишет: «Никогда... не приводилось подтверждений вредного действия воздержания (полового. — К. О)». Существует, однако, множество данных, свидетельствующих о *косвенном влиянии*, которое оказывает неудовлетворение этой потребности на внутреннее равновесие, вызывая нарушения внешнего равновесия. Иллюстрацией могли бы служить судьбы людей, о которых говорят, что «страсть к женщине привела его к гибели», что он «стал работать менее интенсивно, постоянно задумывается, все его мысли связаны с ней, повсюду он видит ее. Все, что до сих пор его интересовало, перестало существовать». Подобные ситуации возникают на той же самой основе, которая анализировалась ранее, когда речь шла о затруднениях в удовлетворении пищевой потребности. Напряжение, связанное с неудовлетворением одной потребности, тормозило или затрудняло удовлетворение других потребностей.

Так обстоит дело с удовлетворением всех потребностей саморегуляции. Следует ли, однако, факты, свидетельствующие о тормозящем влиянии сексуальных напряжений на удовлетворение других потребностей, объяснять таким же образом? Ведь, как уже говорилось, сексуальные напряжения оказываются слабее напряжений, возникающих при нарушениях биологического равновесия организма под влиянием голода, жажды, страха перед физической опасностью и т. д. В этих ситуациях подвергаются торможению именно сексуальные напряжения, следовательно, трудно представить, что они сами по себе могут нарушать нормальный ход саморегуляции. Разумеется, почти каждый чувствовал в каком-либо периоде своей жизни силу напряжения сексуальной потребности или по крайней мере знает людей, которые делали «глупости от любви», «сходили с ума» и т. д., однако всегда, по моему мнению, при основательном психологическом анализе такого события удастся установить, что это происходило в специфических условиях. Во-первых, при полном удовлетворении потребности самосохранения; во-вторых,

тогда, когда удовлетворение сексуальной потребности соединялось с удовлетворением других потребностей человека. Об этом подробнее будет идти речь в главе, посвященной потребности смысла жизни. В данном случае упомяну только, что разговоры о людях, «опутанных любовью», кажутся по меньшей мере поверхностными. Я думаю, что в этих случаях существенную роль играют вопросы несексуальной природы, такие, например, как честолюбие, честь, стремление заглушить беспокойство, истекающее из какого-то другого источника, и т. д. Почти каждый случай так называемого «полового невроза» дает богатый иллюстративный материал, подтверждающий сказанное.

4. КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ СУБЛИМАЦИИ

Изложенный здесь взгляд на роль сексуальной потребности в саморегуляции и жизни человека явно противоречит концепции, выдвинутой Фрейдом, который, как известно, приписывает сексуальной потребности и связанному с ней «либидо» решающее значение. Удовлетворение сексуальной потребности является, по Фрейду, основным двигателем всего человеческого поведения. Ее правильное удовлетворение равнозначно психическому здоровью, неудовлетворение же вследствие вытеснения из сознания сексуальных желаний приводит к более или менее тяжелым нервным и психическим нарушениям. К сожалению, как полагает Фрейд, наша культура окружает сексуальность таким количеством самых различных запретов, что правильное удовлетворение сексуальной потребности становится почти невозможным. В этой ситуации единственным способом сохранить здоровье и избежать заболеваний является сублимация потребности, или умение направить сексуальную энергию «либидо» по каналам, одобренным обществом, разрядить ее путем художественного, научного, литературного творчества и т. д. В результате сублимации возникают новые потребности, вторичные по отношению к основной сексуальной потребности, а удовлетворение их позволяет редуцировать сексуальное напряжение способом, согласующимся с требованиями общества.

В поддержку этого положения приводятся разные аргументы, из которых я рассмотрю только два, как полагаю, наиболее важных. Первый представляет собой обоб-

щение наблюдений, подтверждающих, что люди творческие и социально активные намного легче переносят сексуальную неудовлетворенность сравнительно с людьми неактивными, безучастными, обладающими эгоцентрическим характером. Отсюда следует (такой вывод делают сторонники теории сублимации), что творческая активность, одобренная обществом, вызывает разрядку сексуального напряжения.

Второй аргумент, подтверждающий якобы правильность тезиса о сублимации, взят, скорее, из социологии: это предположение, что политический динамизм обществ возрастал по мере роста ограничений в удовлетворении сексуальной потребности. Отсюда можно было бы сделать вывод, что политическая активность общественных групп представляет собой сублимацию сексуальной потребности и косвенно ведет к ее удовлетворению. Ливин на основании анализа 80 культур установил (цит. по: Шельский, 1959, стр. 242), что «можно выявить строгую корреляцию между добрачной и брачной половой воздержанностью и половой свободой, с одной стороны, и величиной общественной и политической энергии данного общества — с другой... каждое общество имеет возможность выбора, или развивая большую энергию, или пользуясь сексуальной свободой».

Концепция сублимации сексуальной потребности снискала большую популярность, особенно среди широких кругов педагогов, которые, видя в ней своего рода панацею от всех трудностей сексуального воспитания молодежи в период созревания, принимали эту концепцию, даже отрицая все ее психоаналитические предпосылки. Мы уже упоминали, однако, что теория эта целиком основана на концепции «либидо» как единственного источника человеческой активности, концепции дискуссионной, истинность которой далеко не очевидна. Отмечая это, следовало бы подчеркнуть два момента: во-первых, аргументы, приводимые в поддержку теории сублимации, кажутся недостаточными, а во-вторых, исподволь накапливаются факты, опровергающие ее.

Вернемся к двум вышеупомянутым аргументам в пользу теории сублимации. Оба они вызывают серьезные сомнения. Если люди активные и творческие страдают от сексуальных напряжений меньше других, это совсем не обязательно объясняется сублимацией. Можно, например,

допустить, что благодаря своей активности и находчивости им удается, в общем, лучше удовлетворять потребности, в том числе также и сексуальную потребность, вследствие чего сексуальные напряжения, нормально разряжаемые, не достигают у них каких-либо беспокоящих размеров. Возможна также другая гипотеза. Деятельность людей, интенсивно работающих и живо интересующихся своей работой, творческих работников, политиков, общественных деятелей и т. п., требует от них такого большого расхода энергии всего организма, что сексуальная потребность отодвигается в это время на второй план. Сильные напряжения, связанные с другими потребностями, затормаживают сексуальное напряжение в соответствии с законом нервной доминанты. Наконец, возможна и третья гипотеза, объясняющая факты, некритически приписываемые сублимации сексуальной потребности. Тайной людей активных, творческих и при этом гармоничных и уравновешенных может быть попросту дисциплинированность, овладение сексуальной потребностью и четкое понимание ее места среди других потребностей или даже подчинение ее другим потребностям, что становится возможным для человека благодаря способности к сознательной регуляции потребностей и благодаря физиологической «не необходимости» сексуальной потребности. К тому же биографии выдающихся людей отнюдь не свидетельствуют о какой-либо атрофии сексуальности у них (например, Дюма-отец или Наполеон). Наоборот, это были обычные люди, динамичные и с этой точки зрения; картина же регуляции ими сексуальных напряжений носила на себе печать присущего им жизненного стиля — была спокойной, гармоничной или, наоборот, бурно хаотичной.

Против концепции сублимации сексуальной потребности говорит также интересное наблюдение, сделанное Имелинским (1961) при рассмотрении случая послекастрационного «психоэндокринологического» комплекса. Он пишет, что «понижение силы полового влечения обратно пропорционально уровню умственного развития индивида... у людей с высокой культурой и высоким интеллектуальным уровнем ослабление полового влечения (после кастрации. — К. О.) наступает постепенно и не является значительным. Примитивные люди реагируют на кастрацию быстрым и сильным ослаблением

влечения» (стр. 374). Правда, автор не говорит, на чем он основывает свои выводы, не упоминает о количестве случаев и методах исследования. Однако этот вывод согласуется с мнением других исследователей, и, если имели место лишь несколько случаев, этого достаточно, чтобы подорвать концепцию сублимации, согласно которой последствия кастрации должны быть прямо противоположны — она должна якобы вести к исчезновению сексуальных напряжений именно у людей с высокой культурой, как имеющих большие шансы сублимационной активности.

Еще труднее принять социологическое доказательство правильности концепции сублимации, сводящее политическую активность целых обществ к тому, что определяется как «аскетическое накопление энергии инстинктов и их социальное распределение по нескольким немногочисленным типам возможных действий» (Шельский, 1959, стр. 241). Прежде всего из самого установления корреляции между сексуальными ограничениями и политической активностью не следует вывод о зависимости политической ситуации от сексуального удовлетворения граждан государства. Мы знаем, от какого множества экстрапсихических факторов зависит больший или меньший политический динамизм общества. Основную роль здесь играют экономические, географические, исторические условия, традиции народа и т. д. Объяснения, подобные приведенным Анвином аргументам, характеризуются, кроме логических ошибок (за основу принимается то, что само нуждается в обосновании), дилетантским психологизмом, упрощающим действительность и не учитывающим сложных объективных обусловленностей существования и общественного развития. Это отметил Томашевский (1949), рассматривая психологические аспекты войны. В соответствии с принципами марксистского мировоззрения он считает, что психологическое объяснение таких общественных явлений, как война или мир, является упрощением вопроса. «Процессы и свойства человека — действительно мощный фактор сохранения мира, но было бы ложным утверждение, что это — независимый фактор, действующий сам по себе...» (стр. 323). По существу, «война и мир являются результатом сложившихся общественно-экономических условий» (стр. 324); эти условия формируют психику человека, которая в свою очередь оказывает несомненное влияние на жизнь обще-

ства, но нельзя это влияние рассматривать в отрыве от объективного контекста.

Можно, наконец, найти основания для отклонения аргумента Анвина, даже не отрицая меткости его наблюдений. Если следовать ходу его аргументации, то окажется, что общества, живущие в рамках сплоченной и гибкой политической системы, по существу ставящей очень ригористические требования в отношении индивидуального стиля жизни, могут, очевидно, отличаться большей дисциплинированностью в удовлетворении сексуальной потребности. Многочисленные доказательства существуют даже в современном мире. Из этого, однако, вовсе не следует, что сексуальная дисциплина решает вопрос об общественно-политической гибкости и динамичности. Ведь сама по себе корреляция двух явлений не дает никакой информации о том, что является причиной, а что следствием.

Экспериментальные исследования также не подтверждают теории сублимации. Шеффер (1956, стр. 522 и др.) указывает, что исследования, которым была подвергнута группа творческих работников, не состоящих в браке, не подтвердили гипотезы о том, что их художественные или интеллектуальные достижения заменяли нормальное удовлетворение сексуальной потребности. К тому же самому выводу пришел Тейлор на основании исследования 40 мужчин с высшим образованием с явными эстетическими склонностями (см. Хант, 1944, т. 1, стр. 320).

Обобщения этих выводов достаточно, чтобы иметь основания утверждать, что все теории, объясняющие общественное поведение человека теми или иными формами сублимации или конверсии сексуальной потребности, необоснованны: они не показывают ни всей сложности человеческой личности, ни основных законов общественного развития. Примеры, приводимые сторонниками этих взглядов, часто являются интересными наблюдениями, однако пугаются в иной интерпретации, более согласующейся с данными науки и здравым смыслом.

5. РОЛЬ СЕКСУАЛЬНОЙ ПОТРЕБНОСТИ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Из сказанного можно сделать вывод, что сексуальная потребность, вероятнее всего, сама по себе не играет в жизни человека столь принципиальной роли, как это ут-

верждают сторонники фрейдизма и представители широко распространенного взгляда, приписывающего могущественную силу «романтической любви», а также «сексуальному влечению», особенно у мужчин. История говорит о том, что в определенные эпохи половая любовь имела очень небольшое значение в сравнении с такими ценностями, как социальное положение или родовая солидарность. Интересы рода, племени были в те времена личными интересами индивида. Только в эпохи упадка, в старых культурах, клонящихся к закату, в политических системах, которые утратили спартанскую суровость, по мере роста индивидуализма возрастало значение половой любви. Но и тогда половая любовь в строгом смысле слова часто уступала место какому-то восхищению бесполой красотой. «А для классического поэта древности, воспевавшего любовь, старого Анакреонта, половая любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа», — замечает с проницательностью Энгельс (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 79).

Тем не менее факты свидетельствуют о большом значении, которое в жизни отдельных индивидов и целых общественных групп играют сексуальные ценности. Можно привести ряд таких фактов. Прежде всего обращает на себя внимание то, что тысячелетиями человеческие общества окружали удовлетворение сексуальной потребности множеством запретов, предписаний и предрассудков, не встречающихся в отношении к другим потребностям. Уже одно это указывало на исключительное значение сексуальных вопросов. Клиника психозов, несомненно, также подтверждает, что во многих случаях в основе нарушений лежат половые фрустрации и травмы. И наконец, сам факт столь широкого распространения фрейдовской теории, подчеркивающей роль сексуальности в жизни человека, свидетельствует о том, что концепция всемогущего «либидо» отвечает в какой-то мере обиходной оценке значения сексуальных вопросов в жизни человека, может быть, как теоретическая основа бунта против лицемерных ритуалов мещанской морали, а может быть, и по другим причинам.

Против фактов трудно возражать, однако психолог должен их интерпретировать, ибо сами по себе они являются только сырым материалом, который может иметь разное

значение, так же как рассмотренные перед этим «аргументы», якобы говорящие в пользу теории сублимации.

Попытаемся интерпретировать эти факты. Существование множества норм и общественных обычаев, которые регулируют удовлетворение сексуальной потребности, вообще не доказывает какого-либо особого значения этой потребности в жизни человека, но свидетельствует лишь о том, что удовлетворение ее связано (исключая уже упомянутое ранее отделение биологической функции от наслаждения) с появлением на свет потомства, с функцией, которую в обществе выполняет семья, а также с относящимися к семье имущественными проблемами, такими, как наследство, приданое и т. д. Ясно, что эти вопросы представляют существенный интерес для общества и поэтому требуют законодательного закрепления, писаных и неписаных норм. Стоит при этом обратить внимание на то, что там, где экономические проблемы семьи упрощаются, где наследство, приданое, увеличение капитала теряют свое значение, упрощаются также общественные нормы, связанные с удовлетворением сексуальной потребности. Дочери и сыновья пользуются большей свободой полового выбора, а их родители реже стремятся к неузаконенным связям.

Тот факт, что половые проблемы играют достаточно большую роль в клинике неврозов, также не говорит о том, что они должны играть ту же самую роль *в жизни людей хорошо приспособленных*. Ведь изменения иерархии жизненных ценностей и смещение значений разных потребностей являются, вообще говоря, чаще всего следствием и признаком болезни. Как показывает практика, сексуальные нарушения чрезвычайно часто выступают как побочное явление нарушения вегетативной регуляции при неврозах, причины которых могут не иметь ничего общего с сексом. Но поскольку сексуальная жизнь имеет нередко большое значение для индивида, сексуальные расстройства могут преобладать среди указываемых больным симптомов, дезориентируя недостаточно опытного диагноста. Болезнь может быть ошибочно признана половым неврозом, тогда как точный диагноз должен основываться на причинах болезни. Наконец, даже наиболее правильные выводы из наблюдений над психическими нарушениями нельзя механически переносить на психику здорового человека. Даже при высшей осторожности

и при большом опыте это является трудным и часто рискованным делом, что неоднократно подчеркивалось в современной науке о человеке.

И наконец, важность сексуальной потребности не подтверждается также и популярностью психоанализа. Скорее наоборот, теория Фрейда была одним из факторов, несущих вину за переоценку роли сексуальности нашими современниками. Фрейд непомерно раздул значение сексуальной потребности и заставил миллионы людей поверить, что она могущественна и непобедима, как многоглавый дракон или волшебник, который, будучи изгнанным в облике обольстительной жещины, возвращается как старый мудрец-психотерапевт. Взгляды Фрейда получили широкое распространение главным образом среди полуинтеллигенции, которая была наиболее падка к пикантной стороне психоанализа.

Тезису о преобладающем значении пола в человеческой жизни необходимо, как нам кажется, противопоставить другое понимание этого вопроса. Можно предположить, что половая потребность, которая сама по себе не должна иметь большого влияния на отношения индивида со средой и на процессы саморегуляции, *может* приобрести такое влияние и фактически часто получает его благодаря особым обстоятельствам. Постараюсь рассмотреть некоторые из них, не пытаясь полностью охватить эту большую тему, которая должна стать предметом отдельной научно-исследовательской работы.

Одним из факторов, благоприятствующих усилению сексуальных напряжений, является окружение «этих вопросов» ореолом таинственности. Тем самым искусственно поддерживается интерес к ним, особенно у молодых людей, которые начинают верить в какое-то особое значение их в жизни человека. К этому присоединяются, кроме того, различные ограничения, придающие сексуальной деятельности вкус запретного плода и искусственно усиливающие ее привлекательность до такой степени, что удовлетворение этой потребности может стать (как у пациентов Фрейда) необходимым для поддержания внутреннего равновесия. Нельзя не упомянуть также особый, характерный для нашей эпохи стиль жизни с его постоянным подчеркиванием сексуальных проблем. Верно подметил это один американский карикатурист: на рисунке изображен кабинет психоаналитика, в котором

на кушетке лицом к окну лежит пациент. За окном на небоскребе висит огромная реклама с полуголой девицей. Врач сидит возле пациента и, глядя в блокнот, спрашивает: «А теперь прошу сказать мне первую мысль, которая приходит вам в голову».

Поддержание сексуальных напряжений весьма распространено в современной западной культуре и объясняется в числе прочего жадой финансовых прибылей. Доступность фильмов и книг с сексуальной тематикой, навязывание ее с помощью рекламы является известным делом. Участие в фильме одной секс-бомбы может принести большую прибыль, чем несколько автомобильных заводов. В этой ситуации сексуальные напряжения, постоянно культивируемые, растут, и по мере их роста увеличивается доля сексуальной тематики в кино, литературе и рекламе, что снова усиливает сексуальные напряжения и так далее, в результате чего возникает порочный круг причин и следствий. Не приходится удивляться большой интенсивности сексуальности в таких условиях.

Далее следует помнить о том, что нормальная половая потребность удовлетворяется посредством полового сношения, которое является *общественным актом*, происходящим между двумя лицами, и, как я уже упоминал, имеет определенные общественные последствия. Сексуальные особенности индивидов, как, например, половая сила, импотенция, считаются окружающими общественными достоинствами или недостатками, как, скажем, храбрость или трусость, правдивость или лживость, а не просто определенными физическими чертами, подобными остроте зрения или болезням типа туберкулеза или астмы. Этим объясняется стремление человека к приобретению сексуальных достоинств или хотя бы к созданию у окружающих впечатление, что он таковыми обладает для повышения своего социального престижа. Множество связей сексуального характера среди подрастающей молодежи имеет свой источник в желании казаться взрослым; многие донжуаны — это импотенты, которые заинтересованы в том, чтобы их считали «стоцентными мужчинами»; не одна женщина-соблазнительница становится таковой потому, что, собирая вокруг себя мужское общество, она пытается компенсировать тем самым свои подлинные или мнимые недостатки. Большой заслугой Адлера было то, что он отвел сексуальной потребности подобающее ей мес-

то в иерархии человеческих потребностей и признал в противовес Фрейду, что человек является не «сексуальным существом», а социальным. Именно Адлер сформулировал мысль, что способ, которым человек удовлетворяет свои сексуальные потребности, определяется стилем его жизни, а не наоборот. Общественная обусловленность сексуальной потребности и связь ее с другими потребностями приводят к тому, что сексуальная деятельность чаще всего *служит каким-либо другим потребностям и целям*. Для людей примитивных, лишенных способности воспринимать все богатство впечатлений, связанных с искусством, с научным познанием и т. д., так же как и для людей односторонне развитых, эта деятельность может стать единственным источником сильных ощущений, единственной ситуацией, в которой они чувствуют себя нужными и могущими иметь какое-то общественное значение.

Очевидно, и столь большая популярность фрейдовской теории «либидо» основывается не на чрезвычайной привлекательности самих по себе сексуальных ценностей, акцентированных ею, но на том, что она попала на какую-то благодарную почву. Как я уже упоминал, трудно сказать в двух словах, что содействовало этому успеху. Ответ на этот вопрос требовал бы специальных социологических исследований. Но нельзя забывать, что деятельность Фрейда совпала с последней фазой расцвета капитализма XIX века, которая оказала огромное влияние на жизнь европейских обществ. Небезоснователен тезис Шельского, объясняющего «эротизацию» супружеской любви специфической структурой отношений позднемещанского общества (Шельский, 1959, стр. 235)¹. В любом случае энтузиазм, с которым мир принял концепцию Фрейда, требует объяснения, но не служит доказательством большой роли сексуальной потребности в жизни человека. Можно, правда, допустить, что сексуальные элементы теории Фрейда оказались в свое время столь широко распространившимися по тем же самым причинам, по которым не известный сегодня никому Пшибышевский, высмеиваемый Вейнинггер и попавший в списки «черной литературы» Шопенгауэр считались в свое время

¹ Он полагает также, что в настоящее время наступил период уменьшения роли «эротики в брачных и внебрачных отношениях» в связи с необходимостью большей активизации брака, как института, в борьбе за существование.

оракулами знания о жизни. Сегодня мы знаем одно. Пансексуализм вместе с «граличностью» и «правождением» мишел так, как и возник — с людьми своей эпохи. Той эпохи, которая (став сегодня символом беззаботности и простого счастья) довела до абсурда пуританские принципы промышленных конкистадоров и жадных до наслаждений нуворишей начала XIX века.

Подводя итоги, можно сказать, что сексуальная потребность, будучи, несомненно, потребностью аутентичной и естественной, не является необходимой для поддержания жизни человека и поэтому не играет такой роли, как потребность саморегуляции. Если в некоторых случаях роль сексуальной потребности непомерно возрастает, объясняется это связями сексуальности с другими потребностями индивида.

В то же время там, где приспособление человека благодаря всесторонности интересов достигает высокого уровня, характеризуясь общественной активностью, экстрацентризмом, где оно не подвергается нарушениям вследствие существования различных комплексов, — там сексуальной потребности отводится соответствующая роль. Ее удовлетворение может дать людям в результате отделения сексуального наслаждения от видовой цели прекрасные, бурные, тонкие ощущения, приятно окрашивающие борьбу за существование, или же вызвать у них отвращение и нежелание — в зависимости от культуры, знаний и предшествующей обусловленности развития личности.

Множество недоразумений, связанных с сексуальной потребностью, и слишком часто встречающееся отношение к ней как центральной проблеме среди всех проблем, связанных с приспособлением, коренятся в ее недостаточной теоретической разработке, с одной стороны, и в факте существования огромного числа псевдонаучных и даже мифических взглядов — с другой.

К тому же сексуальные вопросы относятся к тем несчастным проблемам, по отношению к которым даже серьезным исследователям редко удавалось сохранить объективность и не впасть в крайности, подобно непосвященным.

Будем надеяться, что более глубокое исследование механизмов сексуальности у человека позволит нам решить важные проблемы удовлетворения сексуальной потребности соответствующим и более рациональным способом.

СТРУКТУРА ОРИЕНТИРОВОЧНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

В главе, посвященной классификации потребностей, я пытался обосновать необходимость выделения особой группы потребностей, присущих всем людям нашей культуры, потребностей, удовлетворение которых является лишь косвенным условием сохранения внутреннего равновесия индивида. Я предложил назвать эти потребности ориентировочными, поскольку название это точно отражает их роль в процессе саморегуляции.

Как уже было отмечено, удовлетворение ориентировочных потребностей является косвенным условием сохранения внутреннего равновесия индивида. Эти потребности связаны с определенной особенностью каждого живого организма и основаны на том, что сохранение внешнего равновесия, то есть правильное реагирование на изменения среды, возможно для него только при условии понимания ценности, которую представляют для него отдельные элементы этой среды. Иначе говоря, сохранение внешнего равновесия обусловлено правильным отражением ситуации, которое в свою очередь является существенным элементом ориентирования в окружающей среде (Левицкий, 1959, стр. 8). Руководствуясь определенными, предварительно изученными показателями ценности таких раздражителей, как звук, цвет, форма, движение, или благодаря врожденной ориентировке по отношению к ним все живые организмы выбирают такие формы поведения, которые позволяют им достичь полезной цели и избежать вредных воздействий, и таким образом обеспечивают себе возможно лучшие условия сохранения внутреннего равновесия в самом широком смысле слова.

По такому же принципу регулирует свои отношения со средой и человек. Однако благодаря высокоразвитому интеллекту, способному к абстрактному и подвижному

отражению действительности, человек познает окружающий его мир и себя самого, развивая присущие ему возможности поэтапного предвидения ситуации, их планирования и организации. Это обеспечивает ему не только возможность далеко идущей независимости от неподвижной среды, лучшим примером чего является овладение космическим пространством, но и возможность перспективного планирования, преобразования разных сред и приспособления их к собственным потребностям. Примером последнего могут быть управляемые общественно-экономические изменения.

В сложной общественной и технической среде, созданной современным цивилизованным человеком, объекты удовлетворения ориентировочных, как и других потребностей, качественно отличны от тех, которые выполняют аналогичную роль в мире животных. При этом они настолько качественно дифференцированы, что возникает необходимость рассмотреть их более подробно при выделении специфически человеческих ориентировочных потребностей.

Я хотел бы выделить три такие потребности, соответствующие трем уровням, на которых протекают специфически человеческие виды ориентировочной деятельности: 1) стремление к познанию непонятных для индивида явлений; 2) регулирование своих действий не только в соответствии с действительностью, но и в зависимости от эмоциональных установок других людей и 3) попытка соизмерить ценность своей личности с другими признанными ценностями.

Постараюсь рассмотреть эту проблему в общих чертах, начав с поисков таких ценностей, которые отличают человека как члена социальной группы от животных.

Опираясь на известный марксистский тезис, гласящий, что человека создал труд, такой существенной отличительной чертой можно считать коллективную, общественную кооперацию индивидов, которые, объединившись в группу, начали реорганизовывать естественную биологическую среду, стремясь к тому, чтобы она наилучшим образом способствовала поддержанию действенного внутреннего равновесия. Различные открытия и изобретения, начиная с самых простых, подобных открытию огня и способа разжигания костра, изобретению лука, ножа, колеса и т. д., сделали возможным возникновение

очень сложных современных обществ, объединенных в более или менее сплоченные и единые государственные организмы, существующие в искусственно созданных условиях технической цивилизации.

Это, несомненно, специфические успехи человеческого вида. Можно, однако, предполагать, что, кроме труда, как такового, действуют и другие факторы. Труд, основанный на общественной кооперации, мы встречаем также и у других видов, но там это не приводит к таким результатам, как у человека. Термиты, подобно людям, создают специфическую среду, в которой вместе живут и работают, проявляя совершенную (намного совершеннее человеческой) дисциплину и организацию, но этого оказывается недостаточно, чтобы обогнать в развитии более молодую человеческую цивилизацию; термиты тысячи лет стоят на месте, не обнаруживая заметного прогресса в своем развитии. Подобные явления можно наблюдать и у других насекомых, живущих в обществах, — муравьев, пчел и др. Для человеческих обществ характерен не только сам по себе общественно организованный труд, но прежде всего его развитие и прогресс, активное изменение средств производства и производственных отношений и в связи с этим постоянное и все более быстрое изменение общих условий существования.

Следовательно, объяснение специфически человеческого развития ориентировочных потребностей нужно искать в чем-то ином. Пожалуй, мы не ошибемся, если этим дополнительным фактором будем считать высокое развитие и организацию нервной системы у предка человека. Эволюция млекопитающих пошла в совершенно ином направлении, нежели эволюция насекомых. В то время как у последних она привела к созданию своеобразных инстинктов, связанных с врожденными анатомическими различиями — например, в обществе муравьев разделение труда основывается на различиях в строении тела (Даль, 1924, стр. 41—75), — у млекопитающих развитие проявилось прежде всего в более высокой организации центральной нервной системы, в энцефализации, которая достигла вершины у человека, обеспечив ему возможность ориентировки в мире с помощью абстрактных понятий. Такая ориентировка позволяет не только предвидеть события (определенной формой предвидения является условный рефлекс), но и планировать их. Факт

этот лег в основу установленного Марксом различия между «трудом» пчелы и трудом архитектора. Мы имеем основания предположить, что у предка человека эти черты были развиты особенно высоко, гораздо выше, чем у современных человекообразных обезьян. Этим объясняется тот факт, что развитие человеческих обществ пошло в совершенно ином направлении, чем развитие обществ насекомых, — в направлении познавательного развития и общего преобразования среды. Это в свою очередь привело к дальнейшему, более высокому развитию мозга и его функций и вновь — к дальнейшему прогрессу в организации среды. Благодаря такой тесной взаимосвязи этого прогресса с анатомическим развитием и с повышением подвижности функций нервной системы общественной среда человека является образованием *постоянно совершенствуемым*. Ее отличает способность к прогрессу, в то время как общества насекомых, основанные на принципе наследственных анатомических различий, только приспособлялись к происходившим на земном шаре изменениям. Биологическая эволюция в этом смысле является не прогрессом, а гомеостазом, поскольку в ней отсутствует момент антиципации и собственной активности индивидов, столь существенный для прогресса цивилизации.

Таким образом, характерной чертой вида *homo sapiens* является *все более быстрый прогресс*, как результат общественной кооперации индивидов с очень пластичным типом нервной системы, способной к динамическому развитию и позволяющей сознательно управлять собой. Понятно, что у человека ориентировка в окружающей среде должна касаться разных аспектов, которые, как было упомянуто, можно свести к трем основным.

1. Прежде всего человек должен *ориентироваться в актуальной для него существующей действительности*. Уже для маленького ребенка важно понимание того, какую ценность представляют для него отдельные предметы окружающего мира, люди, животные и вещи, а также ориентировка в том, как следует себя вести по отношению к этим ценностям, чтобы возможно более эффективно «потребить» их или избежать их отрицательного действия. Поскольку по мере роста и развития человек попадает в различные и все более сложные ситуации в среде, а также научается понимать новые, более слож-

ные ценности, его ориентировочная потребность должна все более усложняться и интеллектуализироваться, чтобы он мог нормально функционировать. Это становится возможным, когда мозг человека в ходе онтогенеза достигает все более высоких регуляционных возможностей, вепном которых является регуляция, опирающаяся на механизмы абстрактного мышления. Ориентировку человека в существующей действительности можно определить как ориентировку интеллектуальную, то есть основанную на познании с помощью абстрактного мышления. Без достижения такого уровня ориентировки человек, средний представитель современной культуры, не мог бы правильно функционировать.

Возьмем для примера людей умственно отсталых или получивших воспитание, не способствовавшее интеллектуальному развитию. Даже в группе работников средней квалификации и неквалифицированных они испытают значительные трудности и будут требовать особого внимания. Это свидетельствует о необходимости признать существование у человека *потребности интеллектуального познания окружающего мира*, которую коротко можно назвать познавательной потребностью.

2. Для надлежащего функционирования человека в наиболее естественной для него среде, то есть среде общественной, недостаточно интеллектуальной ориентировки. Мы должны иметь к окружающей нас среде соответствующее *эмоциональное отношение* и сами должны чувствовать со стороны окружающих это отношение, чтобы руководствоваться им, принимая решение о действии, в противном случае нам не удастся правильно включиться в общественные процессы и сотрудничать с другими людьми. Несомненно, познание других людей является интеллектуальным процессом, наилучшим доказательством чего служит тот факт, что в общении с окружающими можно черпать опыт, овладевая методом психологического исследования и т. д. Тем не менее следовало бы обратить внимание также на «внеинтеллектуальный» фактор, принимающий участие в этом процессе, еще в 20-е годы нашего столетия определенный Блейлером как «синтония», или «созвучие» с эмоциональным состоянием другого человека (Блейлер, 1923; см. Мазуркевич, 1924). Речь здесь идет в числе прочего и о таких явлениях, как тягостные ощущения в присутствии огорченного челове-

ла и приятные ощущения, когда мы видим человека довольного. Синтония — явление своеобразное, она не должна отождествляться с интеллектуальным познанием, однако она позволяет произвести выбор наиболее правильной реакции. На это указывают наряду с другими данными и клинические наблюдения, свидетельствующие о том, что она может наблюдаться, и даже в высокой степени, у олигофренов (Лупевский, 1932) и может отсутствовать у людей с высокоразвитыми интеллектуальными способностями (Мазуркевич, 1958, т. II, стр. 33). Эта проблема требует, несомненно, серьезных исследований.

Понятие синтонии недостаточно изучено. Не совсем понятно, с каким из известных в психологии явлений можно ее связать. Казалось бы, речь здесь идет о создании эмоциональных рефлексов, служащих основой явления, называемого обычно «совестью». Об этом говорят исследования Эйсенка, который включил психопатов (типичных представителей асинтоников) в категорию крайних экстравертов. Согласно его теории, экстравертов отличает низкий уровень способности к закреплению условных рефлексов (Эйсенк, 1957). Однако этому противоречат клинические наблюдения, указывающие на существование синтонии даже у имбецилов (особенно у тех, недоразвитие которых связано с болезнью Дауна). Между тем их способность к закреплению условных рефлексов является патологически низкой.

Возможно, следовательно (это кажется наиболее правдоподобным), что у асинтоников отсутствуют условия для усиления рефлекса посредством раздражителя, которым является эмоциональная реакция другого человека. Это могло бы быть обусловлено конституционно (отсутствие какого-то личного свойства — синтонии) или иметь характер дефекта развития, возникшего вследствие отсутствия в раннем периоде развития ситуации, в которой способность создания таких рефлексов могла бы реализоваться и развиваться.

Вообще говоря, психолог, рассматривающий проблему синтонии, располагает скорее негативными доказательствами, то есть пытается выяснить, что происходит, когда это свойство отсутствует. Однако, вне всякого сомнения, синтония представляет собой фактор, чрезвычайно облегчающий человеку осуществление совместных действий с другими людьми. Интеллектуального знания часто недо-

статочно в общественных отношениях, и синтония становится как бы «предохранителем», защищающим от ущемляющего интересы человека эгоистического поведения других людей. Следует также заметить, что и в обыденной психологии, опирающейся на большое количество повседневных наблюдений, мы отличаем «холодный интеллект» от «сочувствующего сердца», считая их различными способами познания. «Холодный интеллект» необходим, например, психологу, который бесстрастно анализирует поведение человека в трудной жизненной ситуации с точки зрения причин, адекватности его в данной ситуации и т. д., в то время как «сочувствующее сердце» мы признаем у того, кто просто грустит или радуется вместе с другим.

Такое чувственное познание другого человека является основной чертой своего рода *эмоционального контакта*. Можно было бы привести множество аргументов, подтверждающих, что эта своеобразная эмоциональная ориентировка необходима для правильного развития и функционирования личности. От нее следует отличать специфически человеческую *потребность эмоционального контакта*, несводимую к общей ориентировочной потребности, так же как способы существования животных разных видов, происшедших в процессе эволюции от одного корня, несводимы к способу существования низшей эволюционной формы, от которой они происходят. Эмоциональный контакт является, следовательно, объектом особой, своеобразной потребности человека, второй его важной ориентировочной потребностью. В условиях общественной жизни роль этой потребности, очевидно, будет значительно шире, выходя за рамки проблематики ориентировки, тем не менее последняя остается ее генетической основой.

3. Обе эти потребности обеспечивают человеку правильное развитие и позволяют ему участвовать в общественной жизни, не объясняя, однако, причин прогрессивного развития. Если понимать прогресс как расширение системы ценностей общественной жизни, закрепляющих более высокий уровень функционирования общества, возникает вопрос, чем объяснить это творческое стремление. Прогресс нельзя объяснить чисто психологически, так же как войну, мир или другие общественные явления. Огромную роль играют тут экономические и политические фак-

торы, достигнутый уровень общественных отношений, науки, техники, искусства и т. д. Однако все это и даже тот факт, что эффективность исторической деятельности людей не всегда совпадает с волей и планами отдельного индивида, не означает, как заметил Энгельс в письме к Блоху, что индивидуальные усилия не играют никакой роли¹. Для истории человечества характерно то, что человек, базируясь на уже достигнутом уровне материального и культурного развития, создает новые, более обоснованные концепции мира и самого себя в этом мире, постоянно стремится к новому, внося свой вклад в общую сумму достижений человечества и способствуя тем самым прогрессивному развитию. Условия общественной жизни могут благоприятствовать такому творчеству или препятствовать ему, но в любых условиях творческое стремление остается характерной чертой представителей рода человеческого.

Человеческое творчество имеет, несомненно, очень сложную мотивацию. Оно может быть выражением стремления к славе, может служить материальным потребностям творческой единицы, так как новые достижения в области культуры и цивилизации — если абстрагироваться от фактов непризнания гениев — высокоценны и награждаемы обществом. Оно может также служить удовлетворению потребности эмоционального контакта в форме, например, привлечения к себе симпатий и внимания окружающих. Однако, помимо этого, следует отличать, по-видимому, еще один фактор. Анализируя биографии артистов, поэтов или общественных деятелей, мы можем убедиться, что в своей творческой деятельности они видели, как говорится, «смысл своей жизни». Другими словами, они были убеждены, что эта деятельность обосновывает их существование в общественной действительности, что они существуют именно для того, чтобы реали-

¹ «...история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общественные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю» (К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 396)

зовать данные ценности. Очевидно, тут мы имеем дело с определенным *специфическим видом ориентировочной потребности*, когда предметом познания становимся мы сами и, пожалуй, смысл нашего существования. Вопрос о смысле существования с давних пор был проблемой для человека. Он и сегодня не потерял своей актуальности. Об этом свидетельствует популярность экзистенциализма и растущий интерес к подобного рода проблематике среди теоретиков-марксистов, объясняемый в конечном счете ростом значения этой проблемы в условиях увеличивающейся стабилизации. Потребность в ее решении можно было бы назвать *потребностью смысла жизни*.

Встав на точку зрения современных биосоциальных психологических теорий, мы не должны в этой потребности видеть какую-то метафизическую особенность человека как «самоосознающего себя духа», но рассматривать ее как высший уровень развития общебиологической ориентировочной потребности у существа, для которого размышления над самим собой являются таким же условием нормального функционирования (понимая нормальность как степень использования возможностей), как и размышления над окружающим его миром. Сейчас, когда нервная система человека достигла уровня развития, позволяющего в неслыханных доныне масштабах и с небывалой степенью точности сознательно ориентироваться в действительности, ясно, что и сами для себя мы становимся предметом ориентировки в качестве элемента этой действительности. В очень сложных условиях общественной жизни такая самоориентировка совершенно необходима, если мы хотим, чтобы сосуществование наше с общественной средой складывалось гармонично и без излишних трений. Кроме того, именно существованием потребности смысла жизни можно объяснить явление творчества человека. С того момента как индивид поймет, что смысл его существования заключается, например, в улучшении условий жизни людей, в познании новых истин или в реализации новых художественных ценностей, он направляет свои действия на эти предметы, и, если он располагает соответствующими интеллектуальными возможностями, он станет творцом: в общественной, научной или художественной сферах.

Можно доказать, что человек без удовлетворения потребности смысла жизни не работал бы с оптимальной

отдачей, не имел бы достаточно сил для реализации тех целей, достижение которых позволило ему завоевать и ключительное место в природе. Человек без определенной философии, определенной идеологии, укрепляющих его в сознании осмысленности его существования, будет ощущать себя пылинкой, гонимой порывами ветра, не сможет вести последовательную, продолжительную, требующую многих лишений и усилий борьбу с судьбой, а следовательно, его участие в общественном прогрессе станет невозможным. О том, что понимание смысла жизни необходимо для правильного приспособления человека, свидетельствуют также многочисленные случаи психозов, в основе которых лежит утрата этого смысла (см. например, Кратохвил, 1961). Следует добавить, что для удовлетворения этой потребности, не обязательно, чтобы человек отдавал себе отчет в том, что именно составляет смысл его жизни. Осознание этого, конечно, чрезвычайно полезно для его приспособления. Но этого недостаточно. Важным условием удовлетворения этой потребности является существование в его жизни такой деятельности, в которой в случае необходимости, после преодоления трудностей, психических надломов, принятия важных решений, он мог бы найти этот смысл (тема эта будет развита в гл. IX).

Суммируя материал этой главы, мы можем сделать вывод, что у человека существует три специфически человеческие потребности — познавательная потребность, потребность эмоционального контакта и потребность смысла жизни. Неудовлетворение какой-либо из этих потребностей приводит к тому, что ориентировка человека в окружающем мире становится неполной и не обеспечивает его правильного функционирования, то есть оптимального использования всех его способностей при реализации того процесса, который способствовал освобождению его от слепого хода биологической эволюции.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Каждое живое существо должно ориентироваться в окружающей среде, иначе оно не смогло бы сохранить свою жизнь. Ориентировка эта может касаться понимания ценности самых различных элементов внешней среды индивида, а также ценности собственных действий, относящихся к предметам, представляющим эти элементы, и всегда является результатом предшествующего индивидуального или видового опыта. Животные правильно ориентируются благодаря тому, что познают «ценность», «значение» отдельных раздражителей — запаха пищи и запаха хищника, зова самки и движения травы. Опознав эти сигналы, они реагируют на них в соответствии с их значением для саморегуляции — хватают пищу, прислушиваются, сексуально возбуждаются или убегают.

Этот вид ориентировки создает основу для возникновения видового опыта, закрепленного в ходе филогенеза с помощью безусловнорефлекторных механизмов. Он создает также основу дифференцированной, целевой формы поведения с учетом ситуации.

Приобретенная ориентировка является результатом предшествующего научения. Условные связи образуются, когда раздражитель, предшествующий безусловному раздражителю, становится его сигналом. Таким образом постепенно расширяется сфера ориентировки в среде, а динамика этих связей делает возможным отражение изменений ценности предметов окружающей среды.

Кроме условнорефлекторной ориентировки, названной Павловым первосигнальной, существует другая форма ориентировки, в основе которой лежат процессы понятийного мышления. Индивид не ограничивается реги-

страцией одновременного появления раздражителей, по подвергает информацию, доставленную раздражителями, сложным операциям: абстрагированию и обобщению, в результате чего возникают понятия. Искусство оперирования понятиями без постоянного обращения к конкретному предмету дает возможность вникнуть в смысл происходящих явлений, что позволяет предвидеть их течение, выводя посредством анализа общие зависимости, закономерности, и, следовательно, создавать новые понятия и оперировать ими на все более высоком уровне абстракции. Это практически открывает неограниченные возможности познания, поскольку, руководствуясь пониманием законов, управляющих ходом самого процесса ориентировки, человек может конструировать машины, увеличивающие точность, скорость и сферу действия этого процесса в миллионы раз. Благодаря использованию абстрактных понятий в ходе ориентировочной деятельности человек мог, например, не выходя из комнаты, безо всяких измерительных приборов установить зависимость между массой и энергией. Он сумел определить также размеры и пути планет, которые никогда не видел, открыть и использовать радиоволны, для восприятия которых у него нет чувственных рецепторов, увидеть предметы, в миллионы раз меньше тех, которые доступны его глазу, и, разочарованный тем, что паука не приблизила его к счастью, оказался способным к созданию таких мифов, как миф о Еве, жажда познания которой обрекла на страдания все поколения людей.

Понятийная ориентировка — ее можно назвать также интеллектуальной ориентировкой — составляет основу не только индивидуального опыта в смысле соприкосновения с определенными предметами или явлениями (в конце концов у истока каждой науки лежит факт), но также основу целого ряда разновидностей познавательной (интеллектуальной) деятельности. Любая познавательная деятельность должна осуществляться согласно определенным правилам, установленным исходя из структуры мозга, из уже имеющейся ориентировки в формах познания и вытекающего отсюда опыта. Диапазон познавательных возможностей огромен: от ориентировки, основанной на так называемом здравом смысле, до сложных мысленных систем, в которых выдвигаемые поочередно на основе фактов и теорий гипотезы подверга-

ются экспериментальной проверке и корректируются путем переноса вытекающих из них выводов в практику, что в свою очередь позволяет создавать новые гипотезы, и т. д. Таким путем человеческое познание приближается к объективному отражению мира, который находится в нас и вне нас, от частицы атома до масштабов космоса.

Человеческая мысль, не корректируемая практикой, способна также создавать любопытные, нередко очень интересные и красивые мифы, которые являются не столько отражением объективной действительности, сколько отображением забот, радостей и тревог человеческих. Эти мифы также играют свою роль, заполняя пробелы в знаниях человека или же делая эти знания более близкими его желаниям.

Может быть, именно в создании мифов более, чем в конструировании для лучшего приспособления научных теорий, инструментальный характер которых полностью очевиден, проявляются некоторые характерные черты познания — его известная незаинтересованность, апрактицизм. Миф о Прометее ни на шаг не приблизил его создателей к пониманию тайны огня. Так мальчик, который разрывает мяч, стремясь понять, что в нем «прыгает», практически ничего не получает. Он только добивается того, чего хотел, теряя при этом мячик. Этот апрактицизм интеллектуального познания свидетельствует о том, что познавательные виды деятельности динамизированы силами, не находящимися в непосредственной связи с приспособительными процессами индивида. Человек предпринимает познавательную деятельность, когда перед ним встает проблема, требующая решения, а не только тогда, когда решение проблемы ему для чего-нибудь нужно.

Приведенные рассуждения позволяют сделать три основных вывода.

1. Познавательный процесс у человека имеет характер ряда операций, направленных на достижение какой-либо цели, и, следовательно, в соответствии с определением главы I, является деятельностью.

2. Познавательную деятельность человека характеризует оперирование понятиями.

3. Познавательная деятельность человека динамизирована напряжением, которое возникает вследствие са-

мого факта существования чего-то, что требует познания, а следовательно, источником его является. Можно полагать (в отличие от напряжений, динамизирующих виды деятельности самосохранения), что источник во внешней ситуации, а не внутреннее состояние организма.

2. ДИНАМИКА ПОЗНАНИЯ

Структура и ход познавательной деятельности, которой занимается психология мышления, представляя собой явление хорошо исследованное и разработанное. Рассмотрение их в этой работе увело бы нас слишком далеко от ее темы — человеческих влечений. Иначе обстоит дело с динамикой познания, с силами, которые вызывают и стимулируют (часто в ущерб потребности самосохранения) познавательную деятельность. Интересно, что, хотя активный характер познавательной деятельности был установлен уже несколько десятилетий назад, психологам приходится снова заниматься этой проблемой, так как выводы из теории о «самостоятельной активности» человеческого познания не нашли еще применения в общественной практике — в школах, детских садах и на предприятиях.

Одной из причин многих неясностей в вопросе динамики познания является смешение двух разных проблем (такая же, пожалуй, трудность возникает при анализе других аспектов процесса мотивации), а именно неразличение процессов, инициирующих познавательную деятельность, и процессов, поддерживающих, динамизирующих эту деятельность. Как подтверждают результаты многих приведенных здесь исследований, это два совершенно разных процесса, базирующихся, по-видимому, на функционировании совершенно различных нервных структур.

а) ПРОЦЕССЫ, ИНИЦИИРУЮЩИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Процесс, инициирующий ориентировочную деятельность, был открыт Павловым в ходе исследований условных рефлексов. Как известно, Павлов установил, что

каждый новый раздражитель вызывает у животного реакцию настройки рецепторов и назвал это явление «ориентировочным рефлексом», или рефлексом «что такое». Ориентировочный рефлекс, согласно его представлению, является рефлексом безусловным, а его биологическое значение основывается на том, что он защищает организм, не позволяя пропустить раздражитель, который мог бы иметь для организма какое-либо значение — положительное или отрицательное¹. Когда оказывается, что раздражитель не влечет за собой никаких последствий, важных для индивида, ориентировочный рефлекс в отношении этого раздражителя угасает (Павлов, 1952, стр. 9, 32, 78).

Понимаемый таким образом ориентировочный рефлекс можно считать фактором, принципующим деятельность ориентировки в целостности предметов. Он настраивает рецепторы индивида на восприятие нового раздражителя, облегчая ему тем самым познание ценности, которую этот раздражитель, возможно, представляет для него, но сам по себе не определяет вид ориентировочной деятельности. Начатое Мэгупом (1965) изучение функций ретикулярной формации способствовало лучшему пониманию нейрофизиологических основ процессов, принципующих и динамизирующих познавательную деятельность. Не останавливаясь подробно на этих вопросах, можно утверждать, что каждый новый раздражитель вызывает, кроме повышения уровня возбуждения анализатора (так называемый процесс проторения пути), общее возбуждение коры, подготавливая ее к началу регуляционной деятельности. В случае когда оказывается, что раздражитель не имеет никакого биологического значения (исследования проводились на животных), наступает понижение реактивности организма в отношении этого раздражителя. Этот процесс связан с функцией нижней части ретикулярной формации, локализованной в стволе мозга. В случае когда раздражитель имеет зна-

¹ Особенно интересны следующие слова Павлова: «Биологический смысл этого рефлекса огромен. Если бы у животного не было этой реакции, то жизнь его каждую минуту, можно сказать, висела бы на волоске. А у нас этот рефлекс идет чрезвычайно далеко, проявляясь, наконец, в виде той любознательности, которая создает науку, дающую и обещающую нам высочайшую, безграничную ориентировку в окружающем мире» (1952, стр. 9).

чение для организма, общая ориентировочная реакция угасает, общее возбуждение коры заменяется возбуждением области, локально связанной с действующим раздражителем. Начинается особая, специфическая ориентировочная деятельность, называемая часто исследовательской, которая происходит в цепях, связывающих гипоталамус, верхний отдел ретикулярной формации, с соответствующими областями коры, и направляется именно этой структурой.

Тезис об отличии ориентировочного рефлекса от исследовательского рефлекса нашел подтверждение во многих работах, хотя достаточно широко распространено также мнение, что так называемый исследовательский рефлекс является только высшей формой развития ориентировочного рефлекса. Эти вопросы будут рассмотрены в ходе дальнейшего изложения, однако, возможно, имеет смысл уже здесь отметить, что принятие ориентировочного рефлекса (со всеми вытекающими отсюда последствиями) как фактора, не только инициирующего, но и динамизирующего познавательную деятельность, привело бы ко многим парадоксам. Например, ориентировочный рефлекс у людей с дефектами мозга не угасает после неоднократного повторения того же самого раздражителя, из чего следовало бы, что только подобные люди способны к продолжительной познавательной деятельности. Кроме того, познавательная деятельность (по отношению к неспецифической активации ретикулярной формации ствола мозга) была бы направлена на раздражители, по возможности сильные и новые, а не на раздражители, имеющие большое значение для индивида, что типично для случаев психических болезней органической природы.

Остается еще одна неисследованная проблема. Несомненно, ориентировочный рефлекс является фактором, инициирующим познавательную деятельность у животных и маленьких детей. Выполняет ли он эту роль также у взрослых? Вероятно, нет. Конечно, это возможно в некоторых ситуациях. Человек сидит задумавшись над рвом и вдруг чувствует, что у него за спиной «что-то» происходит. Появление этого «нечто» и рефлекторная реакция на него инициируют познавательную деятельность. Особой проблемой, однако, является вопрос о познавательной деятельности, инициированной мотивом.

Вопрос этот достаточно сложен и требует особых исследований. Нам не вполне понятны причины формулирования мотива, инициирующего познавательную деятельность. Может быть, конечно, этим фактором является ориентировочный рефлекс на новое неизвестное явление, причем у человека его может вызвать не только физический раздражитель, но и содержание какого-либо понятия. Тогда это было бы двухступенчатое инициирование, о ходе которого сегодня мы еще ничего не знаем.

б) ПРОЦЕССЫ, ДИНАМИЗИРУЮЩИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Гипотезы, касающиеся нервного субстрата процессов, динамизирующих познавательную деятельность, я изложил в предыдущем разделе. Рассмотрим другую проблему. Если, как предполагается, напряжение, динамизирующее познание, приходит извне, является вызванным ситуационно, то спрашивается, какого рода раздражители после инициирования познавательной деятельности способствуют ее продолжению. Из представленных в этой главе предположений следует, что эти раздражители должны быть одновременно и новыми для индивида и в то же время содержать что-то ему уже известное. Примеры, подтверждающие это, можно легко найти в каждодневных ситуациях. Когда человек встречается с чем-то, что не имеет для него никакого значения, то есть с предметом, явлением, которое он не может ни в одном его аспекте соотнести с тем, что он знает, он безразлично проходит мимо или реагирует испугом. «Любопытство» пробуждают парадоксы, контрасты, непонятные связи вещей известных и неизвестных. Только такое явление может вызвать возникновение мотива познания, поскольку нельзя программировать действия в отношении предмета, который нам ни о чем не напоминает, ни с чем известным не связывается. Мы можем от этого предмета на всякий случай убежать, но исследование мы начинаем только после выдвижения какой-либо гипотезы, связывающей этот предмет или явление с нашим опытом. Некоторые данные психологических наблюдений указывают, что человек часто не замечает того, чего совершенно не знает, так же как не замечает обычных вещей, слишком хорошо известных: цвета дома,

в котором живет с рождения, витрины магазина, окошко которого ежедневно проходит, не может описать человека, с которым общается много лет.

в) ВЗГЛЯДЫ НЕКОТОРЫХ АВТОРОВ НА
ДИНАМИКУ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Все вопросы, затронутые выше, требуют основательной разработки и проверки. Им занимаются не только исследователи. Однако характерно, что, каковы бы ни были методологические и теоретические позиции исследователей этой проблемы, они приходили к одним и тем же заключениям: познание является активной деятельностью, выполняемой индивидом, а не бесстрастным отражением ситуации, активность эта динамизирована посредством факторов, связанных с самим появлением проблемы, требующей познания, и может считаться, следовательно, в определенном смысле апрактичной. Некоторые из теорий позволяют также ответить на вопросы, которые мы до сих пор оставляли открытыми.

Для иллюстрации этой проблематики я выбрал взгляды шести авторов, представляющих разные периоды развития психологии, разные школы и специальности: Левицкий (1960), Мазуркевич (1950), Шуман (1932), Соколов (1959), Харлоу (1954) и Сусуловская (1960).

Левицкий в работе, посвященной анализу ориентировки у животных и людей, поставил своей целью разбор объективного определения термина «познавательный процесс». Рассматривая ориентировку в биологической ценности предметов у животных, он ссылается на результаты исследований Павлова и утверждает, что «Павлов в безусловно рефлексном механизме выделил управляющий процесс, повышающий чувствительность животного к определенным раздражителям и настраивающий его на выполнение той, а не иной реакции, и назвал этот процесс „основной тенденцией организма“» (Левицкий, 1960, стр. 93). Эта тенденция может возникать под влиянием внутренних побуждений, например тенденция пищевая или половая, или же (как в случае тенденции к агрессии) может быть вызвана внешними раздражителями. По мнению Павлова, соответствующие области коры под влиянием этих факторов приводятся в состояние возбуждения, которое повышает их чувстви-

тельность к определенной категории раздражителей — пищевых, половых и т. д. Тенденцию эту можно, следовательно, определить как «состояние напряжения центра, состояние готовности к отражению определенных раздражителей и к реагированию на них определенным действием» (там же, стр. 164).

Развивая и дополняя эту мысль, мы пришли бы к отождествлению понятой таким образом «тенденции» с «инстинктом» (см. данную работу стр. 68—69). Центральный, эмоционально-побудительный элемент инстинкта был бы тогда идентичен подкорковому напряжению, познавательный элемент — готовности к отображению определенных раздражителей, а моторный элемент — установке на определенную реакцию. Принимая во внимание, что у человека побочные элементы инстинкта подверглись почти полному исчезновению, следовало бы допустить, что тенденции у него проявляются исключительно в форме ненаправленных напряжений, редуцируемых с помощью деятельности определенного рода, которая сама по себе, однако, не направляет его реакции.

Кроме этих «биологических потребностей»¹, Левицкий различает, говоря об ориентировке у человека, отдельную «познавательную потребность» (стр. 189, 208) и говорит, например, о «жажде» научных истин у ученого. Согласно этому автору, типично человеческое, бескорыстное познание также имеет в своей основе динамизирующий механизм, создающий напряжение типа «основной тенденции организма». Он, однако, полагает, что физиологические основы этой тенденции нельзя искать в корко-подкорковых механизмах, действующих при проявлении биологических тенденций, и постулирует для них вслед за Павловым особую физиологическую основу в виде динамического стереотипа, образующегося в ходе личной жизни индивида (там же, стр. 193).

В применении к познавательной потребности у человека выводы Левицкого можно было бы (сохраняя принятую им терминологию) несколько дополнить, показав, что и эта потребность, подобно биологическим потребностям, имеет, по-видимому, свою врожденную нейрофизиологическую основу в существовании *исследовательского*

¹ Левицкий понимает потребность как процесс и отождествляет ее с тенденцией (1960, стр. 65).

рефлекса, то есть опирается не только на сложившиеся динамические стереотипы. В основе исследовательского рефлекса должна в свою очередь лежать тенденция, динамизирующая исследовательскую деятельность. В ходе индивидуального развития, по мере накопления чувственного и моторного опыта ориентировочный рефлекс приобретает таким образом надстройку в форме потребности в исследовательской деятельности, становясь в свою очередь своеобразным безусловным подкреплением, как это наблюдается, например, у глухонемых детей (см. Мендереяков, 1960). Независимо, однако, от концепции основы введение понятия индивидуальной познавательной тенденции имеет большое значение, потому что познание трактуется здесь не как пассивное отражение среды и сочетание отражений, но как *умственная и моторная активность человека*, как своеобразная психофизическая деятельность, которая требует индивидуальных динамизирующих процессов.

Активность познания подчеркивает и Шуман в работе «Генезис предмета» (1932). Он также исходит из того, что у ребенка наблюдение всегда является активным процессом, непосредственно связанным с моторикой организма. Автор, опираясь на концепцию Шеррингтона, утверждает, что в деятельности органов чувств следует различать по меньшей мере три фазы: фазу инициации, фазу настройки рецептора на раздражитель и фазу финализации наблюдения. Эти три фазы можно заметить уже при проявлении отдельных чувств. Например, при раздражении рта грудного ребенка соском груди матери или даже только пальцем (фаза инициации) появляются ищущие движения головы (настройка рта на раздражитель), пока наконец рот не коснется раздражителя (фаза финализации), после чего начинаются сосательные движения.

Аналогичные явления возникают при хватании, после начала воздействия предмета на руку (фаза инициации). В это время появляются ищущие движения, пока ладонь не коснется предмета (фаза финализации). Подобные факты можно заметить при полисенсорном наблюдении, например зрительно-осязательном. Телерецепторный раздражитель играет тут обычную роль иницирующего раздражителя, ребенок протягивает к нему руку или даже приближается к предмету, замеченному зрением, и хвата-

ет его. Прикосновение фиксирует двигательный цикл. При полисенсорном наблюдении устанавливается связь между ощущениями, идущими от разных органов чувств. Они не являются, однако (как думали, например, ассоциационисты), «соединением» двух впечатлений, то есть пассивным процессом их механического сложения, но комплексом видов активности ребенка, в основе которой лежат сложные отношения инициации и финализации познавательных рефлекторных актов. Интересно при этом, что Шуман рефлекторную познавательную активность, вызванную иниципирующими раздражителями, считает своего рода *прототипом стремления к цели*, предлагая исследовать ее как простую модель стремлений вообще (там же, стр. 13).

К подобным же выводам относительно активности познания пришли советские ученые в своих исследованиях ориентировочного рефлекса. Соколов (1959), обобщивший эти исследования, утверждает, что «настройка рецепторов является одной из существенных характеристик ориентировочного рефлекса» (стр. 11), то есть и тут обращается внимание на моторную сторону познавательной активности¹: Павлов, уже в 1910 году установивший эмпирически в своих исследованиях существование ориентировочного рефлекса (сама концепция ориентировочного рефлекса была выдвинута, собственно, Сеченовым в 1852 году), подчеркивал, что сущностью этого рефлекса является настройка рецепторов на каждое, даже малейшее изменение в окружающей среде, при этом торможению подвергаются все другие реакции организма. Благодаря этому животное получает возможность правильного реагирования на новую ситуацию. Результаты исследований Павлова подтвердил в своих опытах Анохин, который отметил, что «исследовательская реакция»

¹ Е. Н. Соколов в одной из позднейших работ («О моделирующих свойствах нервной системы», в сб.: «Кибернетика, мышление и жизнь», М., 1964) описывает «нервную модель стимула», которая строится на основе прежних воздействий, обеспечивая активное приспособление к среде и предвосхищая будущее значение раздражителя (экстраполяционный эффект). Новый сигнал сопоставляется с наличной моделью, и в случае несоответствия между ними возникает ориентировочный рефлекс на неопределенность ситуации. Таким образом организм обеспечивает вероятностное прогнозирование.— *Прим. ред.*

(ориентировочная) всегда появляется при изменении условий эксперимента.

Дальше пошли в своих выводах Подкопаев и Нарбуттович. Их исследования показали (цит. по: Соколов, 1965, стр. 7), что ориентировочный рефлекс является необходимой предпосылкой и условием возникновения временной связи между двумя очагами возбуждения. Например, у собаки пищевой условный рефлекс на данный раздражитель образуется только тогда, когда этот раздражитель вызывает у нее ориентировочный рефлекс.

В связи с этими исследованиями Асратян (1950) выдвинул интересную гипотезу относительно дуги условного рефлекса. Основываясь на ряде собственных экспериментов, он пришел к выводу, что условный рефлекс является, собственно, синтезом двух безусловных. Один из них — ориентировочный рефлекс на «безразличный раздражитель», а другой — например, безусловный пищевой или кислотный рефлекс. Отсюда следует, что ориентировочный рефлекс, необходимый для начала активного исследования условного раздражителя, является также необходимым для возникновения временной связи. Упомяну, что подобной точки зрения придерживаются также американские исследователи условных рефлексов (см., например, Вудвортс, Шлосберг, 1954, стр. 547—549).

Далее Соколов подчеркивает, что при повторном действии раздражителя, вызывающего ориентировочный рефлекс, без подкрепления его каким-либо безусловным, рефлекс угасает, но может, однако, возобновиться после перерыва, если подключить другой раздражитель и дать кофеин, который повышает возбудимость нервной системы. Соколов останавливается также на вопросе локализации ориентировочного рефлекса в мозге и приводит взгляды ряда исследователей, которые связывают его с функциями ретикулярной формации. Возбуждение этой области вызывает в результате общее возбуждение коры мозга, а также активизацию вместе с этим моторных функций и рецепторного аппарата (Мэгун, 1965).

По мнению Соколова, ориентировочный рефлекс проявляется в двух формах: пассивной и активной. Пассивная форма основывается на торможении деятельности организма и является более примитивной; в ходе индивидуального развития она переходит в активную, сущность которой основывается на инципировании определенной

исследовательской деятельности. Наблюдения Поликановой и Пробатовой (1955) показали, что у недоношенных детей, родившихся раньше срока на 3—3,5 месяца, ориентировочный рефлекс на звуковые раздражители проявляется сначала как общее торможение дыхательных движений и сосательной деятельности или, напротив, выражается в двигательном беспокойстве, активности мышц лица и нистагме, и лишь постепенно в процессе развития эти примитивные ориентировочные реакции замещаются (следовало бы, пожалуй, говорить развиваются, дополняются) поворачиванием головы и глаз к источнику звука. Исследования Дашковской (1953) показали, что пассивная форма ориентировочного рефлекса не переходит в активную у детей, которые при рождении получили механическое повреждение мозга. Такая примитивная, пассивная форма ориентировочной реакции установлена также при клинических исследованиях у олигофренов (Виноградова, 1956), при инфекционных психозах (Личко, 1952) и у шизофреников (Нарбутович и Светлов, 1934, цит. по: Соколов, 1959, стр. 49), то есть во всех тех случаях, при которых произошли серьезные нарушения познавательной деятельности.

Завершая обзор, Соколов подчеркивает, что развитие ориентировочного рефлекса особенно характерно для более сформированных в ходе эволюции высших областей мозга. У наиболее развитых животных, а именно у антропоидов, он переходит в своеобразный познавательный рефлекс, представляющий особую форму поведения организма, направленную на исследование предмета и основанную на продолжительном манипулировании предметами, не имеющими для животного биологической, например пищевой, ценности. Существование у человекообразных обезьян познавательного рефлекса доказали опыты Павлова, Войтониса, Ладыгиной-Котс и Вацуро. Следует обратить внимание на то, что Соколов не отделяет функции, иницирующей ориентировочный рефлекс, от функции, динамизирующей познавательный рефлекс, когда пишет о «перерождении» одного рефлекса в другой у представителей высших эволюционных форм.

Ян Мазуркевич в работе «Введение в нормальную психофизиологию» также подчеркивает активный характер познания. В то время как Шуман опирался главным образом на наблюдения за грудными детьми, а Левиц-

кий и советские ученые — на данные, полученные в экспериментальных исследованиях животных и частично людей, Мазуркевич производил прежде всего клипические наблюдения над человеком, интерпретируя их в свете эволюционной теории Джексона. Мазуркевич считает, что «познавательное стремление» — явление, в принципе аналогичное павловскому ориентировочному рефлексу и появляется впервые тогда, когда ребенок начинает интересоваться предметами, не имеющими для него никакой биологической ценности. Он также утверждает, что познание является активным процессом, продуктом психофизической активности организма; эта активность действительно ведет к познанию предметов и к возникновению индивидуального опыта. «Все имеющееся у него личные суждения, — пишет Мазуркевич, — являются продуктом собственной активности ребенка, а следовательно, в психологическом плане продуктом работы внимания, функции заинтересованности» (1950, стр. 63).

Особенно интересны в связи с идеями, развитыми в этой главе, взгляды Харлоу (1954), который утверждает, что в психологии слишком тесно связывается мотивация человека с энергетизирующей ролью гомеостатических стремлений, например голода. Попытки связать человеческую мотивацию с чувствами боли или страха (Маурер, Браун, Хорни) нельзя считать, по мнению Харлоу, полностью обоснованными. Ведь человек учится и живет годы, месяцы и недели, не встречая никаких трудностей в удовлетворении гомеостатических потребностей, к тому же и «здоровый смысл учит нас, что наша энергия большей частью возбуждается позитивными целями, а не стремлением к бегству под влиянием страха или опасности» (стр. 38).

В связи с этим автор обращает внимание на роль, которую в мотивации и связанном с ней научении играют мотивы, вызванные внешними факторами (*externally elicited motives*). Эти факторы он понимает как побуждающие к действию, считая, что их активность не связана ни с гомеостатическими, ни с сексуальными потребностями, но с определенными внешними ситуациями, не имеющими отношения к обычному функционированию организма. Один из этих факторов автор определяет как «стремление к подражанию». Оно проявляется особенно сильно у обезьян («обезьяна видит, обезьяна делает»), но в известной мере существует и у людей. Об

этом же свидетельствуют работы Келлера и других авторов, которые показали, что в качестве подкрепления при обучении крысы может служить различие в освещении среды. К наиболее интересным моментам, однако, относится «стремление к исследованию окружающей среды», проявляющееся в том, что, например, обезьяна может приложить много усилий для разбора простых и сложных механизмов-головоломок, не получая никакого подкрепления, кроме самой возможности разбирать механизм, или так же может научиться открывать сложные запоры, не получая никакой награды, кроме возможности выглядывать из помещения, в котором находится, через открытое таким способом окошко (так называемый аппарат визуального исследования). Это явление можно наблюдать также у крыс, помещенных в лабиринт. Крыса, не получавшая пищи в течение 23 часов, часто бежит по туннелю и производит «исследование» окружающего, не обращая внимания на еду, пока весь лабиринт не будет изучен. Наконец, исследователи, уже давно работающие с крысами, заметили, что крыса может значительно увеличивать свое умение в прохождении лабиринта без пищевых подкреплений. Харлоу пытается также интерпретировать «игры» с едой, любимое занятие маленьких детей, как действие под влиянием мотива, вызванного внешними факторами.

Ребенок, даже будучи голодным в течение 14 часов, сядя за стол, часто вместо того, чтобы есть, начинает «класть горох в молоко... бросать ложки на пол, использовать пюре как материал для рисования на нем пальцем».

Можно сделать вывод, что все поведение человека или животного, вызванное внешней ситуацией, Харлоу объясняет действием мотивационной системы, вызываемой внешними факторами, которая является «такой же основной и врожденной, как системы голод — аппетит и жажда — аппетит» (стр. 52). Раздражители, приводящие в действие эту систему, могут играть роль подкрепления при создании условных рефлексов, что подтверждают данные многочисленных экспериментов. Такого типа подкрепление имеет ряд достоинств, которых не имеют подкрепления гомеостатического типа. Они более стойки, не изменяют своей силы вследствие частого повторения и дают более сильные эффекты в процессе формирования рефлексов.

Таким образом, приведенные данные позволяют пред-

положить, что появление нового объекта, возможность его осмотра и манипуляций с ним также служит подкреплением при обучении как замена пицци классических павловских опытов. (Самим подкреплением в этих экспериментах является, очевидно, как, например, у Торп-дайка, эффективность реакции, открывание замка или окошка, позволяющее выглянуть из клетки. Харлоу обучал не сигналу, а отработке правильной реакции.) Таким образом, можно считать, что фрустрации в исследовании (исследовании) новой ситуации сопутствует напряжение того же рода, как и фрустрации любой другой потребности. только разрядка этого напряжения связана не с получением различных веществ, непосредственно влияющих на внутреннее равновесие организма (1 и 2 уровни Розенцвейга, см. стр. 65 данной работы), а с притоком определенной информации (уровень 3). В заключение Харлоу подчеркивает: «Нет никаких оснований считать, что активируемую внешними факторами мотивационную систему можно вывести из какой-либо гомеостатической системы, а также что между ними существуют какие-либо зависимости» (стр. 52).

Харлоу в своих исследованиях ограничился утверждением о существовании напряжения, связанного с исследованием окружающей среды и его роли в обучении животных. Дополнением этих исследований, хотя и ненамеренным, являются исследования Марии Сусуловской (1960), посвященные познавательным реакциям на новые раздражители у детей дошкольного возраста. Автор, обследуя детей до семи лет, демонстрировала им серию раздражителей разной степени «новизны» — от свистульки до сложного «аппарата», представляющего собой комплекс зрительных и слуховых раздражителей. Четко установив различие между «простой ориентировочной реакцией», показателем которой в поведении является настройка органов чувств на новый раздражитель, иногда сопровождающаяся эмоциональной реакцией, и «сложной исследовательской реакцией», проявляющейся в активном манипулировании предметом, а иногда в словесных вопросах, ведущих к более полному пониманию, Сусуловская пришла к ряду интересных обобщений. В числе прочего она указала на тот факт, что ориентировочная реакция всегда представляет собой первую фазу познания, предшествующую исследовательской реакции, причем само

появление исследовательской реакции и ее структура детерминированы не только возрастом ребенка и его умственным уровнем, но и особенностями самого предмета (стр. 48). Предмет определяет «силу стремления к познавательному исследованию» (как сказал бы Харлоу). Сусуловская установила также, какие черты предмета влияют на качество исследовательской реакции. «Чем больше возможностей предоставляет предмет для выполнения таких манипуляций и видов деятельности, которые приводят к изменениям в нем, тем он занимательнее, тем больше исследовательских реакций с ним связано и тем больший интерес он вызывает» (стр. 30). Чтобы избежать недоразумений, следует добавить, что для появления исследовательской реакции необходим не только новый предмет, но и способность к исследовательской реакции. Такой способностью не обладают, как следует из приведенных Сусуловской данных, дети с выраженным умственным недоразвитием. У этих детей не всегда возникала ориентировочная реакция, и никогда ни один предмет не вызывал «исследовательских реакций, которые уже очень рано появляются у детей нормально умственно развитых» (стр. 29). Правда, анализируя эту проблему, Сусуловская не пишет о меньших познавательных возможностях этих детей, но просто подчеркивает, что ни один раздражитель не мог вызвать у них исследовательской реакции. Умственно отсталый ребенок ни разу не пытался понять значения (Левинский сказал бы — ценности) ни одного нового раздражителя. Можно сказать, что простая ориентировочная реакция вполне разряжала у него напряжение, связанное с познавательной потребностью, в то время как познавательная активность нормального ребенка продолжалась до достижения уровня понимания значения раздражителя. Заслуживает упоминания также установленное попутно влияние вызванного страхом напряжения на реализацию исследовательской реакции. Можно предположить, что у детей, «подверженных страху», то есть наглядно проявляющих постоянную готовность к реагированию на каждый новый раздражитель страхом, это напряжение должно действовать в согласии с принципом нервной доминанты, а именно гасить напряжения, динамизирующие развитие исследовательской реакции. И действительно, как установила Сусуловская, исследователь-

ские реакции у детей, подверженных страху, протекают с большими затруднениями и являются более слабыми, что служит косвенным доказательством существования напряжения, связанного с познавательной потребностью.

На этом можно закончить описание гипотез и результатов исследований, касающихся напряжения, разряжаемых посредством познания окружающей среды. Правда, ни в одной из представленных здесь концепций авторы не пользовались термином «потребность» в значении, принятом в данной работе, а термин «напряжение» применяли в разных значениях, не говоря уже о том, что употреблялись термины «тенденция», «стремления», «рефлекс», «реакции», — суть дела не в названиях. Прямо или косвенно все эти точки зрения (в противоположность классическим взглядам ассоциационистов) подчеркивают активность познания как в рудиментарной форме, предшествующей исследованию (ориентировочный рефлекс), так и в его высших формах (исследовательский рефлекс). Из этих взглядов с несомненностью следует также, что для лучшего понимания познавательной активности мы можем предположить существование особого механизма, динамизирующего ориентировочную деятельность. Это в свою очередь подтверждает тезис данной работы, согласно которому у человека, а также у высших животных наряду с потребностью самосохранения появляется существующая на равных правах отдельная познавательная потребность, выражающаяся в своеобразных напряжениях, разряжаемых посредством исследовательской деятельности.

В поисках факторов, связанных с познавательной деятельностью, существование которой является необходимым условием нормального функционирования индивида, мы можем идти дальше, не сводя проблему к исследовательской деятельности индивида, направленной на то, что ему не известно. Ведь мы уже установили, что исследование неизвестного является не только условием поддержания внешнего равновесия индивида в данной ситуации. Исследование это происходит как бы на всякий случай как деятельность, предпринимаемая в каждой новой ситуации, даже тогда, когда ничего еще не известно о том, будет ли познавательная деятельность иметь какое-либо практическое значение. Мы назвали это «апрактицизмом познания». Описанный ранее

(стр. 88) эксперимент Дэвиса, показывающий, что само получение информации является одним из условий правильной регуляционной работы мозга, позволяет поставить вопрос еще более радикально. Не только исследование неизвестного, но само получение информации извне относится к условиям нормального функционирования индивида, причем оно непосредственно влияет на внутреннее равновесие. Понятно, что эффекты невыполнения каждого из этих двух условий являются разными: в первом случае возникает напряжение, тормозящее деятельность, не ведущую к исследованию неизвестного, в другом наступает дезорганизация регуляционной функции мозга — тем не менее оба явления требуют рассмотрения в той же самой плоскости механизмов удовлетворения познавательной потребности.

При этом оказывается, что организация функций, регулирующих комплекс процессов, протекающих в организме человека, является более сложной, чем это могло бы казаться в свете классической концепции саморегуляции.

Таковы предварительные замечания, которые, впрочем, не охватывают всю проблематику как познавательной деятельности, так и ее роли в приспособлении, поскольку эта задача чрезвычайно обширна. Мы привели данные, необходимые для формулирования определения познавательной потребности. Определение это, как и его объект, значительно более сложно, чем определение физиологических потребностей.

Познавательная потребность есть свойство индивида, обуславливающее тот факт, что без получения определенного количества информации в любой ситуации и без возможности проведения познавательной деятельности с помощью понятий в частично новых ситуациях индивид не может нормально функционировать.

3. ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ И ЯСНОСТЬ УМА

Введение понятия познавательной потребности, рассматриваемой как свойство человека, с которым связаны процессы, динамизирующие познание, а также равновесие регулирующих функций мозга, позволяет по-новому взглянуть как на проблемы психологии ориентиров-

ки в окружающей среде, так и на явления, связанные с нарушениями этой ориентировки: психотические расстройства, проявляющиеся в виде шизофренических, депрессивных синдромов и в форме олигофрении.

Можно, например, по-иному интерпретировать психические изменения, возникающие при шизофрении, принимая во внимание результаты исследований информационной депривации. Вполне правдоподобной кажется гипотеза, утверждающая, что наиболее существенным для шизофрении нарушением является блокирование правильной доставки информации к высшим отделам мозга. Блокада, которая (как можно судить на основе нейрофизиологических данных) осуществляется на уровне таламической ретикулярной формации, может быть вызвана самыми разнородными факторами: химическими, физическими, как эндо-, так и экзогенными, причем эффект зависит не от качества фактора, но от его роли в блокаде. Ограничение притока информации проявляется, в частности, и в общем уменьшении числа элементов, которыми руководствуются шизофреники в ходе создания понятия. Это значит, что целые классы разнородной информации, передаваемой в мозг, принимаются как один вид информации. Понятия становятся слишком общими. Нередко наблюдается, что информация вообще не достигает сенсорных областей коры или признается информацией совершенно другого вида. Индивид в таком случае не реагирует на определенные раздражители, а на другие реагирует так, словно они совсем иные, например противоположно рекомендованному или в согласии с принятой им предварительной установкой или вообще без всякой регулярности, хаотично. В такой ситуации вполне понятными становятся явления дезорганизации деятельности мозга, такие, как деперсонализация, галлюцинации, бред, хаотическое мышление, оторванное от ситуации, не связанные с ситуацией эмоциональные реакции и т. д.

Эти явления идентичны тем, которые получены в ситуации экспериментально вызванной информационной депривации. Мозг является ультрастабильной системой. Отсюда следует, что в случае такого изменения условий, которое вызывает нарушение ее равновесия, все функции мозга перестраиваются, обеспечивая стабильность в новых условиях. Поэтому после определенного

этапа течения психоза, когда блокада информации становится постоянным состоянием, регуляторные функции мозга подвергаются изменению, приносясь к уменьшенному притоку информации. В связи с этим явления психоза редуцируются, а вместо них возникают явления шизофренического дефекта — ригидность мышления, ограничение круга интересов, снижение критичности, а в случаях затруднения включается стереотипная реакция, имеющая, несомненно, большую инструментальную ценность, чем психотическая реакция. Например, один из больных в ответ на каждое жизненное затруднение, будь то в профессиональной или личной сфере, посылал в прессу открытки с вульгарными ругательствами.

Представляет интерес интерпретация с этих позиций психических нарушений при депрессии. Развитие заторможенности в этом случае можно объяснить тем, что сильное эмоциональное напряжение однородной окраски вызывает блокирование притока информации извне к высшим отделам мозга. При усилении депрессии появляется тот же самый синдром информационной депривации, только с сильной эмоциональной окраской, который исчезает после уменьшения депрессии или в ходе психотерапевтического вмешательства, основанного на отвлечении внимания больного какой-либо несложной ручной работой или физическими упражнениями.

Таким образом, проверка гипотез, вытекающих из депривационной теории психоза, даже если бы они не нашли полного подтверждения, могла бы быть полезной в свете непрекращающейся полемики о причинах психозов¹.

¹ Автор излагает лишь одну из гипотез возникновения так называемых «эндогенных» психозов: шизофрении и маниакально-депрессивного психоза. Существует множество других гипотез, связывающих, например, развитие шизофрении (или, точнее, круга шизофрении, поскольку генетики предполагают наличие целой группы психических заболеваний, объединяемых этим названием) с действием особых токсических веществ (Х-токсина), нарушением активности нейrogормонов (веществ, участвующих в передаче возбуждения от одной нервной клетки к другой) и т. д. Что касается психологической интерпретации шизофренических расстройств, то и здесь предлагается целый ряд противоречивых теорий: указывалось на значение «гипотонии сознания», «деструкций сознания» (Эй), «расщепления (схизис) Я», «расстройства Я» (Кронфельд), на «прорыв бессознательного» (Юнг), на роль особого «способа психического существования» (Ясперс), отхода личности на психотические позиции в резуль-

Что касается олигофрении, то, как известно, проявления выступающего здесь на первый план ограничения познавательных способностей склонны объяснять умственными дефектами, слабостью памяти, мышления и т. д., совершенно не учитывая то обстоятельство, что правильное мышление должно зависеть также от хорошего развития механизмов, динамизирующих удовлетворение познавательной потребности, которая, актуализируясь при определенных напряжениях, обеспечивала бы человеку эффективное выполнение исследовательской деятельности. Если принять все сказанное во внимание, то это повлекло бы за собой изменение гипотез о локализации некоторых нарушений, вызывающих явления олигофрении, и могло бы стать основой классификации нарушений познавательной деятельности.

Именно это имеет в виду Мазуркевич, подчеркивая, что в тех случаях, когда не существует «анатомических изменений в коре мозга, могущих объяснить умственное недоразвитие», факты снижения интеллектуальной деятельности нельзя приписывать ослаблению способностей, например слабой памяти. «Прежний взгляд,— пишет Мазуркевич,— когда причины слабоумия усматривали в слабости деятельности запоминания, считавшейся каким-то особым видом психической деятельности, оказался совершенно ошибочным» (Мазуркевич, 1958, стр. 67). Автор придерживается, по-видимому, того взгляда, что правильное возникновение образов в памяти зависит от надлежащего функционирования ориентировочного рефлекса, иначе говоря от заинтересованности и настройки органов чувств на данное явление. Отсюда следует, что низкий уровень умственных способностей, когда кора мозга нормальна, можно в ряде случаев приписать недостаткам в функционировании механизма познавательного стремления, динамизирующего умственные процессы.

Вышесказанное объясняет явления, встречающиеся в домах ребенка, детских яслях и во многих детских больницах. Известно, что в цивилизованных обществах, где вследствие занятости обоих родителей забота о малень-

тате нарушения межличностных отношений (Салливан, Бенедетти) и т. д. Множество работ посвящено нарушению гностических функций при шизофрении. Столь же сложной и нерешенной остается проблема возникновения и течения маниакально-депрессивного психоза.— *Прим. ред.*

ких детях во все большей мере доверияется общественным учреждениям, пока еще отсутствует полное понимание того, какую важную роль играет познавательная потребность в умственном развитии ребенка и как важно заботиться о ее правильном формировании. Воспитательные методы в учреждениях, которым поручена работа о маленьких детях, характеризуются однообразием и скудостью раздражителей, навязанных стереотипными правилами, что, по существу, должно вести к ограничению познавательной деятельности воспитанников. Иначе говоря типичные ситуации в жизни таких детей являются старательно «очищенными» от всяких факторов, которые могли бы вызвать у них ориентировочный рефлекс, представляющий собой основной элемент удовлетворения познавательной потребности и как бы зародыш, из которого только и может развиваться человеческий ум. О том, что он развивается именно таким путем, свидетельствует много исследований. Например, исследования слепоглухонемых детей упомянутого уже Мещерякова (1960), в процессе которых автор заметил, что ребенок, лишенный всех чувственных ощущений, психически вообще не развивается, спонтанно не предпринимает никакой деятельности и не проявляет ни малейшего следа познавательной реакции. На приближение человека он реагирует общим возбуждением. Вложенный ему в руку предмет выпускает. Достаточно было, однако, подкрепить безразличный раздражитель безусловным, например вложить ребенку ложку в руку, набрать ею пищу и положить в рот, чтобы пробудить у ребенка действие механизмов познавательной деятельности. Ребенок после многих лет психического застоя в результате педагогического вмешательства, обогащающего его мир чувственными ощущениями, начинал психически развиваться быстрым темпом, проявляя со временем большой интерес к окружающей среде (Мещеряков, 1960; Соколянский, 1959).

Между прочим, правильная интерпретация этих наблюдений, возможно, позволила бы лучше понять не вполне еще ясную связь гомеостатических подкреплений с развитием исследовательского рефлекса. Другим фактом, указывающим на связь между скудостью раздражителей и ходом психического развития, является так называемое «покачивание», которое приобретает

стереотипную форму и может продолжаться годами сама по себе. Этому явлению посвятила особое внимание Ванда Шуман (1935—1936), которая утверждает, что оно возникает в результате лишения ребенка разнообразия стимулов и возможности движения. Можно, пожалуй, допустить, что покачивание доставляет ребенку определенные проприоцептивные раздражения, компенсирующие как-то разнообразить чрезвычайно бедную ситуацию, однако этот способ сам по себе является бедным и очень стереотипным и рано или поздно приведет к ослаблению и исчезновению познавательных напряжений. Скудостью внешних раздражителей можно также объяснить упорный характер покачивания. При отсутствии раздражений, приходящих из экстрарецепторов, тонус коры мозга ребенка оказывается слишком слабым, чтобы прервать порочный круг кинестетических раздражений, переходящих каждый раз в движение. Мы наблюдаем здесь явление, близкое к тем, которые имеют место в случаях снижения возбудимости после удаления отдельных участков коры мозга или же под влиянием фармакологических средств. Исследования над животными, проведенные в этой области Зеленым, Поповым и Мусяцкой (см. Соколов 1959, стр. 6—7), показали, что ориентировочный рефлекс, возникающий в условиях снижения возбудимости коры мозга, отличается чрезвычайно большой стойкостью, это значит, что тот же самый раздражитель постоянно снова вызывает ориентировочную реакцию, в то время как у животных в состоянии нормальной возбудимости коры мозга эта реакция быстро угасает. Можно допустить, что понижение напряжения коры мозга, связанное с отсутствием внешних раздражений, дает тот же самый инерционный результат, следствием чего и является бесконечное покачивание.

Если принять во внимание, что эти «покачивающиеся» дети с анатомической точки зрения совершенно нормальны, можно утверждать, что умственная отсталость, которая может проявиться у них в более поздний период будет полностью продуктом окружающей среды, непосредственно связанной с недостаточным развитием познавательной потребности и только косвенно с недостаточной деятельностью механизмов познания, являющейся результатом недостаточной познавательной динамики.

Может быть, следовало бы отметить, что у аутентичных олигофренов также проявляются недостатки в этой области. Я упомянул об этом, говоря об исследованиях Сусуловской (стр. 146). На это указывают и эксперименты Парамоновой (1959), которая занималась исследованием роли ориентировочного рефлекса при образовании условных связей у олигофренов и установила выраженные нарушения в функционировании этого рефлекса, затрудняющие образование полноценных условных рефлексов. Подобные результаты получены также Виноградовой (1956). Это указывает на то, что у олигофренов нарушением является основной механизм, инициирующий возникновение исследовательского рефлекса, а именно ориентировочный рефлекс, с чем связаны, видимо, и другие дефекты, например трудности в создании новых временных связей, в переводе возбуждения из первой во вторую сигнальную систему и т. д. (см. Фрейеров, 1954).

К наиболее интересным результатам, полученным Парамоновой, относится выделение у олигофренов двух видов нарушений ориентировочного рефлекса. У одних исследуемых ориентировочный рефлекс отличался инертностью, подобной той, которую установили Зеленый, Попов и Мусящикова (см. стр. 154) в случае удаления отдельных участков коры мозга. Это можно считать нарушением ориентировочного рефлекса, типичным для состояния органического повреждения коры. Клинически этим повреждениям соответствуют такие симптомы, как ослабление внимания, склонность к персеверации, сужение поля действия. В другой группе исследуемых ориентировочный рефлекс вообще трудно было вызвать (в исследованиях Сусуловской у части олигофренов ориентировочный рефлекс также не проявлялся). Только после многократной экспозиции раздражителя образовался очень неустойчивый рефлекс. Проще говоря, в первой группе трудно было отвлечь внимание от раздражителя, а во второй — трудно было обратить внимание исследуемых на раздражитель. Возможно, эти факты удалось бы интерпретировать, формулируя требующий проверки тезис, что в первом случае мы имеем дело с неправильной функцией инструмента познания, которым является кора мозга, а в другом — с дефектной функци-

ей структуры, активизирующей ориентировочные процессы (ретикулярная формация).

Это тем более обосновано, что, по-видимому, нечто подобное следует из предварительного анализа собранных мною данных (исследования еще не закончены). Среди олигофренов, особенно пожилых, можно различить две группы, определенно различающиеся с клинической точки зрения. У одних выступают нарушения, близкие к тем, которые наблюдаются у больных с органическими повреждениями после травм, с преобладанием явлений персеверации, нарушениями координации и критическим отношением к собственным дефектам; у других на первый план выступают такие черты, как отсутствие интереса к существу происходящих явлений, трудность привлечения внимания, равнодушие ко всем непонятным для них общественным ситуациям и другие черты, сводящиеся к отсутствию надлежащей познавательной динамики. Наблюдение за поведением представителей обеих этих групп наводит на аналогию с человеком, который хотел бы понять окружающий его мир, но имеет неисправные инструменты познания, и с человеком, интерес которого к окружающему миру задержался на уровне простой ориентировочной реакции. Катамнестические данные первой группы содержат многочисленные сведения о повреждениях черепа, интоксикациях, случаях энцефалита, а в другой группе преобладают расстройства наследственного характера.

Это, разумеется, только предварительные данные, для подтверждения которых необходимо провести большое число исследований, тем не менее они указывают на возможность решить вопрос о том, всегда ли олигофрения является только очень рано приобретенной деменцией, то есть следствием различных заболеваний мозга, или же необходимо отличать раннюю деменцию с разной этиологией (даже если болезнь протекает в первый год или в первые месяцы жизни) от олигофрении, понимаемой как самостоятельная клиническая единица. Существуют два типа олигофрений и ранних деменций, классифицировавшихся до настоящего времени лишь по разным степеням умственного недоразвития. Критерием, дающим возможность более точной классификации, мог бы в таком случае быть тип нарушения ориентировочно-исследовательской динамики. Такая классификация, толь-

ко базирующаяся на других критериях, тоже существует. Автор одной из наиболее интересных монографий, посвященных умственному недоразвитию, Сарасон (1953) различает первичную олигофрению и вторичную олигофрению. Значение этой классификации состоит в том, что разница между клиническими и тестовыми признаками этих двух форм олигофрении предопределяет выбор средств восстановления трудоспособности¹.

Следует также принять во внимание тот факт, что у лиц умственно нормально развитых можно наблюдать низкий уровень «ясности ума», связанный с отсутствием интереса к данному заданию или же с другими недостатками «мотивации». На это обращает внимание Левицкий, установивший, что «источником ошибок ориентировки в окружающей среде может быть недостаточная «мотивация» и во многих случаях их можно исправить, повышая ценность ситуации или ослабляя связанный с ней риск для исследуемого» (1960, стр. 216). По мнению автора, эту точку зрения следовало бы принимать во внимание как при оценке результатов тестовых испытаний, так и результатов, получаемых учениками в школе.

Резюмируя, отметим, что механизмы, динамизирующие удовлетворение познавательной потребности как более позднего этапа в развитии реакций, связанных с ориентировочным рефлексом, являются фактором, динамизирующим процессы познания. Их правильное функционирование — условие нормального развития умственных способностей человека, необходимого орудия получения информации, обеспечивающей ему адекватное приспособление к окружающей среде. Поэтому анализ познавательных процессов с точки зрения их динамики также является важной задачей современной психологии.

¹ Автор излагает эти вопросы упрощенно. Существует ряд форм органических деменций, характеризующихся либо низким уровнем обобщений, либо замедленностью мышления, либо недостаточностью побуждений к действию, либо нарушением критичности и целенаправленности мышления. Эти особенности и критерии отграничения органических деменций от различных вариантов олигофрений тщательно изучены советскими психиатрами (см., например: Г. Е. Сухарева, Клинические лекции по психиатрии детского возраста, М., 1965). — Прим. ред.

Прежде чем
нию патр...
рение кот...
поведения, не...
«стадного стр...
ходным бу...
Мазурович
нормальную п...
ление осн...
связанных с х...
вого, так и обн...
от нормы. Назн...
мого человекес...
по традиции (Г...
стремления или...
того, чтобы под...
нии от низши...
до современн...
биологическ...
связь или да...
тонией Блейла...
ляется как «н...
дой» (см. стр. 1...
Мазурович
ного стремлен...

¹ «Синтоник...
которая его за...
правления» (Блей...

ПОТРЕБНОСТЬ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ КОНТАКТЕ

1. КОНЦЕПЦИЯ «СТАДНОГО СТРЕМЛЕНИЯ» ЯНА МАЗУРКЕВИЧА

Прежде чем мы приступим к подробному рассмотрению потребности в эмоциональном контакте, удовлетворение которой способствует развитию общественных форм поведения, необходимо уделить внимание концепции «стадного стремления», которая являлась для меня исходным пунктом в решении этой проблемы.

Мазуркевич в упомянутой уже работе «Введение в нормальную психофизиологию» признал стадное стремление основным элементом всех психических явлений, связанных с характером человека, как психически здорового, так и обнаруживающего патологические отклонения от нормы. Название «стадное» он принял для описываемого человеческого стремления, как я думаю, не только по традиции (множество исследователей рассматривали стремления или инстинкты с этим названием), но и для того, чтобы подчеркнуть его непрерывность в ходе эволюции от низших млекопитающих, живущих обществами, до современного человека. Не ссылаясь, однако, на эти биологические зависимости, сам автор отмечает близкую связь или даже аналогию между этим стремлением и синтонией Блейлера (Мазуркевич, 1924), которая определяется как «инстинктивное созвучие с окружающей средой» (см. стр. 125 данной работы)¹.

Мазуркевич полагает, что первые проявления стадного стремления у ребенка мы можем установить только

¹ «Синтоник... сливается с окружающей средой, с мыслью, которая его занимает, вся его психика настраивается в этом направлении» (Блейлер. Цит. по: Мазуркевич, 1958, стр. 85).

тогда, когда его интересы, внимание, способность сосредоточиваться уже настолько развиты, что делают возможным пробуждение у него своего рода «массового чувства», то есть эмоционального «созвучия» с данным лицом. Он обращает при этом внимание на необходимость отличать аутентичное проявление синтонии от поведения, являющегося условной реакцией, связанной с другими потребностями, как, например, радость грудного ребенка при виде матери. Эта радость является выражением не какого-либо «общественного по своей природе» чувства, но закрепленного в памяти ребенка приятного ощущения, связанного с матерью, удовлетворяющей его голод или другие физиологические потребности (Мазуркевич, 1958, стр. 48).

Мазуркевич утверждает также, что в то время, как простая синтонность ребенка является конечным этапом развития у него стадного стремления, а следовательно, свидетельствует о правильности его развития, то же самое явление у взрослого человека свидетельствует уже о неправильности развития. Происходит это потому, что при последующем правильном психическом развитии, по мере активизации эволюционно более высоких психофизиологических механизмов появляются чувства, соответствующие более высокому уровню развития (скоординированные с действием механизмов, управляющих логическим, причинно-следственным мышлением), которые подавляют «живость и непосредственность низших чувств, подвергая их критике рассудка». Поскольку же в ходе нормального развития всегда развивается склонность к рефлексии, понятно, что по мере психического созревания наступает «шизоидизация¹ детской синтонии», ведущая к так называемой вторичной шизоидии. Это можно считать определенной закономерностью развития в противоположность задержке на уровне первичной шизоидии, которая при полном отсутствии синтонности служит выражением патологического развития и создает основу для формиро-

¹ «Шизоид, напротив (сравнительно с синтоником.— К. О.) сохраняет свою самостоятельность по отношению к внешнему миру, старается противостоять аффективным влияниям и окружающей среде» (Блейлер. Цит. по: Мазуркевич, 1958, стр. 85). Следует отметить, что Мазуркевич явно проводит параллель между синтонией, шизоидией и соответствующими типами Кречмера (см. Мазуркевич, 1958, стр. 94).

вания психопатического характера, подобно тому как недоразвитие познавательного стремления является факто-основой умственного недоразвития. Формулируя эту мысль проще, можно сказать, что отсутствие синтопии у психически зрелого индивида может быть вызвано или путем активного торможения этой реакции, как следствия воспитания, или в результате неспособности к такой реакции; это уже явление, относящееся к области патологии развития.

Итак, стадное стремление возникает главным образом как эндогенный, детерминируемый изнутри продукт развития, как свидетельство обусловленности деятельности человека переживаниями и психическим состоянием других людей. Основы этой зависимости наиболее отчетливо видны при клиническом анализе случаев так называемых «бесчувственных», «холодных» психопатов. Что касается правильного развития, то Мазуркевич, подобно Блейлеру и его предшественнику, создателю понятия «инстинкт симпатии» Дюпре, описывает эту зависимость в общих чертах как *созвучие* и вытекающее из него *совместное действие*¹.

2. АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНТАКТА

В главе, посвященной структуре ориентировочных потребностей (стр. 125), подчеркивалось, что у человека, как существа общественного, существует своеобразная ориентировка в психике других людей. Начало такой ориентировки можно, собственно, увидеть в синтопии и во внешнеинтеллектуальном созвучии, представляющем собой своеобразный эмоциональный контакт с другим человеком. В соответствии с этим потребность ориентировки в эмоциональном настрое других людей следует назвать потребностью в «эмоциональном контакте». Приступая к более подробному рассмотрению связанных с этой потребностью вопросов, следует, однако, точнее определить са-

¹ Согласно Лувевскому (1932): «Силой этого инстинкта индивид соединяется с существами себе подобными, а его основные эгоистические и альтруистические стремления, вытекающие из генеративного инстинкта и инстинкта самосохранения, объединяются в гармоническое целое, необходимое для закрепления непрерывности жизни во времени и пространстве» (стр. 17).

мо понятие «эмоциональный контакт», поскольку свести его исключительно к синтонии невозможно.

Эмоциональный контакт, несомненно, связан с синтонностью, поскольку он становится возможным только тогда, когда индивид способен к эмоциональному «созвучию» с состоянием других людей. Однако речь здесь идет не только о синтонности данного индивида, способного к эмоциональному контакту. Говоря об эмоциональном контакте, мы предполагаем существование двустороннего контакта, в котором индивид чувствует, что является предметом заинтересованности, что другие «созвучны» с его собственными чувствами. Без соответствующего настроения людей, окружающих ребенка, не может возникнуть эмоционального контакта. Может случиться, что дети, потенциально способные к установлению эмоционального контакта, но лишенные в ранний период развития возможности такого контакта (вследствие нейтральности или даже эмоциональной неприязни окружающих), теряют способность к этому контакту в будущем. Можно допустить, что их синтонность подверглась по какой-либо причине торможению.

Выдвигая фактор эмоционального контакта на первый план, мы в то же время предполагаем, что само присутствие разных людей около ребенка еще не закрепляет этого контакта, скорее наоборот, учитывая небольшую «познавательную емкость» ребенка, который не способен к запоминанию, а следовательно, и к распознаванию слишком большого числа людей, факт присутствия вокруг него множества разных людей влечет за собой явление прямо противоположное: чувство потерянности и одиночества, с которым связан страх. Страх этот ведет к негативной реакции на людей или в лучшем случае гасит позитивную реакцию, если даже она начала развиваться. О правильности этого предположения говорит обширный фактический материал, собранный разными исследователями за последние 20 лет.

Для иллюстрации можно привести наблюдения за 6—7-летними детьми, воспитанными в больших, имеющих многочисленный персонал Домах ребенка¹. Такие дети постоянно находились в коллективе, постоянно встречались и со взрослыми и с ровесниками, и, несмотря на это,

¹ Данные получены из бесед с воспитательным персоналом.

у них обнаружилось отсутствие синтопии по отношению к окружающей среде. Характерно, что эти дети, приглашенные на праздничный вечер в разные семьи, желающие сделать им праздник более приятными, с одной стороны, чувствовали себя потерянными в ситуациях, в которых их окружало эмоциональное тепло, а с другой стороны, все мероприятие произвело на них значительно меньшее впечатление, чем на детей, воспитанных в условиях семьи. Так, например, дети из Дома ребенка после возвращения спрятали полученные подарки и спокойно перешли к обычному образу жизни, в то время как дети из семей еще долго переживали праздничные впечатления.

Об этом свидетельствуют и другие факты. Например, данные катамнеза взрослых, которые в раннем детстве провели долгое время в санаториях, говорят о трудностях в осуществлении контакта с другими детьми, неуверенности, мучительном чувстве одиночества и т. д. (Пруг, 1956). Так же обстоит дело с детьми родителей эмоционально холодных и равнодушных.

Этим, собственно, я объяснил бы кажущийся парадокс, что у детей, воспитанных в детских учреждениях, то есть имеющих значительно больше возможностей для контактов, чем те, которые живут в семьях, явно отсутствует способность к эмоциональному контакту с другими. Причина заключается в том, что персонал часто относится к своим воспитанникам равнодушно и не проявляет большого интереса к ним как к личностям (см. исследования таких авторов, как Олехнович, 1959; Райбл, 1944 и Боулби, 1961). Такой подход обезличивает детей, они не могут надлежащим образом развивать свои способности к синтопии, которая только вместе с чувством «созвучия» с нами других людей составляет двусторонний естественный эмоциональный контакт.

Некоторые наблюдения, сделанные мною среди пациентов Консультации психического здоровья, позволяют развить эту гипотезу далее. Можно отметить, что в случае, когда родители окружают ребенка любовью, которая проявляется преувеличенным образом, когда они постоянно к его услугам, не спускают с него глаз, так что он не представляет себе возможности отсутствия эмоционального контакта, также не формируются механизмы, позволяющие осуществить этот контакт, его поиски. По-

требность эмоционального контакта не подвергается конкретизации (ср. стр. 83), в связи с чем ребенок, вырастая, не ищет такого контакта. Тогда развиваются такие черты личности, как холодность чувств, асинтонность, эгоцентризм. В качестве иллюстрации можно привести пример девочки, которая родилась два года спустя после смерти брата-первенца и которую родители окружили преувеличенной, пугливой заботой, отражающей их переживания, вызванные навязчивым страхом. Девочка быстро развивалась и физически и умственно. Она была вежлива, трудолюбива, любознательна, малоэмоциональна, избегала нежностей и сердечности. Типичным примером может служить следующая сцена. Когда ей было пять лет, мать, целуя, одевала ее в постели, девочка же стояла неподвижно, с опущенными руками, ожидая, когда все это кончится. Благодаря последующему обдуманному поведению родителей и другим обстоятельствам антиобщественного извращения характера не произошло. В данном случае не существовало достаточно часто встречающегося страха перед эмоциональным контактом, вызванного агрессивной любовью эгоистичных родителей. Можно предполагать, что здесь просто не сформировались механизмы, ведущие к поиску эмоционального контакта. Аналогичные явления можно наблюдать в развитии познавательной потребности у глухонемых, и это касается также других потребностей, даже физиологических. Иногда встречаются люди, у которых не наступила конкретизация пищевой потребности. Они никогда не ощущают голода, могут чувствовать себя ослабевшими, раздраженными, но голода совершенно не осознают. Только умозрительно, путем анализа ситуации они приходят к выводу, что, вероятно, голодны. Ведя с этими людьми подробную беседу, можно установить, что в раннем детстве их кормили не тогда, когда наступало время приема пищи, но как только для этого представлялась возможность. Не допускалось, чтобы ребенок мог почувствовать себя голодным. Это еще один пример упоминавшегося уже явления отделения у человека напряжения, связанного с неудовлетворением какой-либо потребности, от механизмов, направляющих действие.

Говоря об эмоциональном контакте, я буду, следовательно, иметь в виду двустороннее отношение, основывающееся на том, что индивид:

1) чувствительность
симпатии
2) «...»
и радостно
Глаголы
ность и
такта. В
ся по ви
случая д
шение),
людях в
ются соци
личности.
ступим к
этой тем
копить ис

3. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТАКТ

Потребность
всей веро
из специф
ческого б
требность
щать особ
прочих пр
удовлетво
вится, по
Бейли в
пишет: «
что очень
большие пр
гие звуки
идет еще
дований,
сильно ре
Кроме
доть в об
что наст
специфиче
дей, непос
6*

1) чувствует себя предметом заинтересованности и симпатии, а также

2) «созвучен» с окружающими, переживая их горе и радости.

Главным тут является то, что человек имеет потребность понимаемого таким образом эмоционального контакта. В случае когда эта потребность не удовлетворяется по внешним или внутренним причинам (отсутствие случая для надлежащего контакта или негативное отношение), он не может правильно развиваться. О таких людях в психопатологии часто говорится, что у них имеются социопатические черты или признаки расстройства личности. После этих предварительных замечаний приступим к рассмотрению отдельных проблем, связанных с этой темой, и фактов, которые успела в этой области накопить психология.

3. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТАКТ И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Потребность эмоционального контакта является, по всей вероятности, как я уже упоминал (стр. 127), одной из специфических форм, в которую в условиях человеческого бытия преобразовалась общебиологическая потребность ориентировки. В конце концов тенденция обращать особое внимание на другого человека в отличие от прочих предметов окружающей среды является условием удовлетворения ориентировочной потребности. Это становится, пожалуй, даже врожденным качеством. Например, Бейли в своем учебнике социальной психологии (1959) пишет: «Экспериментальные исследования показывают, что очень рано, уже на втором месяце жизни, голос людей больше привлекает внимание грудного ребенка, чем другие звуки» (стр. 68). Ширли (см. Харлок, 1960, стр. 166) идет еще дальше, указывая на основе собственных исследований, что даже недоношенные младенцы особенно сильно реагируют на крик других грудных детей.

Кроме того, с момента, когда ребенок начинает входить в общественные отношения с окружающей средой, что наступает, по-видимому, тогда, когда он начинает специфическим образом реагировать на окружающих людей, непосредственно не удовлетворяющих его материаль-

ных потребностей, мы можем по мере его развития наблюдать стремление к эмоциональному контакту со все большим числом людей. Обычно это происходит следующим образом: ребенок, встречаясь с новым лицом или группой новых лиц, не осуществляет этого контакта сразу. Первой реакцией является робость, заторможенность. Ребенок не хочет громко отвечать на вопросы, иногда прячется за мать и даже начинает плакать. «Отважное» поведение ребенка в новой для него ситуации, не предваряемое периодом хотя бы некоторого временного резерва, позволяющего присмотреться к ситуации, оценивается в клинической практике как подозрительное проявление, свидетельствующее об определенном нарушении в развитии личности, зачастую об умственном недоразвитии. С другой стороны, так же ненормально ведет себя ребенок, всегда старающийся не обращать на себя внимание, жмущийся к стенам и относящийся к каждому чужому человеку с долго не проходящим страхом (пассивная фаза ориентировочного рефлекса?). Когда ребенок, ведущий себя сдержанно с новым человеком, начинает держаться свободно, естественно, мы говорим, что он «познакомился», или — менее удачно — «освоился». Только после достижения ребенком такого состояния, после удовлетворения познавательной потребности, может начаться осуществление эмоциональных отношений, то есть попытки установления эмоционального контакта. Я думаю, что этот пример, а также множество других, которые можно было бы почерпнуть из жизни более старших детей и взрослых, позволяет утверждать, что без предварительного удовлетворения познавательной потребности по отношению к данному лицу нельзя удовлетворить потребность в эмоциональном контакте. Иначе говоря, пока человек для нас непонятен, мы не можем добиваться эмоционального «созвучия» с ним.

Следовательно, эмоциональный контакт представляет собой состояние, когда индивид не только спокоен, будучи уверен, что ему не угрожает ничто неожиданное (это не обязательно соответствует действительности), но также чувствует, что является объектом эмоционально окрашенного интереса.

На этом следует остановиться подробнее, чтобы выяснить одно обстоятельство. В психологии существует мнение, что «неизвестное», «новое» само по себе вызы-

вает. Но
ха. Так
руя зако
какого-л
страха. о
ную эмо
ладения
преобразу
время Фр
акций стр
кает иссле
мер в случ
понятным
боялся, по
ская в уп
ниях (196
на что-то
концепции
ную реак
ные, веду
возможности
ты, увидев
от закона,
следования
гласиться
кой позити
дражитель
ной, а поз
противореч
ный эмоци
посредство
Вернее
новое неиз
очевидно,
ное. Это т
нее удале
которого,
толкнуться
Страх
летворени
что эти чу
акцию, в
эмоциональ

вает, по крайней мере у маленьких детей, чувство страха. Так, например, думала Шарлотта Бюлер, формулируя закон, гласящий, что «выраженно неизвестный вид какого-либо предмета или явления пробуждает чувство страха, охватывающее организм и вызывающее негативную эмоциональную реакцию, которая только после овладения раздражителем посредством знакомства с ним преобразуется в позитивную» (1933, стр. 79). В то же время Франус (1955) в своих исследованиях первых реакций страха у детей показал, что первым всегда возникает исследовательский рефлекс. Только позже, например в случае, когда новый раздражитель оказывается непонятным или связанным с чем-то, чего ребенок ранее боялся, появляется реакция страха или испуга. Сусуловская в упоминавшихся в предыдущей главе исследованиях (1960) также не установила, что первой реакцией на что-то новое был страх. Сказанное можно отнести и к концепции Хебба (1958), который считает, что безусловную реакцию страха вызывают предметы очень странные, ведущие к «конфликту наблюдения», не дающие возможности соотнести их с чем-то известным, или предметы, увиденные в каком-то новом аспекте. Об отклонении от закона, сформулированного Бюлер, говорят многие исследования. В противном случае мы должны были бы согласиться с тем, что ребенок никогда не научится никакой позитивной реакции, потому что каждый новый раздражитель будет вызывать вместо реакции ориентировочной, а позже исследовательской, реакцию бегства, а это противоречит фактам. Каким образом ребенок, охваченный эмоцией страха, сможет «овладеть раздражителем посредством знакомства с ним»?

Вернее всего предположить, что страх возбуждает не новое неизвестное, но то, что не может быть понято, или, очевидно, то, что становится понятным, как небезопасное. Это также и биологически обосновано. Всегда полезнее удалиться из зоны действия раздражителя, ценности которого, несмотря на усилия, нельзя понять, чем натолкнуться на неожиданные последствия.

Страх или испуг влечет за собой невозможность удовлетворения потребности эмоционального контакта потому, что эти чувства в принципе вызывают репульсивную реакцию, в то время как удовлетворение потребности в эмоциональном контакте требует пропульсивных реак-

ций, то есть реакций, направленных к предмету, а не отталкивающихся от предмета, к которому относится эта реакция.

Понимание или познание при эмоциональном контакте имеет, очевидно, разнородный характер. Иногда это просто ориентация на достоинства лица, с которым возникает контакт, и их ценность для познающего, иногда понимание позиции, которую он занимает по отношению к этому лицу. На этих вопросах мы еще остановимся при рассмотрении фаз развития способов удовлетворения потребности в эмоциональном контакте.

4. ДИНАМИКА ПОТРЕБНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ КОНТАКТЕ

Ребенок определенно стремится к эмоциональному контакту. Наблюдение за проявлениями этой потребности свидетельствует о том, что можно предполагать существование специфического механизма, который так же как и при других потребностях, толкает ребенка к активности, направленной на удовлетворение этой потребности доступным для него способом.

Существование и сила связанного с этой потребностью напряжения проявляется наиболее отчетливо тогда, когда возникают неблагоприятные для его разрядки условия. Наблюдения клинических психологов, работающих с детьми, показывают, что ребенок стремится к эмоциональному контакту особенно настойчиво тогда, когда первоначальный постоянный интерес окружающих к нему начинает угасать, когда взрослые, привыкшие к его присутствию или отвлеченные другим ребенком, начинают более явно заниматься своими делами. Тогда в поведении ребенка появляется пегативизм, капризы за едой, благодаря чему ребенку обычно удается обратить на себя внимание окружающих. У ребенка более старшего, школьного возраста неудовлетворение этой потребности может выразиться в стремлении занять привилегированное положение в группе сверстников, вызвать их уважение паясничаньем или образцовой учебой. Ребенок тогда более действенно концентрирует на себе внимание, возбуждая зависть или удивление товарищей, или вызывая

интерес учителей. Проявлением потребности контакта может быть также соперничество. Известно, как легко побудить детей к взаимному соревнованию. В подобных случаях часто говорится, что таким образом проявляется «стремление к власти». Это, видимо, не лишено оснований, ибо для разного рода проявлений стремления к власти характерно также то, что чем большего успеха удастся кому-либо достигнуть, тем большее число людей интересуется героем, проявляя к нему эмоциональное отношение. На это обратил внимание в упомянутой работе Бейли, прямо говоря об универсальной тенденции к вызыванию реакций у других (Бейли, 1959, стр. 66). Примеры из консультационной практики также свидетельствуют о том, насколько сильно это стремление вызывать интерес у окружающих: телесное наказание, примененное тогда, когда это стремление приобретает антиобщественные формы, не затормаживает, а даже как бы усиливает его. Это особенно часто наблюдается у детей, родители которых эмоциональный контакт с ребенком ограничивают наказаниями. Эти наказания каким-то образом удовлетворяют потребность эмоционального контакта, если только они не применяются хладнокровно, равнодушно. В таких условиях это является единственным, хотя и противоестественным способом удовлетворения потребности эмоционального контакта и лучше объясняет проблему, чем попытки представить ребенка мазохистом (с чем часто можно встретиться). Утверждение Фрейда, что ребенок действует по принципу уклонения от неприятного и поиска приятного, лежит в основе воспитательных методов и является в целом правильным, но только при достаточно широком понимании приятного и неприятного. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые дети охотно заменяют пребывание в семье, создающей им очень хорошие материальные условия, но равнодушно относящейся к их потребностям, на пребывание в семье очень бедной, но окружающей ребенка заботливым, сердечным вниманием.

В литературе, посвященной неврозам, часто встречаются работы, авторы которых (см. Камерон, 1947; Завадский, 1950) утверждают, что в основе распространенного в настоящее время невроза с явлениями, например, ипохондрии лежит сложившееся в детском возрасте отношение к болезни, как к чему-то приятному. Болезнь

бывает надежным, а иногда единственным средством обратить на себя внимание окружающих, приобрести их сочувствие. Аналогичным образом часто объясняются упорно повторяющиеся случаи подергивания мочи у старших детей, несмотря на то, что их прямое следствие, например наказания или тягостное лечение, безусловно, не является приятным.

Эти и ряд других наблюдений позволяют допустить, что эмоциональный контакт отнюдь не должен быть контактом, окрашенным положительным чувством, приятностью. Контакт, который ощущается как положительный, то есть не причиняющий неприятности, не вызывающий неприятных переживаний, таких, например, как при наказаниях, наиболее полезен с точки зрения развития личности, но, когда он невозможен, тогда ребенок пытается обратить на себя внимание любым доступным ему способом. Это явление имеет особое значение при современной культуре, когда интерес к детям пробуждают скорее их выходки, а не их примерное поведение («Награда послушанию была бы слишком деморализующей; послушание — это обязанность ребенка», — говорил мне один педагог). Ребенок, как я упоминал, сам стремится к эмоциональному контакту. Часто можно наблюдать, как правильно развивающийся здоровый ребенок не соглашается с ролью подчиненного, которую навязывает ему структура семьи. Он борется за свое право на участие в делах родителей, проявляя иногда большую изобретательность в выборе методов, способствующих наибольшей эффективности этой борьбы, и относясь очень агрессивно к тем, кто ему препятствует, например к младшим братьям и сестрам. Собственно, одним из открытий Адлера было указание на роль, которую в формировании стиля жизни ребенка играет его положение в семье. Это соответствует истине, а в более общем виде можно было бы сказать, что на стиль жизни влияет способ, которым ребенок может, умеет и должен бороться за необходимые для него условия развития личности.

5. ПРЕПЯТСТВИЯ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПОТРЕБНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ КОНТАКТЕ

Когда невозможно удовлетворить потребность в эмоциональном контакте, дети, которые до того времени не

испытывали в этом затруднений, ощущают чувство отверженности; в некоторых случаях это может привести к деформации личности, проявляющейся в разного рода комплексах. Бывает, например, что на почве чувства отверженности возникает комплекс, который можно было бы назвать «комплексом Золушки». Я пользуюсь здесь этим названием, как более точным вместо названия «комплекс неполноценности», поскольку дети, даже когда они открыто выражают убеждение в собственной неполноценности и делают это довольно часто, в общем, в глубине души его не разделяют. Ребенок, имеющий комплекс Золушки, уже согласился с виду с тем, что он хуже других, глупее или менее красив, по можно легко доказать, что он все время верит в какое-то чудо, в какую-то добрую фею, которая в один прекрасный день все изменит. Впрочем, комплекс Золушки является только одним из обличий комплекса, который можно определить как *комплекс различия* и который при каждом такого рода расстройстве приспособления играет принципиальную роль. Комплекс различия я рассмотрю подробнее в конце главы. Он может относиться ко всем чертам ребенка, затрудняющим установление эмоционального контакта, и я полагаю, что реальная помощь в завязывании такого контакта уничтожает его действие.

Внутренняя заторможенность, искаженные позиции — результат затруднений, встречаемых при нормальном удовлетворении потребности эмоционального контакта. С ними, по-видимому, связаны и трудности у детей старшего возраста. Другой очень интересной проблемой является временное затруднение контакта, например, у детей, которые с рождения воспитываются вне семьи в детских учреждениях. В Польше проведен ряд исследований по этому вопросу, причем оказалось, что даже у детей, привыкших к пребыванию в яслях, в дальнейшем могут появиться «состояния психической депрессии», не связанные непосредственно с эмоциональным шоком, вызванным расставанием с матерью. Эти дети в грудном возрасте хорошо акклиматизировались в яслях (были веселыми, активными). Состояние психической депрессии появилось у них только позднее, в возрасте около шести месяцев (Олехнович, 1959). Таким образом, нормальная потребность эмоционального контакта появляется у детей именно в этом возрасте (см. также Шниц, 1956; Олехнович,

1957), и, если не принимать о нем должное внимание, возникают эмоциональные расстройства. Дело в том, что ребенок и не пережил эмоционального шока после отрыва от матери. Олехнович в указанной работе сделал также попытку систематизации эмоциональных нарушений, которые возникают у детей, оторванных от родителей. Это упомянутые депрессии и шоки, вызванные непосредственным расставанием с матерью, проявляющиеся в двух формах: 1) реакция отчаяния, когда «ребенок, оставшись в яслях, плачет почти без перерыва несколько дней; на попытку установить эмоциональный контакт чаще всего реагирует усилением плача; нередко отказывается от пищи, не играет, не интересуется окружающим»; 2) реакция остолебенения, когда «ребенок не двигается, не играет, не радуется, но и не плачет; на приближение взрослого совершенно не реагирует или проявляет неудовольствие, но не протестует, равнодушно подчиняется требованиям обслуживающего персонала; мимика одеревенелая, глаза без выражения». Эти дети часто считаются недоразвитыми.

Райбл (1944) на основе наблюдения над 600 детьми приходит к выводу, что отсутствие так называемого mothering, то есть материнской заботы (причем не обязательно связанной с матерью), может вести к очень тяжелым соматическим расстройствам уже в двухмесячном возрасте, ибо организм грудного ребенка для правильного функционирования должен получать из внешней среды комплексы раздражителей, которые предоставляет ему естественная забота матери. Прикосновение, похлопывание, поднимание, прижимание к груди, голос матери, возможность сосания столь же важны для грудного ребенка, реагирующего комплексно, как и соответствующая пища и температура. Райбл утверждает, что характерных для этого расстройства клинических явлений не наблюдается у грудных детей, даже живущих в негигиенических условиях, но имеющих постоянный физический контакт с матерью. Между тем эти явления встречаются даже в лучших детских учреждениях, прекрасно оборудованных, обеспечивающих наиболее рациональный с научной точки зрения уход, но неспособных воссоздать тонкие личные влияния, которые необходимы ребенку для полноценного развития (стр. 635).

Возвратимся к более старшим детям. Следует заме-

тить, основываясь на многочисленных уже упоминавшихся исследованиях, что приспособление ребенка к ситуации, в которой потребность эмоционального контакта не находит удовлетворения, происходит, в общем, одинаково. Ребенок, отделенный от матери, как правило, пытается по мере возможности осуществить эмоциональный контакт с кем-либо из окружающих. Однако это редко бывает возможно. Олехнович пишет в уже упоминавшейся статье: «В яслях... отношение воспитательницы к детям часто бывает совершенно безличным. Когда же между воспитательницей и ребенком возникают эмоциональные связи, они порой неосторожно и грубо прерываются». То же случается в больницах, где ребенком занимается всякий раз другой человек. Исследования в одной из американских больниц показали, что в течение 14 дней ребенок встречался с 32 новыми для него лицами. Установлено также, что восстановление прерванных эмоциональных контактов возможно не более четырех раз, после чего ребенок перестает стремиться к такого рода контактам и, в общем, становится к ним равнодушным (Пруг, 1956). В таких случаях принято говорить, что ребенок «наконец адаптировался к больничным условиям». Ход такой адаптации описал Шниц в работе, посвященной проблеме отношений мать — ребенок (Шниц, 1956, стр. 105 и сл.). В первый месяц сепарации ребенок (в возрасте шести месяцев) плачет, требует мать и как бы ищет кого-либо, кто может ее заменить. На второй месяц у ребенка появляется реакция бегства, он кричит, когда кто-то к нему подходит. Одновременно наблюдается падение веса и снижение уровня развития. На третий месяц сепарации ребенок занимает характерную позицию, лежа на животе, «избегает всяких контактов с миром». Если ему препятствуют, он очень долго кричит, иногда часа три без перерыва, страдает бессонницей, теряет вес, легко подвергается инфекциям. У него часто появляются кожные заболевания. На четвертый месяц сепарации исчезает мимическая экспрессия, мимика становится застывшей, ребенок уже не кричит, а лишь жалобно плачет. Показатель развития после трех месяцев сепарации снижается на 12,5 баллов, после трех-четырех месяцев — на 14 баллов, свыше пяти месяцев — на 25 баллов. Ребенок, отделенный от матери, теряет ранее приобретенные навыки. Если перед этим он мог ходить, то теперь

не умеет даже сидеть. Боулби (1956) отметил, что госпитализированные дети, приспособляясь, часто забывают мать и даже начинают относиться к ней негативно, уничтожают полученные от нее игрушки, не хотят ее узнавать и т. д. В своей практике я также наблюдал ребенка, который после возвращения из больницы узнавал всех домашних, за исключением матери, что, как я думаю, служит несомненным доказательством психического вытеснения (Обуховский, Обуховская, Гонцевич, Кшивинская, 1961).

Мнения о продолжительности последствий сепарации сходятся. Как американские, так и польские исследования показывают, что обратимость изменений, вызванных сепарацией, зависит от ее продолжительности: в случае сепарации ребенка, продолжающейся свыше 5—6 месяцев, изменения в принципе необратимы (Шпиц, 1956; Олехнович, 1957). В 1961 году, однако, было опубликовано сообщение о процессе действительной психической ревалидации мальчика, измученного пребыванием в больнице (Белицкая, Олехнович, Ренчайский, 1961). Авторы, правда, не располагают данными о последующем развитии его личности, но, наблюдая процесс выздоровления, дают хороший прогноз. В этом случае «главную причину психосоматического надлома ребенка» они видят в «рыве естественной связи: мать — ребенок». Удачные результаты лечения они приписывают «методу комплексного продвижения вперед. Он основывается на возможно более глубоком внимании к потребностям маленького ребенка в эмоциональном и воспитательном воздействии при одновременном использовании всех находящихся в нашем распоряжении средств соматической терапии... На первое место мы ставим возвращение ребенку чувства безопасности путем создания ему возможности эмоциональной связи с одним человеком (курсив мой.— К. О.)...» (стр. 135). Пока, однако, эти оптимистические результаты не вышли за рамки клинических экспериментов.

Я уже упоминал, что катамнезы взрослых людей, характеризующихся затрудненным эмоциональным контактом, недоверчивых, не умеющих сотрудничать с другими, часто свидетельствуют о долгих периодах сепарации от матери в детстве.

Так выглядят нарушения, вызванные, главным обра-

зом, как полагают исследователи этой проблемы, отделением ребенка от матери и тем самым, как можно судить на основе сказанного, также неудовлетворением потребности эмоционального контакта. Более подробно я остановился на этих фактах по двум причинам. Во-первых, они убедительно иллюстрируют тезис, что потребность эмоционального контакта действительно является потребностью и что ее неудовлетворение влияет на приспособление человека; во-вторых, они показывают, какое большое значение имеет эта потребность в раннем периоде развития личности. Почему именно в раннем, я постараюсь объяснить в следующем разделе¹.

6. ФАЗЫ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ КОНТАКТЕ

Наблюдая способы удовлетворения потребности в эмоциональном контакте в разные периоды развития, можно заметить, что каждому из этих периодов соответствует определенная фаза развития этой потребности или, иначе говоря, что по мере развития человека его возможности удовлетворения потребности эмоционального контакта подвергаются существенным изменениям.

Вернемся к затронутой ранее проблеме. Почему, собственно, сепарация маленьких детей от матери так сильно нарушает их приспособление? Я уже упоминал, что такому ребенку удастся снова завязать эмоциональный контакт не более четырех раз. Этот факт позволяет сделать вывод, обоснованный с точки зрения возможностей, предоставляемых уровнем развития познавательных механизмов, а именно, что до трех лет потребность эмоционального контакта у ребенка удовлетворяется прежде всего, а вначале исключительно в отношениях с одним и тем же известным ему человеком. Приятие такой рабочей гипотезы позволяет понять, почему маленький ребенок в окружении даже самых доброжелательных людей, если это каждый раз новые для него лица, не может удовлетворить потребности эмоционального контакта. Не может, как я думаю, по двум причинам. Во-первых, «по-

¹ Не нужно, пожалуй, добавлять, что эти нарушения в раннем периоде развития связаны также с неудовлетворением познавательной потребности.

знавательная емкость» ребенка строго ограничена. Во-вторых, если даже такой контакт будет временно создан, то его неоднократный разрыв, сопровождаемый эмоциональным шоком, вызывает невроз, являющийся защитной реакцией, которая возникла в ходе научения и проявляется в форме уклонения от эмоционального контакта.

Возможность удовлетворения потребности эмоционального контакта с одним и тем же известным ему человеком, а также затруднения, вызванные его заменой, являются, следовательно, признаком *первой фазы*. Интересны с этой точки зрения (речь идет о подтверждении характеристики первой фазы) исследования (Гебер, 1958) негритянских детей, которые от рождения весь день проводят с матерью, и даже во время работы находятся за ее спиной¹. У этих детей не только быстрее развивается речь и межличностные отношения, но и ускоряется ход умственного и физического развития. В негритянских семьях, где дети воспитываются по-европейски, их развитие не является столь быстрым. Установлено также, что после отнятия от груди традиционно воспитываемого ребенка темп его роста замедляется. Гебер не связывает этот факт с особенностями питания.

Говоря об этой избирательности на первой фазе, я не утверждаю, что ребенок, скажем двухлетний, будет играть только с матерью, не замечая других людей. Это, конечно, не так. Нормально развивающийся, здоровый ребенок живо реагирует на слова и жесты также и других людей². Говоря об избирательности, я хотел подчеркнуть, что в случае отсутствия одного постоянного человека, дарящего ребенка теплом и окружающего заботой, эмоциональные контакты с другими людьми оказываются не только недостаточными, но могут быть даже заторможены.

На третьем году жизни можно наблюдать начало *второй фазы*, характеризующейся тем, что возможность удовлетворения потребности эмоционального контакта

¹ Конечно, упоминаются также и такие факторы, как отношение матери к беременности, общая теплая семейная атмосфера, что оказывает влияние не только на ребенка, но и на мать, а также на ее отношение к окружающим.

² Правда, опубликованные в 1963 году результаты сравнительных исследований детей, воспитываемых в яслях и в семье,

становится более многосторонней, охватывая все более широкий круг людей, вначале самых близких, а потом более далеких, поскольку условия окружающей среды не препятствуют этому развитию. Иногда эти фазы совмещаются. Наблюдая детей, живущих в условиях семьи, я заметил, что обе упомянутые фазы могут сосуществовать. На первый план выдвигается тогда потребность контакта именно с матерью, но постепенно появляется потребность эмоционального контакта с другими людьми, безразлично, с детьми или взрослыми. Затем можно заметить, что ребенок начинает удовлетворять свою потребность эмоционального контакта с более широким кругом детей или взрослых, уже не всегда ставя на первое место мать. Это период, когда можно говорить о выраженном влиянии на ребенка социальной структуры окружающей среды. Только после этого наступает период социального разграничения — *третья фаза*, когда ребенок лучше всего удовлетворяет свою потребность эмоционального контакта в группе ровесников, потому что контакт со взрослыми становится все более трудным. В материалах, собранных при изучении детей, являющихся пациентами Консультации психического здоровья, можно найти немало примеров расстройств, возникших по той причине, что на второй фазе ребенок не имел возможности контактирования ни с кем, кроме матери или бабушки (в основном речь идет о «бабушкиных внуках»), или же на третьей фазе не имел возможности контактирования с ровесниками (например, единственные дети из «хороших семей», дети, имеющие слишком взрослых товарищей, и т. д.). Некоторые дети на третьей фазе постоянно создают себе воображаемых товарищей, которым дают имена, с которыми разговаривают, играют, хвастаются перед ними игрушками и т. д.

Третья фаза связана, по-видимому, с тем, что ребенок уже начинает создавать свою собственную, отвечающую

не обнаружили столь резких расстройств (Пшетапникова с сотр., 1963), тем не менее следует обратить внимание на то, что они касались исключительно дневных яслей, а не детских учреждений, где дети находятся неделями и месяцами, лишённые матери. Кроме того, авторы ориентировались на изучение умственного и моторного развития ребенка. Однако и в этих случаях установлено, что у детей, находящихся в яслях, хуже успехи в психомоторном развитии (улучшающемся на третьем году жизни) и в развитии речи.

его уровню «конценцию мира», имеет свою оценку, свой способ постижения явлений окружающей среды, способ, которого взрослые не понимают или чаще всего не хотят ни понимать, ни терпеть (за что к ним испытывал жалость Януш Корчак), поскольку это требует от них слишком больших усилий.

На первой и второй фазах удовлетворение потребности в эмоциональном контакте было обусловлено приспособлением к достаточно простым и, в общем, постоянным требованиям семьи, требованиям определенной среды. На третьей фазе, высшая точка которой относится к школьному периоду, ребенок, входя в новую и совершенно отличную среду, которой является школа, должен изменить многие из ранее сложившихся у него привычек и отношений, чтобы найти свое место в группе ровесников. Тут особенно сильно дают себя знать такие последствия всевозможных аномалий развития на первой и второй фазах, как неумение жить в коллективе, эгоизм, нежелание понять, что не ты находишься в центре внимания, неспособность мириться с этим, чувство обиды. Новые требования в таких случаях падают на совершенно не подготовленную почву, часто вызывая первые расстройства и деформируя личность. Эти новые требования становятся наиболее жесткими в период созревания, который в социальном плане характеризуется постепенным выходом из-под влияния семейной среды, поисками собственного пути, влиянием обучения в школе, а также воспитания в молодежных организациях, что поглощает время ребенка, все более уменьшая влияние семьи.

Существует ряд исследований, указывающих на большое значение для развития личности соответствующей установки, обуславливающей правильное удовлетворение потребности эмоционального контакта в группе коллег (Гроус, 1930). Интересно, что при воспитании в семье не всегда принимается во внимание то, что ребенок обязательно должен найти свое место среди ровесников. Часто случается, что это противоречит интересам семьи. Семья старается уничтожить позицию ребенка среди товарищей, чтобы перетянуть его к себе. Так бывает, когда ребенок является единственным в семье, особенно единственным ребенком одинокой женщины. Часто мы обнаруживаем этот момент в катамнезах взрослых, которые не только не пытаются найти себе спутника жиз-

ни, но даже бояться эмоциональных контактов (см. Завадский, 1959, гл. «Шизоидная личность»). Принимая во внимание широкую распространенность таких случаев, особенно среди единственных детей (см. Макаревич, 1954), нужно признать, что воспитание в интернате имеет определенное преимущество перед воспитанием в семье. Оно, конечно, не может заменить семейное воспитание, но дополняет его и корригирует намечающуюся деформацию личности. Поэтому психологи в консультациях часто рекомендуют отдавать ребенка в интернат, признавая это средством терапии. Харцерские лагеря¹, экскурсии, совместная общественная работа также облегчают ребенку приспособление в этот период. Тот факт, что на третьей фазе удовлетворения потребности эмоционального контакта в коллективе ровесников имеет доминирующее значение для развития личности (наряду с контактом с родителями и воспитателями), находит подтверждение в спонтанном поведении молодежи, которая охотнее, чем в какой-либо другой период, объединяется в группы, создает собственные организации, меньше внимания уделяя контактам со взрослыми, нежели это имело место в «объектном периоде», в первые школьные годы. Это отмечает также Бейли (1959), говоря, что в возрасте старше девяти лет «стремление объединяться в группы, потребность принадлежать к какой-либо компании достигает своего максимума» (стр. 197).

7. КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КОМПЛЕКСА РАЗЛИЧИЯ

Здесь я хотел бы вернуться к уже упомянутому тезису, что полное удовлетворение ориентировочной потребности, а следовательно, и потребности эмоционального контакта имеет принципиальное значение для развития чувства уверенности в себе, чувства безопасности. Так называемое чувство неполноценности (Адлер) может при таком понимании трактоваться как нечто вторичное. Первичным является чувство обособленности, одиночества. Я полагаю, что чувство неполноценности, столь часто встречающееся, возникает тогда, когда ребенок настоль-

¹ Соответствуют приблизительно нашим пионерским лагерям.— *Прим. перев.*

ко отличается от своих сверстников, что не может в их среде удовлетворить своей потребности контакта, а поведение окружающих внушает ему прямо или косвенно мысль, что это происходит по причине его неполноценности. Это согласуется с мыслями Адлера, который считал, что чувство неполноценности возникает у ребенка, падающего среди «больших» и «всегомогущих» взрослых. Трудно, однако, было бы доказать, что этот факт должен действовать и на третьей фазе, когда эмоциональный контакт со взрослыми становится менее существенным. Во всяком случае, и в том и в другом примере, как я полагаю, принципиальным является не чувство неполноценности, но чувство различия. Различие это имеет не только вербальное, но и практическое значение. Считая, что комплекс неполноценности — вторичное явление, психолог не будет стремиться к тому, чтобы выработать у пациента, страдающего таким комплексом, более высокое мнение о себе (что часто приводит к другой крайности) или научить его определенной форме компенсации, но будет стараться помочь ему в установлении эмоционального контакта с его средой, в устранении или пивелировании разницы, которая не позволяла ему установить удовлетворительный эмоциональный контакт. Иллюстрацией этого тезиса могут быть исследования Джона Леви (1937), проведенные с детьми, переживающими конфликты на почве изменений культурной среды, например при переезде в другой город или страну. В каждом изученном случае трудности, связанные с приспособлением ребенка, возникали тогда, когда ребенок чувствовал себя в изоляции, когда он не был принят новой группой из-за культурных различий, проявляющихся в языке, обычаях или религии. Если даже у этих детей развивался комплекс неполноценности по отношению к своим сверстникам, то это была, пожалуй, какая-то форма рационализации, навязанная им отношением общества или семейными образцами. Существенным фактором в каждом случае была невозможность установить контакт с новой группой из-за различия, которое разделяло группу и личность. Я полагаю, что в результате такой изоляции может возникнуть комплекс различия¹.

¹ Говоря о «чувстве», я имею в виду убеждение, мнение о какой-либо черте своего характера или о своем социальном положении. Когда я говорю о «комплексе», то имею в виду уже

Очевидно, что комплекс различия может иметь разное содержание в зависимости от стиля жизни и от конкретного опыта. Иногда он может проявляться как чувство вины, иногда как чувство неполноценности или превосходства — в этом последнем случае человек невротически реагирует на каждую ситуацию, в которой его хотят свести к роли среднего члена группы. Я имел возможность наблюдать специфические комплексы различия, касающиеся формы носа, болезни кожи, общественного происхождения, профессии.

Насколько интересные формы приобретает комплекс различия в зависимости от окружающей среды, я покажу на примере, приведенном в работе, посвященной психотерапии и конфликтам на почве культуры (Сторд, 1956). Ребенок эмигрантов, евреев по национальности (дело происходило в США), для преодоления чувства различия, возникшего вследствие частых неприятных столкновений с антисемитски настроенной средой, начал отказываться от своего еврейского происхождения, вместо этого презрительно отзываясь об обычаях христиан. Дело требовало терапевтического вмешательства, поскольку такие позиции у еврея, живущего в еврейской среде, не могли не привести к конфликтам в будущем. Психолог применил следующие терапевтические методы. По его просьбе ребенок был приглашен в одну из христианских семей на рождественский праздник. Там его приветливо приняли, втянули в общие развлечения, игры и пение. Мальчик чувствовал себя очень хорошо, а результатом проведенного таким образом вечера было то, что он начал признаваться в своем еврейском происхождении, положительно высказываясь при этом и об обычаях неевреев. Результат явно парадоксальный. Можно было ожидать, что только теперь, после столь приятных пережи-

сложившуюся установку, выражающуюся в невротических реакциях на все ситуации, которых эта установка касается. Напротив, можно иметь убеждение, что ты более безобразен, некрасив, чем другие, и это реально принимается во внимание. Можно также иметь комплекс на основе собственного безобразия и всегда невротически реагировать, когда речь заходит о красоте, например, считать себя красивым, когда являешься безобразным, считать красивых аморальными, считать книгу ничего не стоящей, вздорной, поскольку в ней говорится только о красоте, и т. д.

ваний, опасение перед признанием в своем происхождении углубится. Так было бы, если бы ребенок в своем поведении руководствовался стремлением к превосходству (выход из полной недоброжелательности среды). Мальчик, однако, реагировал в соответствии с потребностью эмоционального контакта, *отбрасывая формы замещающего приспособления, как только было ликвидировано чувство различия*. Психолог правильно понял ситуацию. Когда мальчик убедился, что еврея могут так же хорошо принимать среди исевереев, исчезло основание для установок, которые в будущем могли бы привести к серьезным затруднениям в приспособлении. Исчезли основы для начинавшего создаваться комплекса различия.

На этом мы закончим рассмотрение проблематики потребности в эмоциональном контакте. Мы еще вернемся к ней в следующей главе, когда пойдет речь о той фазе жизни, в которой уже недостаточно одобрения окружающих.

Нормальный, правильно развивающийся человек должен когда-нибудь стать перед проблемой *собственной оценки* своего существования. Пока, однако, не установились новые приспособительные отношения, соответствующие новой потребности, ему будет достаточно тех, которые сложились при удовлетворении потребности эмоционального контакта. Таким образом, конечная фаза развития этой потребности совпадает с первой фазой развития потребности смысла жизни, потребности, характеризующей зрелого человека.

ПОТРЕБНОСТЬ СМЫСЛА ЖИЗНИ

1. ВВЕДЕНИЕ

В главе, посвященной ориентировочным потребностям, была сделана попытка описать три специфически человеческие ориентировочные потребности. Первые две, познавательную потребность и потребность эмоционального контакта, я последовательно рассмотрел. Теперь я приступаю к рассмотрению третьей, которую определяю как потребность смысла жизни.

Мне хотелось бы начать с утверждения, что у нормального взрослого человека единственным направлением действия, могущим закрепить высшие, зрелые формы поведения, является направление, обозначаемое как потребность смысла жизни. Это можно обосновать следующим образом. Поведение, общественно обусловленное исключительно стремлением удовлетворить потребность эмоционального контакта, как это имеет место у детей, при всех его позитивных качествах ведет на практике к попыткам поместить себя в центре интересов других людей и вызвать у них определенный эмоциональный настрой. Совместное действие с другими людьми зависит, следовательно, от их эмоционального настроения и направлено на реализацию ближайшей цели, лишенной общественной ценности. Такой тип совместного действия можно было бы определить как незрелый, исключающий далеко идущую, гибкую общественную активность — независимую, свободную от сиюминутных желаний и настроений.

Сущностью же поведения, направленного на удовлетворение потребности смысла жизни, является стремление к пониманию, по крайней мере, к возможности понимания и одобрения смысла наших действий независимо от

занимаемых нами позиций. Это дает нам возможность вступать в связи с людьми для совместных действий *независимо от взаимных эмоциональных оценок*, на основе взаимного одобрения 1) своего поведения в данный момент, 2) некоторых существенных для нас достоинств личности и 3) общей цели. На языке клинических исследований мы говорим, имея в виду описанные ранее случаи, о незрелой, инфантильной мотивации, а в случаях 1, 2 и 3 — о мотивации зрелой, осознанной.

В связи с обсуждением этой проблемы следует напомнить о характерном для развития человеческой личности явлении. Удовлетворение потребности эмоционального контакта, которое лежит в основе общественных форм поведения, нормально и необходимо в период формирования личности, но может стать препятствием для проявлений общественной активности у взрослого, сформировавшегося человека. Взрослый человек, действия которого направляются стремлением к удовлетворению потребности в эмоциональном контакте, осужден на конфликты и неудачи. Много внимания уделяла этой проблеме (пользуясь несколько иной терминологией) адлеровская психология, да и сегодня проблема так называемой «незрелой личности» занимает все большее место среди проблем клинической психологии. Расстройства на этой почве вызываются, как я полагаю, тем, что взрослый человек находится под давлением многочисленных требований, идущих из разных сфер его действия (Новицкая, 1960), и эти требования в большинстве случаев противоречивы (Обуховский, 1961). Семья, работодатель, коллеги, общественная организация ставят требования, к которым не всегда можно просто примениться так, чтобы получить со всех сторон одобрение. Нужно, следовательно, уметь сделать выбор, нужно иметь сложившиеся критерии выбора. Без собственных принципов, собственного «идейного костяка» человек будет сломлен и затеряется, как соломинка в водопаде.

Потребность смысла жизни является, следовательно, потребностью, характерной для взрослого человека, — без ее удовлетворения он не может нормально функционировать, не может мобилизовать всех своих способностей в максимальной степени. Удовлетворение это связано с обоснованием для себя каким-либо образом смысла своего бытия, с ясным, практически приемлемым и заслужи-

вающим одобрения самого человека направлением его действий.

Значит ли это, что человек всегда осознает общий смысл своих действий? Очевидно, нет, но каждый, однако, должен в случае необходимости найти его в своей деятельности. Это является его потребностью. Возьмем, например, наиболее распространенную форму удовлетворения потребности смысла жизни — заботу о ребенке. Мать или бабушка могут считать, что смыслом их существования является кормление, одевание и воспитание ребенка. Они могут этого не вербализовать, но анализ их высказываний и деятельности показывает, что все подчиняется одному принципу, имеет общую основу (направлению действий) — заботу о ребенке. Женщины эти чувствуют себя счастливыми тогда, когда они нужны. Когда ребенок от них уходит, они часто говорят, что «жизнь их потеряла смысл».

Как я уже говорил, понимание смысла своей жизни является необходимым условием нормального функционирования, то есть концентрации всех способностей, максимального их использования. Это давно поняли и применили на практике психологи, занимающиеся вопросами труда. Стал уже трюизмом установленный ими принцип, что работник, выполняющий на специализированном предприятии мелкую операцию, например ввинчивание винта в какую-либо деталь машины, будет чувствовать себя значительно лучше и гораздо добросовестнее трудиться, когда поймет, какую роль играет эта операция в общем процессе производства, когда будет отдавать себе отчет в том, что без его деятельности не могла бы работать вся сложная машина. Плохо ввинченный винт сделал бы всю машину неполноценной.

То же может случиться и в жизни. Когда кто-то не видит смысла в своих действиях и чувствует себя подобно рабочему в большом цехе, который трудится только затем, чтобы заработать на жизнь, не понимая, зачем нужна его деятельность, какой смысл она имеет в «общем процессе производства», он быстро утомляется от своей работы, в нем рождается равнодушие, он часто совершает ошибки и вскоре начинает испытывать неудовлетворенность судьбой.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Краткое введение уже дало определенную ориентацию в проблематике, которой мы займемся в этой главе, но оно не заменяет, однако, более точного определения потребности смысла жизни. Прежде чем мы приступим к этому, я в нескольких словах напомним принятую в данной работе концепцию ориентировочной потребности. Это не процесс, направляющий действия человека к достижению цели, но присущее ему свойство, в соответствии с которым без получения информации определенного типа он не может правильно функционировать. Как свойством птицы является потребность летать (то есть она устроена таким образом, что, только летая, может полностью использовать свои способности саморегуляции), так свойством взрослого человека является потребность найти смысл жизни. Будучи вполне зрелым умственно, живя в обществе и удовлетворяя с его помощью свои материальные потребности, он должен в интересах своих и этого общества найти такой смысл жизни, который служил бы направлением его действий и способствовал использованию его возможностей. Должен «найти» отнюдь не значит, что смысл этот всегда является осознанным, «видимым». В поисках практических критериев для оценки того, в какой степени действия данного человека имеют ценность «объекта», удовлетворяющего потребность смысла жизни, я остановился на анализе случаев двоякого рода: невротических личностей и людей хорошо приспособленных. Можно бы предположить, что наиболее правильным показателем при такой оценке является убеждение в существовании смысла или в бессмысленности собственной жизни. Этот критерий, однако, я вынужден был отбросить, потому что ответы, которые дают исследуемые на этот вопрос, часто свидетельствуют не столько о размышлениях над ним, сколько об убеждении, что «каждый интеллигентный человек обязан видеть, что жизнь является нонсенсом». Иначе они думать не могут. Такой чрезвычайно распространенный (не только среди людей с интеллигентскими комплексами) вид экзистенциализма является врагом номер один каждого психотерапевта, стремящегося к тому, чтобы невротический пациент создал себе позитивный взгляд на жизнь. Дело, впрочем, не обязательно доходит до раз-

вития невроза. Такой взгляд может попросту демобилизовать человека, давая ему мотив к отказу от усилий в ситуациях, требующих лишений или риска. Это, однако, не значит, что человек, высказывающий такое мнение, не удовлетворяет потребности смысла жизни. Подобное убеждение, поскольку оно им, очевидно, является, может играть роль обычной декларации, которой человек в практической жизни не придает никакого значения, по привычке пользуясь ею при столкновении со слишком абстрактными для его умственных возможностей вопросами. При этом он может заниматься деятельностью, полностью удовлетворяющей потребность смысла жизни.

Среди множества критериев я выбрал, как наиболее объективные, следующие два:

1. Когда индивид последовательно, ценою больших усилий стремится к реализации целей, выходящих за рамки непосредственного удовлетворения физиологических потребностей, или стремится вызвать интерес других людей, не разбрасываясь и не переключая внимания на иные, не связанные друг с другом виды активности, тогда можно говорить об удовлетворении потребности смысла жизни.

2. Когда после изменения какого-либо определенного элемента жизненной ситуации человек начинает ощущать безнадежность, бессмысленность, пустоту своего существования, тогда можно думать, что условия, предшествовавшие этому изменению, собственно говоря, позволяли удовлетворять его потребность смысла жизни. В ходе формирования личности данного человека этот определенный элемент ситуации стал чем-то принципиально направляющим его действия, чем-то, без чего его активность потеряла бы для него смысл.

Потребность смысла жизни есть, следовательно, свойство индивида, обуславливающее тот факт, что без возникновения в его жизнедеятельности таких ценностей, которые он признает или может признавать сообщающимися смысл его жизни, он не может правильно функционировать. Практически это означает, что в таком случае его жизнедеятельность не соответствует его возможностям, ненеправленна и негативно им оценивается.

В соответствии с изложенным в главе, посвященной понятию потребности, можно считать, что неудовлетворение потребности смысла жизни проявляется в состоя-

ниях напряжения и может, как и в случае фрустрации других потребностей, вести к более или менее выраженным нервным расстройствам. Доказательством того, что этот тезис не лишен оснований, могут быть многочисленные примеры неврозов, в основе которых лежит фрустрация потребности смысла жизни (Обуховский, 1959), определяемая в других случаях как «экзистенциальная фрустрация» (см. Кратохвил, 1961). Экзистенциальные неврозы, развивающиеся идентично тем, в основе которых лежит фрустрация других человеческих потребностей, составляют, по статистике, данной Кратохвилем, от 14 до 21% всех неврозов и в подавляющем большинстве случаев встречаются у женщин. Этот факт, подтверждая существование такой потребности у человека, вместе с тем указывает на необходимость более глубокого владения теоретическими основами понимания этой потребности.

3. ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Для наиболее полного представления о потребности смысла жизни следует рассмотреть разные виды техники ее удовлетворения.

Множество фактов свидетельствует о том, что еще в ранние периоды истории стремление к удовлетворению этой потребности было движущей силой многих достижений представителей рода человеческого. Великие мыслители, революционеры, изобретатели всю свою жизнь посвятили реализации важных, по их мнению, объективных задач, которые они считали своей «жизненной миссией». Если бы их деятельность не являлась для них смыслом жизни, они не достигли бы тех результатов, за которые мы сотни лет спустя испытываем к ним благодарность и уважение. Другой вопрос, согласовались ли цели, которые они реализовали, с интересами общества или нет. Это уже проблема общественной оценки. В данном случае речь идет только о том, что от удовлетворения потребности смысла жизни зависит, включается ли человек активно и творчески в исторический процесс, или пассивно подчиняется ему, или, сломленный его напором, поддается усталости и в результате губит себя.

Можно полагать, что именно это свойство человек имели в виду классики марксизма, когда писали о самосознании пролетарских масс, о необходимости осознания ими своей роли. Без этого они не представляли себе революционной активности. Осознание означало для них понимание своей исторической роли, умение находить в ней смысл жизни. «Коммунистический Манифест» назидой своей фразой служит такому осознанию.

Правильное осознание своей жизненной роли и ее осмысленность, то есть позитивность с точки зрения ценностей, признанных жизненно необходимыми, как правило, умножает силы, ведет к более целесообразной и эффективной деятельности. Вообще с удовлетворением потребности смысла жизни соединяется труд, какое-то усилие, так как мы всегда должны при этом отказываться от многих преходящих желаний и противиться требованиям, не согласующимся с нашими целями. Невозможно себе представить, чтобы кто-то нашел удовлетворение потребности смысла жизни, избегнув усилий, а именно организованных усилий. Это должны быть, очевидно, спонтанные усилия, не вынужденные, доставляющие личности чувство удовлетворения. Интересное высказывание Маркса на эту тему приводит Фрицханд в своей работе о марксистской концепции сущности человека. Говоря о взглядах Маркса на человеческий труд, автор указывает, что Маркс трактовал труд не только как добывание средств к жизни, но и как способ самоутверждения, истинное утверждение человека как родового существа (Фрицханд, 1960).

При этом труд следует понимать достаточно широко — как любое преодоление сопротивления, ведущее к достижению запрограммированного фактического состояния.

Труд, понимаемый как средство удовлетворения потребности смысла жизни, может приобретать самые разные формы в зависимости от культурного наследия, привычек, принадлежности к данной социальной группе. Иногда это усилие, предпринятое под влиянием внутренних побуждений, иногда под влиянием воздействия извне. Среди этих последних влияний большую роль играет воздействие разных институтов и учреждений общества, воспитывающих у членов общества гордость по той, например, причине, что они работают в этих учреждениях, или избрали ту, а не иную специальность, или живут в той, а

не иной местности. Таким образом возникают такие понятия, как честь шахтера или миссия врача. Человек старается тогда поддержать престиж своей профессии, внести в свой труд что-то свое, индивидуальное, заботится о выполнении разных традиционных ритуалов и тем самым в определенном смысле идентифицирует себя с другими людьми. Однако подобная идентификация значительно отличается от юношеского поиска образца для подражания. Эта техника частично замещает выработанную человеком собственную концепцию смысла жизни, а иногда является основой для создания собственной концепции.

Иногда такая концепция появляется внезапно. В кинофильме «Конская морда» (по роману Кэри «Из первых рук») герой, художник, будучи уже пожилым, потрепанным жизнью человеком, рассказывает, что много лет назад, когда он еще был заурядным чиновником, друзья показали ему репродукцию с картины Матисса. С тех пор он всю свою жизнь посвятил живописи. Он понимал, что найдет в искусстве смысл жизни, и пытался реализовать свои стремления, невзирая на неблагоприятные условия и, казалось бы, непреодолимые трудности. Некоторые религиозные организации с помощью специальных воспитательных методов стараются доводить своих адептов до появления у них такого психического состояния, при котором человек убежден, что его судьбой, тем, что делает его жизнь осмысленной, является только одно: служение богу. Постоянная убежденность в своем призвании к чему-то служит гарантией подлинно активного труда.

Как я упоминал, достаточно распространенным способом удовлетворения потребности смысла жизни является «посвящение себя» детям. Я беру это понятие в кавычки, так как консультационная практика показывает, что не всегда это самопожертвование служит интересам ребенка.

Ярким примером этого является мать, которая, не желая «терять» положение опекуниши, собственноручно моет пятнадцатилетнего парня, завязывает ему шнурки на ботинках, так как «он это всегда плохо делает», и пишет за него школьные задания, «чтобы он не переутомлялся».

Благодаря этому она получает требуемое чувство своей необходимости, а каждое проявление самостоятельно-

сти сына преследует с поразительным упорством. В большинстве встреченных мною случаев такого рода это были состоятельные женщины, нигде не работающие и занимающиеся «исключительно» воспитанием ребенка. Эти случаи относятся скорее к расстройствам поведения, однако я привожу их, чтобы показать силу, с которой некоторые женщины, не видящие другой возможности найти смысл жизни, борются за сохранение того, что до сих пор давало их жизни этот смысл. Но и в случаях, не имеющих отношения к патологии, мы также часто встречаемся с такими высказываниями взрослых людей: «Я живу только для моих детей», «Мой сын сделает то, чего мне не удалось достигнуть, я его для этого воспитываю». Они показывают, в чем заключается для этих людей смысл жизни.

Разного рода хобби: филателия, разведение канареек, альпинизм, спорт — благодаря тому, что они в какой-то мере удовлетворяют эту потребность, — могут приобрести серьезное значение в приспособлении тех людей, профессия или социальные функции которых сами по себе не дают им возможности найти смысл жизни. Эти увлечения можно считать замещающими формами, создающими возможность частичной разрядки напряжения, связанного с неудовлетворением потребности. Может даже случиться, что хобби станет смыслом жизни. В таких случаях говорят: «Спорт для него все, если бы он бросил его, то не знал бы, чем заполнить свою жизнь». Однако это особая проблема, заслуживающая изучения: может ли и в каких условиях активность развлекательного типа заменить для взрослого человека реальную активность — производительную, исследовательскую или какую-нибудь иную?

Бывает и так, что человек не может выработать такой формы поведения, которая отвечала бы какому-либо апробированному им способу удовлетворения потребности смысла жизни, или он настолько критичен, чтобы понимать, что его жизнь лишена смысла. Тогда, пытаясь забыть об этой проблеме, он нередко одурманивает себя наркотиками или алкоголем или старается заглушить чувство бессмысленности усиленной работой, причем иногда не замечает, что именно работа становится смыслом его жизни. Он осознает это только тогда, когда теряет ее.

Более утонченной, высшей формой удовлетворения потребности смысла жизни является принятие какой-либо общей этической-философской позиции. Ею может быть, например, гедонизм. Постоянный контроль за реализацией его принципов может у некоторых людей прекрасно удовлетворить потребность смысла жизни. Эта цель — приятное и безмятежное утверждение жизни — позволяет такому человеку, по крайней мере так ему кажется, занять исключительное положение в обществе, раздираемом желаниями и страхом.

Концепцию жизни и собственной роли в мире, которую человек создает себе под влиянием этой потребности, иногда называют философией жизни. Часто она бывает простой и ясной, и мы встречаем ее у людей, полных наивной веры в неизведанный, но очевидный смысл и обоснованную необходимость их жизни, такой, какая она есть; столь же часто она опирается на сложные рассуждения и даже на философскую или теологическую «эквилибристику». Следует, однако, заметить, что, к сожалению, так называемое сократовское течение в философии, которое должно было помочь человеку определить его место на земле, не смогло выйти за рамки общих рассуждений или безжизненных софизмов. Проблемы, выдвигаемые философами-экзистенциалистами, несут явную печать истерии индивидуалиста, напуганного мифами, которые он сам себе создал. Кроме того, слишком часто проблема смысла существования возникает только из страха перед смертью, уничтожением, и слишком редко люди пытаются найти такие решения, которые могут стать орудием в борьбе человека за полноту его существования, в борьбе, ведущейся с позиции завоеваний общества, преобразующего мир.

Как я уже говорил, потребность смысла жизни не обязательно должна быть отчетливо осознанной, в этом она не отличается от познавательной потребности или потребности эмоционального контакта. Часто люди, психически прекрасно приспособленные, на вопрос о смысле жизни отвечают, что это их не интересует, у них много работы. Все их внимание поглощает, например, проблема нахождения специфического средства, снимающего боль, или проблема повышения уровня своего крестьянского хозяйства. Они вкладывают в эту работу много сил, и она приносит им удовлетворение. В этом случае следует

рассмотреть проблему, может ли удовлетворение от реализации направления действий свидетельствовать о том, что человек нашел смысл жизни? Вопрос этот является очень трудным. Множество людей, деятельность которых, казалось бы, в состоянии дать смысл их жизни, выражают неудовлетворение своей судьбой, часто в очень резкой форме. По-видимому, проявление неудовлетворения такого рода нельзя считать правильным критерием. Следует наблюдать поведение этих людей в ситуации, в которой они оказываются вынужденными прекратить свою деятельность. Иногда достаточно апеллировать к воображению таких «неудовлетворенных», задавая, например, жалующемуся на свою работу учителю вопрос: «Представьте себе, что вы будете вынуждены сменить место и образ действий: вы уходите из школы и направляетесь на работу по вашему выбору, например на административную работу, полностью освобождаясь от контакта с молодежью». По тому, насколько серьезно будет воспринята эта возможность и насколько искренней будет реакция, можно судить, подлинная ли это неудовлетворенность или только поза, привычка или тактический прием.

Встречаются также люди, находящиеся в таком счастливом положении, когда переходящая из поколения в поколение семейная традиция создает условия, которые почти автоматически обеспечивают им удовлетворение потребности смысла жизни. Уже в период созревания у них развиваются соответствующие интересы или перед ними встает актуальная важная задача, которая должна быть выполнена.

Я затрону здесь еще одну проблему, которую, как правило, стыдливо обходят, — война и смысл жизни. Часто можно услышать от участников последней войны, в конечном счете ее горячих противников, следующее мнение: «Это было ужасно, но человек жил полной жизнью». Этой проблеме часто посвящаются произведения на темы военного времени. Конец войны для многих означал не только личную свободу, свободу от угрозы, но исчезновение того, что составляло для них смысл жизни, причем не было возможности заполнить возникшую в результате этого пустоту чем-то дающим столь же интенсивное чувство осмысленности действий, как то, которое давала борьба с врагом.

4. ДЕФЕКТНЫЕ МЕТОДЫ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

То, что ранее было сказано, позволяет сделать вывод, что возможности человека находить средства для удовлетворения потребности смысла жизни теоретически не ограничены. Однако трудность заключается в том, что не каждый способ ее удовлетворения приемлем. Было бы, несомненно, ошибкой и упрощением думать, что достаточно иметь какую-нибудь «идеологию» или «философию жизни». Выбор способов удовлетворения потребности смысла жизни определяется, как я уже говорил, личным опытом человека, формирующим его позиции и установки. Возможна такая ситуация, когда избранный способ удовлетворения потребности смысла жизни, по своему значению, безусловно, доминирующий над другими, не согласуется с установками человека, или с его позициями, или также с условиями, в которых ему приходится действовать. Ниже я хотел бы привести несколько примеров, иллюстрирующих определенные трудности, связанные с неправильным, точнее говоря, с неправильно установленным для себя смыслом жизни¹.

В консультационной практике я часто встречал людей, которые, будучи не удовлетворены собой, в состоянии депрессии или апатии объясняли свои жизненные неудачи десятками причин. Когда в ходе длительной беседы выдвигаемые ими причины поочередно отпадали как неубедительные, оставалась одна: то, что человек делает теперь, не имеет ничего общего с тем, что он когда-то считал смыслом своей жизни. Например, экономист, который в молодости был восхищен идеями Генри Форда об организации промышленного производства и решил стать «доктором заводов», долгое время видел себя только в этой роли. Он начал учиться в экономическом институте, сосредоточил свои интересы на экономике, но у него отсутствовала одна существенная черта, необходимая для удовлетворения этой потребности: он был психастеничной, пассивной натурой, большинство проблем решал

¹ Я не хотел бы в работе, методологической в своей основе, вступать в полемику о приспособительной ценности разных содержаний понятия смысла жизни, хотя не считаю, что эта тема является компетенцией только философа.

и реализовал в воображении, в то время как избранная им работа требовала энергии, деловитости, гибкости. За десять лет, прошедших после окончания вуза, он работал референтом поочередно на девяти предприятиях, каждый раз с трудом справляясь со своими обязанностями. Теперь он говорит, что чувствует отвращение к жизни, жалуется на своих начальников, считает, что он неудачник, что его эксплуатируют. Он заранее скорчил будущими неприятностями и думает о перемене работы, о другой «более соответствующей ему» работе, несмотря на то, что та, которую он теперь выполняет, наиболее близка к деятельности, о которой он прежде мечтал, и нет никаких шансов, чтобы он получил лучшую.

Приведенный пример касается человека, который избрал себе ложный смысл жизни, не отвечающий его возможностям. Нередко встречаются разочаровавшиеся люди. Жизнь принудила их к деятельности, в которой они не могут найти смысла, отвечающего ранее созданной ими концепции: литературный критик, который хотел, но не смог стать писателем; преподаватель, который хотел строить города, но «условия не позволили» ему учиться, и т. п. Судьба вела их путями, не согласующимися с созданной ими концепцией смысла жизни, а они были слишком инертными и не сумели, примирившись с фактами, пересмотреть ее и найти новый смысл жизни в том, чего достигли (а достижения их порой бывали очень высоки). Тем самым они осудили себя на постоянную неудовлетворенность, ненасытность, об источнике которой они часто даже не помнили или не хотели помнить. Можно также в качестве примера привести историю женщины, у которой под влиянием жизненного опыта возник сильный страх перед неудачей. Этот страх вынуждал ее занимать пегативную позицию по отношению к реализации всех целей, достижение которых могло бы удовлетворить ее потребность смысла жизни, но с которыми был связан какой-либо элемент риска. Навязанным ей окружающей средой способом удовлетворения потребности смысла жизни была общественная активность. Каждый раз, строя большие планы, принимая решения о начале ряда мероприятий, она в последнюю минуту отказывалась от их реализации, объясняя себе этот шаг именно отсутствием смысла. Необходимо обратить внимание на то, что этот страх выражался также в решительно

негативной позиции по отношению ко всяким проявлениям соревнования. На этой основе после немногих лет «коррозии» у нее появился невроз страха.

Следовательно, оказывается, что неспособность к реализации определенной концепции смысла жизни, действуя как фактор, активно нарушающий приспособление, часто влечет за собой более серьезное расстройство приспособления, чем то, которое вызывается отсутствием такой концепции. Отсутствие концепции смысла жизни обычно ведет к апатии, полному нежеланию действовать, а если в результате этого разовьется экзистенциальный невроз, наблюдаются неврастенические явления. Заслуживает внимания то, что страдающие экзистенциальным неврозом на почве неспособности реализовать определенную концепцию смысла жизни являются пациентами, требующими специфической психотерапии. Они испытывают облегчение, уверовав, что *не могли и не должны были делать* того, что некогда считали смыслом своей жизни. Завершением такого рода терапии всегда является предложение им нового способа реализации смысла жизни (или даже новой концепции смысла жизни), и именно такого, который можно будет как принять, так и провести в жизнь.

Приведенные примеры показывают, что концепции смысла жизни часто бывают сформулированы таким образом, что не отвечают личности человека, его способностям, позициям и жизненным возможностям. Анализ ряда подобных случаев позволяет сделать вывод, что концепция смысла жизни должна быть не только приспособленной к возможностям человека, но иметь также соответствующую форму, а именно должна быть достаточно общей, *не слишком конкретной*, так чтобы ее можно было реализовать разными способами. Смыслом жизни многих людей является, например, стремление достичь определенного положения *именно в данном учреждении*, или остаться *только* драматическим актером, или же, как у упомянутых экономиста и критика, остаться *только* «доктором заводов» или писателем. Учреждение может быть ликвидировано, отсутствие драматического или писательского таланта может сделать невозможной реализацию этих планов, и жизнь оказывается лишенной смысла (при столь узком понимании этого смысла).

Также, впрочем, опасна слишком общая формулировка смысла жизни, например «стать кем-то» или «стать

хорошим человеком», без конкретизации, без уточнения того, что под этим понимается. Такая формулировка затрудняет необходимую концентрацию сил при выборе мотива для определенного действия. Подобный способ понимания потребности смысла жизни, как я имел возможность наблюдать, легко ведет к слишком частым изменениям направления деятельности, о таких людях часто говорят, что они «бесхребетны». Примером может служить поведение молодого инженера, который хотел «стать кем-то». От природы добродушный, вежливый, но эгоцентричный и педальновидный, уношенный первыми достижениями, первыми признаками успеха (которыми он обязан был поддержке семьи), он не умел преодолеть свои отрицательные черты и, идя по линии наименьшего сопротивления, начал бурную деятельность в общественной, литературной и административной сферах — только чтобы добиться успеха. Очевидно, что это мог быть только временный успех, ибо ничего нельзя планировать без конкретных оснований, которых молодой инженер не считал нужным уточнять. Результат этой деятельности оказался противоположным ожидаемому. Он отстал от своих специализировавшихся коллег. Люди, относившиеся к нему раньше благожелательно, начали отворачиваться от него, он интерпретировал это как проявление зависти. Если бы цель этого человека была более конкретной, например стать выдающимся специалистом в своей профессии, то средства для ее достижения могли бы быть подвергнуты более критическому анализу и было бы возможно своевременное планирование этапов собственного развития, отказ от педальновидных действий. В реализации своей цели, сформулированной в столь общих чертах, этот инженер не продвигался вперед, поскольку каждый раз выбирал не тот способ действий, который был бы более целесообразен с общей точки зрения, но тот, который давал ему сиюминутное чувство, пожалуй обманчивое, что он уже чего-то достиг.

Другой вид ошибки встречается, когда выбор смысла жизни оказывается таким, что мы не можем его с полным убеждением одобрить. Так бывает преимущественно тогда когда концепция смысла жизни является реликтом, чем-то оставшимся от более раннего периода развития личности, не приспособленным к данному этапу развития, или когда эта концепция навязана извне. Как уже упомина-

лось, человек, выбирая определенное направление деятельности, принимает решения об актуальных действиях и должен, следовательно, сформулировать соответствующие мотивы. Выбор их, однако, не легок, если принять во внимание принцип элиминации мотивов. Таким образом, когда концепция удовлетворения потребности смысла жизни не согласуется с общей конфигурацией актуальных установок индивида, являющихся как бы фундаментом его взглядов, ни один мотив, прямо ведущий к удовлетворению потребности смысла жизни, не может быть сформулирован. Тем самым и действие оказывается не столь эффективным, как это имеет место при сознательном, открытом, непосредственном программировании, когда мотив формулируется в соответствии с направлением действий и может регулировать эти действия. В качестве примера приведу следующий случай. У очень самолюбивой, способной женщины, научного работника, под влиянием воспитания образовалась негативная установка в отношении всяких проявлений собственного самолюбия. Направлением ее действия, однако, всегда был инфантильный поиск восхищения в глазах окружающих. Она была беспокойна, напряжена и сама не своя до тех пор, пока кто-то не начинал хвалить ее и высоко оценивать. При любом формулировании мотива она встречалась с очень большими затруднениями. Мотивировка ее отличалась поразительной непоследовательностью, изменчивостью, которая удивляла окружающих и мучила ее саму, затрудняя ей как реальное удовлетворение потребности смысла жизни, так и ревизию концепции этого смысла. Опасаясь капризов этой женщины, ее не критиковали, но также и хвалили меньше, чем она того заслуживала.

Нарушения приспособления легко наступают при определении направления действий, цель которых находится на «слишком близкой дистанции». Это случается иногда с людьми, которые по разным причинам видят смысл жизни в достижении определенного общественного положения и т. п. Любой вид их деятельности подчинен этой цели. Всегда существует какой-то шанс, что она будет достигнута, и тогда человек быстро привыкает к новому состоянию и часто утверждает, что оно не оправдало его ожиданий. Он забывает, что не всегда достижение намеченной цели является наибольшим успехом, особенно тогда, когда сама борьба доставляет высшее удовлетво-

рение. В ходе борьбы можно отказаться от решения многих трудных проблем собственного существования, откладывая их на будущее. Достижение же такой близкой цели делает дальнейшую борьбу пзлпшпей, а отложенные проблемы вновь встают перед человеком со всей остротой. Многие люди чувствуют себя тогда обманутыми жизнью. Они начинают в таких случаях развивать технику замещающего приспособления. Некогда энергичный человек начинает небрежно относиться к работе, ропщет, что ничто на свете не стоит усилий, что если бы он мог пачать жизнь сначала, то ничего подобного не предпринимал бы, и т. д.

Такого рода ошибку в установлении смысла жизни я имел возможность наблюдать у людей, еще в юности вследствие очень сильно развитого комплекса различия видевших смысл своей жизни в том, чтобы стать «кем-то» точно по образцу, который им тогда импировал. В этих случаях, следовательно, ошибка заключается не только в выдвигении «цели слишком близкой дистанции», но и в перенесении ценности, которая имела значение на третьей фазе развития потребности эмоционального контакта, на стадию вполне сформировавшейся потребности смысла жизни. Достижение в зрелом возрасте поставленной ранее цели послужило удовлетворению потребности, роль которой в пастоящее время значительно уменьшилась или которая полностью потеряла свое значение, уступив место потребности смысла жизни. На первой стадии разработки этой проблемы я называл этот способ реализации направления действий «инфантильным», чтобы подчеркнуть его генезис и форму. Чрезвычайно поучительно проследить судьбу такой инфантильной концепции потребности смысла жизни на разных фазах ее развития. Когда определенная, конкретная цель бывает сформулирована рано, уже в возрасте 11—13 лет, это чрезвычайно облегчает мотивацию и концентрацию всех способностей, но одновременно ведет к ограничению круга интересов и слишком ранней специализации, что может значительно обеднить личность, создавая в конечном счете трудности при попытках выйти из состояния психического нарушения приспособления. Эта слишком ранняя специализация оказывается очень существенным моментом при рассмотрении причин позднейшей неспособности самостоятельно формулировать в случае необходимости

новую концепцию смысла жизни. Чтобы конкретизировать эти выводы, приведу следующий пример.

Научный сотрудник З. после защиты диссертации пережил продолжительный психический кризис. Этот способный специалист с большим профессиональным авторитетом «потерял себя» и утратил вкус к работе. Анализ биографии показал, что З. вырос в маленьком городке в простой семье школьного сторожа. Происхождение определило его социальную роль в школе. Когда товарищи шли домой, он подметал классы. Во время большой перемены он бегал с письмами на почту. Преподаватели относились к нему, возможно, более благожелательно, чем к его одноклассникам, но в то же время и с меньшим вниманием. С ним не считались. Ученики не любили его отца и не дарили мальчика доверием, часто давая ему почувствовать, что считают его ниже себя, даже когда сами происходили из среды городской бедноты. Однажды З. был свидетелем визита в школу группы научных работников, которые в течение нескольких дней проводили здесь свои исследования. Он мог близко присмотреться к их работе, и ему imponировал авторитет, которым они пользовались у окружающих. С тех пор сын сторожа, до этого считавший учебу неприятной обязанностью, бросился в битву за свое общественное положение, основой которого он считал научную карьеру. Он стал зубрилой, различие между ним и его сверстниками углубилось, но это ему не мешало. Он жил мечтами о будущем. Линия его жизни стала для него прямым путем, без всяких отклонений и колебаний. Он без труда отказывался от всего, что могло бы увести его с намеченного пути. После получения диплома появились первые предостерегающие признаки. Пока он не приступил к диссертационной работе, он пережил острый период разочарования, но вскоре открывающаяся перед ним перспектива новой работы, трудности, которые он встречал, полностью поглотили его. Один из пожилых профессоров, поздравляя с успехом молодого доцента, сказал ему, очевидно, в шутку: «Теперь вы уже до конца жизни можете ничего не делать». З. говорит, что эти слова «совершенно подавили его». Он стал утверждать, что теперь ему уже нечего делать, что это был последний этап, когда нужны были его усилия и способности. Начал роптать, сожалая, что, собственно, не пользовался жизнью и то, что он делал, вообще говоря, не имело смысла. Жаловался на «провалы памяти» и «абулию». Следует отметить, что основой невроза, который в этом случае возник, несомненно было продолжительное переутомление, но одновременно он носил экзистенциальный характер. Об этом свидетельствует быстрое выздоровление после проведения психотерапии, основанной на предположении, что подвергнутое лечению расстройство имеет именно такие исходные моменты.

Подобные случаи особенно часто встречаются среди людей типа *self-made man*¹, которые обычно видят смысл своей жизни не в целенаправленной деятельности, а в

¹ Человек, обязанный всем себе самому (англ.). — Прим. перев.

деятельности как таковой. Там, где доминирует лозунг «Любовь к жизни есть любовь к борьбе», ход событий полностью идентичен приведенному случаю. Меняется только обстановка. Так, например, в одном из случаев такого рода расстройство проявился после достижения материального благополучия. Человеку, который (как можно было определить на основе наблюдений за его усилиями) был чрезвычайно заинтересован в таком благополучии, после его достижения грозил надлом. Возможность общественной деятельности, которая ему всегда очень импонировала, но которой он не имел случая или смелости заняться раньше, в скором времени привела к возвращению прежних способностей и хорошего самочувствия. С этой точки зрения можно также рассматривать депрессию у пенсионеров, поскольку ее не всегда удается объяснить изменением жизненных стереотипов или старческой астенизацией.

Приведенные виды ошибок при формулировании концепции смысла жизни не являются, разумеется, исчерпывающим перечнем всех возможных типов ситуаций, что, впрочем, и не было моей целью. Описанные факты показывают достаточно выразительно, что потребность смысла жизни существует и играет серьезную роль в жизни человека. Она, несомненно, требует еще основательного изучения, так как у нас отсутствуют конкретные и достоверные позитивные концепции нормативного характера, но уже сегодня клинический психолог может найти в ней ключ к многим расстройствам в поведении невротиков и определить с их помощью правильную, действенную психотерапию.

5. НЕКОТОРЫЕ СУЩЕСТВОВАВШИЕ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ВЗГЛЯДЫ

Убеждение в существовании у человека по-разному называемой потребности, определенной здесь как потребность смысла жизни и являющейся одним из условий правильного поведения человека, можно обнаружить в работах многих психологов и философов¹. Это убеждение

¹ Я не провожу здесь параллели с концепцией венского психиатра Франкля, ряд мыслей которого о связи проблемы смысла жизни с неврозом перекликается с точкой зрения, которую я

в его наиболее общем виде относится также к традициям польской психологии — оно выливается в разных формулировках или в подтексте работ различных психологов. Для примера я вкратце рассмотрю взгляды Юзефа Петера и Стефана Шумана. Петер в своей работе «Природа человека» (1938), касаясь проблемы динамики личности, выдвинул очень оригинальный критерий определения наиболее существенных для человека потребностей. Согласно его теории, чем больше люди в чем-то нуждаются, тем больше за это борются, спорят между собой, соревнуются, воюют. Наиболее ожесточенная борьба, по его мнению, ведется за материальные средства для жизни, за свободу, за сексуального партнера и за веру (убеждения, идеалы). Автор полагает, что ни одна из этих потребностей несводима к другой: «Не раз уже пытались вывести веру из борьбы за хлеб, но эти попытки были напрасными». В ходе дальнейших рассуждений он прямо определяет «веру» как «веру в смысл жизни, смысл мира вообще» и видит ее роль в общественной функции, как «фактора высшей организации жизни, которая подчинена категории цели». Знание смысла жизни, по Петеру, является ведущей потребностью человека.

Подобно Петеру, хотя и менее однозначно, высказался Шуман в своей работе, посвященной концепции характера как ряда свойств личности, определяющих приспособление (1934). Анализируя характер с разных точек зрения, Шуман определяет его как «степень достигнутой самостоятельности в руководстве собой и в приспособлении с помощью интеллекта и воли». Характер «независим от собственной субъективности и в любом случае свидетельствует об овладении чисто субъективной мотивацией своего поведения... Люди без характера... существа неприспособленные... это люди не только морально плохие, но и слабые, неустойчивые, неспособные к позитивному, счастливому, истинно человеческому существованию».

Упоминая об адаптационной функции характера в отношении к разным сферам жизни человека, Шуман гово-

изложил в данной работе. Эта глава написана тогда, когда я еще не имел под рукой его работы. Poleмика с ним кажется мне в данное время и в данной работе излишней, так как подход к этой проблеме значительно отличает его концепцию от моей и приближается скорее к философскому, чем к естественно-научному способу решения.

рпит также о ее отношении к идейной сфере. Его слова я избрал эпиграфом к настоящей работе: «Само существование не является для человека достаточной целью существования и достаточно сильным мотивом преодоления действительности».

Одобрение определенной концепции действительности, называемой мировоззрением, Шуман считает необходимым условием приспособления. Вот как он пишет об этом: «Мировоззрения не являются, в общем, только системами понятий и убеждений, определяющих познавательное отношение к действительности, но служат вместе с тем *формами приспособления к ней*» (Шуман, 1935). Именно это замечание Шумана кажется мне особенно ценным для лучшего понимания связи между смыслом жизни и мировоззрением. Суждение ««Само существование» не является достаточно сильным «мотивом» для соответствующих действий, таким «мотивом» может быть мировоззрение» легко преобразовать в суждение «Без соответствующего смысла жизни действия человека неполноценны с точки зрения возможностей данной личности».

6. ГЕНЕЗИС ПОТРЕБНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Теперь перейдем к рассмотрению факторов, которые участвуют в возникновении потребности смысла жизни. Я попытаюсь представить, как возникает ситуация, в которой необходимым условием правильного приспособления становится нахождение смысла жизни. Рассмотрим комплекс внешних и внутренних факторов, появление которых в ходе развития личности обуславливает возникновение этой новой потребности. Это не будет анализом «того, что врождено и что приобретено», бесплодным и бесцельным, когда речь идет о состояниях, являющихся плодом многолетнего взаимодействия биологических и социальных признаков. Предметом рассмотрения будут факты, а также их роль в процессе возникновения потребности смысла жизни.

а) ФАКТОРЫ, СОЗДАЮЩИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

В качестве первого фактора рассмотрим описанное Мазуркевичем свойство личности, в ходе своего развития

создающее возможность возникновения потребности смысла жизни как наиболее характерной особенности человека. Этим свойством является *интропсихизация*, развитие которой, по Мазуркевичу, представляется следующим образом. Ребенок от рождения не обладает собственной психической активностью. «Собственной активности маленького ребенка в состоянии бодрствования, то есть его собственной жизни, независимой от органических или чувственных раздражителей, действующих в данную минуту, в общем, еще не существует. Эти стимулы могут лишь способствовать ее пробуждению» (1955, стр. 63)¹. Однако со временем (приводится пример девочки Оси в возрасте 25 месяцев) начинают появляться черты, которые не находятся в непосредственной связи с обычными ощущениями и являются отражением собственной активности ребенка, имеющей характер «...самостоятельной акции, а не реакции на наблюдаемые предметы... можно было бы сказать, что в определенные минуты Ося играет со своими запасами памяти, как в других случаях играет с куклой» (там же, стр. 86). Таким путем начинает проявляться новое психическое свойство ребенка, которое постепенно проходит через все более высокие фазы развития, давая ему возможность сохранить необходимую дистанцию по отношению к окружающей среде.

Я не буду здесь приводить подробные выводы Мазур-

¹ Существует множество исследований, посвященных стадийности развития психической активности ребенка. По мнению известного исследователя детского мышления Пиаже, ранний этап развития психики ребенка характеризуется преобладанием субъективных связей (так называемый «эгоцентризм»), лишь впоследствии (примерно с 6 лет) уступающих место процессам социализации. (Что касается «интериоризации», то, по данным школы Пиаже — Инельдер, она наступает намного раньше; так, например, интериоризация сенсо-моторных схем наступает к 18 месяцам.) Согласно утверждению школы Валлона, напротив, не может быть и речи ни о каком отрыве от внешнего мира («аутизме») у маленького ребенка. Уже в 6-месячном возрасте ребенок, по Валлону, обладает выраженной «синкретической общительностью» (см. «Психическое развитие ребенка», М., 1967). Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и другие советские психологи показали, что решающую роль в психическом развитии ребенка играет усвоение общественного опыта, а не врожденные инстинктивные механизмы (см., например: Л. С. Выготский, Умственное развитие детей в процессе обучения, М., 1935; А. Н. Леонтьев, Очерки психологии детей, М., 1950). — Прим. ред.

кевпча, касающиеся эволюции «интропсихических дипломатизмов». Для наших целей достаточно утверждения, что человек в ходе развития личности достигает состояния, когда внешние раздражители почти перестают непосредственно вызывать его реакции, и в то же время чрезвычайно усложняется механизм опосредованных процессов: мышления, воображения, планирования, самоконтроля и т. д., что схематически можно представить следующим образом:

Маленький ребенок: $S-p-R$;

Старший ребенок: $S-p_1, p_2, p_3, \dots, p_n-R$,

где S — раздражитель; p — опосредованный процесс и R — реакция.

В этом отношении у старшего ребенка R зависит больше от p , чем у младшего ребенка, и даже возможна ситуация, когда R будет зависеть больше от p , чем от S . Благодаря этому отрыву от непосредственного сенсорного контроля (Хебб, 1958, стр. 48) становится возможным обобщение в воображении событий в их исторической связи, планирование и создание своей будущей среды. Разум таким образом получает условия для оперирования столь абстрактными понятиями, как «бытие», «смысл», «бесконечность», «идея». Можно, следовательно, считать, что появление интропсихизации создало также наиболее общие, формальные условия, дающие возможность поставить вопрос о смысле жизни.

Рассмотрим другой элемент, играющий существенную роль в формировании потребности смысла жизни, а именно *интроспективность*. В ходе наблюдения за ребенком легко установить, что, несмотря на прогрессирующее развитие интропсихизации, его настрой и далее имеет характер главным образом экстроспективный (см. Блаховский, 1917). Ребенок настраивается только на наблюдение внешних предметов, и именно Блаховский впервые высказал предположение, что это есть первичная «наивная» настройка в отличие от интроспективной настройки, которая, по его мнению, является чем-то вторичным. В связи с этим содержание сознания ребенка также имеет характер исключительно экстроспективный¹. Ребенок интере-

¹ Это один из двух видов сознания, различаемых советскими психологами (Рубинштейн). Экстроспективное сознание является основным и составляет сознание объективной очевидности в от-

суется только своим окружением. О себе он знает только то, что ему скажут, и только спонтанно, при случае интересуется этим; не побуждаемый искусственно, он ограничивается простейшими объяснениями. Правда, уже в возрасте около четырех лет следует открытие, что он является чем-то отличным от окружающего мира, но умственный уровень, степень развития интропсихизации и способности к интроспекции не дают еще возможности заняться проблемами собственного я. Благодаря этому ребенок может обладать, как отметил Шуман (1934), «простой и невозмутимой верой в существование как факт, объясняющийся сам по себе». Однако, когда ребенок приближается к уровню умственного развития¹, необходимому для проведения интроспекции, появляется новый объект наблюдения — он сам, его собственный субъективный мир. Экстроспективное сознание начинает дополнять интроспективное, что представляет собой новую черту личности, которую можно было бы назвать интроспективностью.

Я хотел бы отметить, что интроспективность в этом понимании отлична от интраверсии², которая может проявляться уже у очень молодых психозов. Под интроспективностью я понимаю способность к самоанализу и рефлексии и, следовательно, способность принимать во внимание себя и свои переживания как равноправные элементы при формулировании определенного мотива.

б) ФАКТОРЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Интропсихизация и интроспективность создают условия для возникновения потребности смысла жизни. Что, однако, непосредственно создает эту потребность? Почему

личие от интроспективного сознания, которое присоединяется к нему как вторичное (см. Левицкий, 1960, стр. 49).

¹ Я имею в виду факт, что способность к интроспекции соединяется со способностью мыслить абстрактными категориями: «бытие», «личность», «смысл».

² Под интраверсией я понимаю комплекс черт личности, способствующий тому, что интраверт в отличие от экстраверта более сосредоточен на образах собственного воображения, часто очень слабо контролируемого, избегает слишком многочисленных впечатлений, при этом его характеризует продолжительное сохранение эмоциональных состояний. Этот синдром не обязательно сопровождается интеллектуальной рефлексией и способностью к самоанализу.

перед человеком встает вопрос о смысле собственной жизни? Это трудная проблема, и пока нет данных для окончательного ее решения. Существующие данные кажутся, однако, достаточно достоверными, чтобы на их основе попытаться сформулировать определенную гипотезу. Она представляется следующим образом.

Фактором, вызывающим возникновение потребности смысла жизни, является экспансивность, связанная с познавательной потребностью, в которой следует различать два момента.

Первый касается того, что можно было бы назвать *экспансией вширь*. Ребенок с момента пробуждения познавательной активности стремится к овладению всей без исключения сферой, доступной для его познания на данном уровне. Это стремление, которое у нас, взрослых, в тех случаях, когда наше внимание привлекает то, чего мы не понимаем, приводит к чувству напряжения, нередко с примесью страха. У взрослого это явление намного менее интенсивно, чем у ребенка, у которого оно выражено очень сильно. Нормальный, восприимчивый ребенок боится темной комнаты не потому, что она темная, но потому, что она в это время трудна для познания. Он боится чужого, необычного человека не потому, что тот страшен, а потому, что не знает, кто это и какую имеет для него ценность: позитивную или негативную. Это подтверждается тем, что опасения исчезают после знакомства с человеком. В связи с удовлетворением познавательной потребности существует, следовательно, как бы естественная тенденция к исключению из поля нашей перцепции по возможности всех непонятных явлений или посредством их исследования, или посредством бегства от них. Это первый момент (см. стр. 144 и сл.).

Другим моментом является связанная с познанием *оценка*. Понимание, познание непонятной вещи основывается на том, что ребенок начинает отдавать себе отчет в том, какую роль эта вещь играет в его окружении. Ребенок допытывается, для чего определенный предмет предназначен, каков его смысл. Вначале он даже старается все, с чем встречается, классифицировать с этой точки зрения, наиболее понятной для него. «Конь — чтобы возить», «мама — чтобы кормить», «кот — чтобы ловить мышей». Новое явление ребенок в состоянии оценить (классифицировать) только тогда, когда узнает о его

функции, его практическом или художественном смысле.

Со временем мир ребенка расширяется. Он должен познавать все более сложные явления, запомнить их названия, критерием ценности в дальнейшем будет служить для него их функция, понимаемая все более сложным способом — как смысл. «Мама принуждает меня к бессмысленному учению», — жалуется юноша, мать которого желает, чтобы сын стал музыкантом, хотя он лишен музыкального слуха. «Какой смысл в том, что я приду первым к финишу?» — задумывается молодой спортсмен.

Эта настройка на оценивание всего, что познается по его смыслу, является, пожалуй, наиболее характерной чертой молодого, познающего мир человека, чертой, которую, как можно не без оснований утверждать, в будущем он частично утратит, примирившись с рядом «бессмысленностей» в окружающем его мире. С такой оценивающей настройкой ребенок вступает в тот период жизни, в котором благодаря развивающейся интроспихизации и интроспективности объектом познания становится он сам.

До сих пор проблемы, подлежащие разрешению, выдвигал только внешний мир, причем это были проблемы, относящиеся к конкретным явлениям. Теперь же к ним присоединилась совершенно новая проблематика «внутреннего мира», притом чрезвычайно неясная и запутанная. «Кто я? Зачем живу? В чем смысл моего существования? Все, что имеет ценность, выполняет какую-то определенную функцию, а какова моя задача? Какую роль я выполняю? Каков смысл моей жизни?» Такие вопросы можно встретить в дневниках подрастающей молодежи. Ответить на них, разумеется, нелегко, ибо познавательная потребность молодого человека в этот период, как правило, подвергается неизбежной фрустрации, потому что проходит много лет, пока развивающаяся личность найдет средства удовлетворения познавательной потребности, направленной на себя. Эта фрустрация имеет несколько причин.

Для удовлетворения в этот период познавательной потребности (посредством определения смысла собственной жизни) недостаточно критериев, с помощью которых оценивались ранее другие познаваемые предметы. Необходимы:

1) сравнительно большой опыт в оперировании абстрактными понятиями (см. Шуман, 1947);

2) определенный запас знаний, понятийный аппарат, с помощью которого можно дать определение такого смысла;

3) относительно устойчивые пункты внимания, если речь идет о понимании таких вопросов, как, например, смысл общества, основы сотрудничества между людьми, оценка других людей и т. д. Эти вопросы по мере расширения умственных горизонтов становятся все более запутанными и сложными для понимания. «Разум созревающей молодежи открывает области, слишком обширные для него», — пишет об этом периоде Шуман (1934);

4) определенный уровень эмоциональной уравновешенности; в этом возрасте такой уравновешенности больше всего не хватает, причем вследствие упомянутых причин неуравновешенность еще более углубляется.

Следует напомнить также о роли формирующихся в это время механизмов, динамизирующих удовлетворение сексуальной потребности, которые, несомненно, оказывают определенное влияние на развитие потребности смысла жизни, хотя в данном случае еще трудно более точно установить, на чем они базируются; о некоторых фактах такого влияния говорилось в гл. V данной работы. Известно, однако, несомненное влияние этих механизмов на ход нейрофизиологических процессов в мозге, основывающееся на дополнительной тонизации коры мозга и на возникновении изменений в процессе образования условных рефлексов (Зурабашвили, 1961, стр. 117—130), что, в общем, согласуется с ролью нервной доминанты, описанной в главе о понимании потребности. Включение половых гормонов в общую систему внутренней регуляции не может не влиять на ее изменение. Некоторые эмоциональные особенности молодежи, созревающей в сексуальном отношении, имеют немалое сходство с эмоциональными чертами женщин в период климактерия. Таковы эмоциональная лабильность, периоды беспокойства¹.

Возможно, имеются еще какие-то другие существенные факторы, но и тех, которые были указаны, достаточно, чтобы всякие попытки установления смысла жизни в

¹ Из наблюдений, проведенных в ходе исследований проблематики инволюционных депрессий (Обуховский, 1963).

этот период признать, как правило, осужденными на неудачу. Нет ничего странного в том, что подобные трудности отбивают охоту у молодых людей с менее развитым познавательным аппаратом и бедным воображением к каким-либо действиям в этом направлении. Однако те, которые в этот период интеллектуально формируются, во многих случаях совершают такие попытки¹. В этом вопросе среди психологов существует редкое единодушие. Назову только Уолла (1960)², Шумана, о взглядах которого я уже писал, Петера, Бейли и т. д., для которых неприемлемо сведение всех сложностей периода созревания к вопросам полового созревания.

Так обстоит дело с механизмами возникновения потребности смысла жизни. Мы, следовательно, считаем, что в специфических условиях нашей культуры, на фоне, созданном развитием интропсихизации и интроспективности, экспансивность познавательной потребности может вести к возникновению потребности установления смысла жизни.

¹ Вышеописанное явление носит название «трудности периода созревания». Его нельзя считать чем-то обычным, проявляющимся при всех условиях. Пример противоположной ситуации дают исследования Маргарет Мид (1935), которая установила, что у некоторых первобытных народов нет периода, соответствующего нашему периоду созревания. Молодой человек после короткого периода инициации, посвященный в основные принципы смысла жизни, принятые в данном племени, сразу входит в общество взрослых. Тут следует, однако, обратить внимание на тот факт, что молодежь у первобытных народов живет в совершенно иных культурных условиях. Смысл жизни примитивных племен очень прост. Кроме того, он навязывается молодому человеку в очень необычных, часто ужасающих условиях инициации (см. Альт, 1960). Указанные на стр. 208 первые три условия определения смысла жизни становятся ненужными тогда, когда смысл жизни заключается в нескольких таинственных формулировках, как бы охватывающих все, что касается функции человека в этом мире, а четвертое — эмоциональная лабильность, является даже полезным в такой ситуации, ибо облегчает суггестивное влияние инициации. Такое положение было бы, по-видимому, возможно и в наших условиях, а именно в замкнутой среде, руководствующейся очень простыми, строго соблюдаемыми всеми и не подвергаемыми критике принципами.

² «Другой характерной чертой молодого возраста... являются поиски смысла существования... Молодые люди и девушки хотят знать, кто они, как должны относиться к своему прошлому и будущему, которое они все более отчетливо себе представляют» (Уолл, 1960, стр. 162).

При этом можно допустить, что форма, которую эта потребность получает, в большой степени зависит от условий, в которых воспитывается молодой человек, и от уровня его интеллектуального развития.

7. ФАЗЫ РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

Теперь следует рассмотреть проблему способов удовлетворения потребности смысла жизни и их развития. От стадии возникновения самой потребности в период созревания до ее стабилизации у взрослого человека она подвергается большим изменениям. Остановимся на периоде, когда молодежь еще не способна к созданию интеллектуальных концепций смысла собственной жизни, хотя сама проблема смысла жизни уже возникла. Если принять во внимание экспансивность познавательной потребности и связанный с ней настрой на поиски смысла всех вещей, можно считать, что разрешение этой проблемы становится потребностью в том ее понимании, какое принято в данной работе.

Поведение молодежи в этот период еще полностью подчинено потребности эмоционального контакта, которая отходит на второй план только после возникновения новой потребности. Действия и навыки, однако, сохраняются, и в связи с этим, как и следует ожидать, потребность смысла жизни удовлетворяется в этом первом периоде, так же как и потребность эмоционального контакта, то есть путем *идентификации*, поисков в своем окружении готовых образцов и подражания этим образцам. Следовательно, с точки зрения интеллектуальных возможностей и навыков поведения этого периода это естественная, первая фаза удовлетворения потребности смысла жизни. О том, как интенсивно в этот период стремление молодежи к подражанию таким образцам поведения, которые послужили бы основой для ее собственной деятельности и придали бы смысл этой деятельности, свидетельствует страсть, с какой ищутся эти образцы, выписываются «золотые мысли», проглатываются книги о людях, которые знали, чего они хотят. Именно поэтому Павлик Корчагин стал героем даже для молодежи, не признававшей той идеологии, за которую он готов был отдать жизнь. В этот период постепен-

но сам факт борьбы уже перестает ее импонируют. Начинается выяснение, имела ли цель борьбы и какая. Уважают тех и тем завидуют, кто борется за какое-либо дело. Я беседовал с юношами 14 – 15 лет, которые, зная из литературы об ужасах войны и связанных с ней страданиях, признавались, что, несмотря на это, жалеют, что родились так поздно. Они тайно мечтают о том, чтобы снова вспыхнула война, чтобы они могли вступить в партизанский отряд и драться с врагом. Дело тут не только в романтике приключений, на первый план выдвигалось желание обладать ясной, благородной, конкретной целью действий, долженствующей дать смысл их жизни.

«Героев» чаще всего создают историки, а такие образцы, которые молодой человек хотел бы видеть в своем ближайшем окружении, в общем, найти нелегко. Отсюда нетерпимость молодых в отношении этого окружения, тем большая, чем дальше от действительности их идеалы. Иногда за героев принимаются такие люди, которые героями отнюдь не являются. Типичным примером служат разные формы юношеской любви, а особенно так называемое преклонение, где, по-видимому, играет также роль развивающаяся в это время сексуальная потребность (Бейли, 1932, стр. 96; Уолл, 1960, стр. 230). Объектом такого преклонения может стать учитель, киноактер, политический деятель, всякий, чье общественное положение позволяет сделать его олицетворением всего того, что молодой человек хотел бы в нем видеть. Огромное желание найти идеал приводит к тому, что он сам создает себе героев из того материала, который даст ему окружение. Объект преклонения становится наивысшим авторитетом, образцом для подражания в мельчайших деталях. Это состояние доходит до эмоционального напряжения, зачастую патологического, когда «опьянение» приводит к попыткам самоубийства или к преступлению, если оказывается, что объект преклонения явно не имеет ничего общего с приписываемыми ему свойствами.

Это состояние неуравновешенности, чувство потерянности и вытекающие отсюда расстройства в поведении не являются для молодых людей столь приятными, как думают, видимо, некоторые воспитатели. Об этом свидетельствует факт, что молодой скандалящий человек почти инстинктивно стремится к порядку и дисциплине, более строгому режиму и лишь в таких условиях хорошо себя

чувствует. Он ненавидит только принуждение, несправедливость и вмешательство в его дела извне (это не означает, что он не будет благодарен за тактичную помощь) о чем лучше всего знают те, кто близко соприкасался с группами, организованными молодежью, или сам принадлежал к таким группам. Дисциплина в подобных группах часто бывает жесткой, но зато она придает им индивидуальность и способствует сплоченности, а это ведет к тому, что группа и принятые ею нормы поведения могут быть взяты за образец, подобно конкретному человеку. Традиции, ритуалы группы, стабилизация которой возможна лишь благодаря дисциплине ее членов, определяют способ поведения и его оценку, так же как это делает поведение принятого за образец лица.

По мере развития личности идентификация перестает быть достаточной. Делаются попытки анализа проблемы, первых синтезов, создания первых концепций смысла жизни вообще, а тем самым и собственной жизни. В это время разум оперирует еще лишь немногочисленными реальными фактами, в школе он был начинен огромным количеством часто не имеющих ничего общего с жизнью сведений, жизнь еще не ставит перед человеком конкретных требований¹. В таких условиях, под давлением напряжения не удовлетворенной, все более доминирующей потребности возникает иногда лихорадочная, неkoordinированная активность. К тому же упомянутые перед этим трудности уточнения собственной концепции жизни, появляющиеся, по-видимому, в разных формах и с разной интенсивностью в зависимости от среды, имеют ту общую особенность, что ведут к конфликтам со взрослым окружением, которое уже «приземлило» свои идеалы и не позволяет вывести себя из равновесия. В результате этих столкновений молодые люди вместо того, чтобы приблизиться к действительности, бегут от нее в область дел, более важных и принципиальных для них, более им близких. Это бегство не должно иметь антиобщественного характера и вести к изоляции. Как и каждый конфликт, оно может быть «канализировано» с общественной точки зрения по-

¹ Я не имею здесь в виду работающей молодежи, с самых ранних лет чувствующей тяжесть проблем реальной жизни. Соответствующие исследования отсутствуют, тем не менее можно допустить, что весь процесс развития потребности смысла жизни проходит у них иначе.

зитивно или негативно. Но в наших условиях конфликт, безусловно, возникает. Авторы большой работы «Психология мировоззрения молодежи» (Шуман, Петер, Верыньский, 1933) говорят об этом так: «Болезненное чувство контраста между идеализированным сверх-Я и убогим Я направляет усилия на формирование собственной души. Это приводит к познанию собственной души, что в свою очередь, способствует познанию самого себя, работе над собой». Эта ситуация до настоящего времени не претерпела больших изменений.

В приведенной выше цитате был упомянут еще один источник конфликта: в сопоставлении с собственными идеалами все чаще навязываемая оценка собственных возможностей, к сожалению небольших, вызывает дальнейшее эмоциональное осложнение и часто толкает к рискованным формам компенсаторного поведения. Это состояние, когда, по определению Петера (1938), мысль молодежи «лихорадочно работает в пустоте», имеет свои преимущества. Подобно детским манипуляционным играм, оно является прекрасной тренировкой абстрактного мышления, которое, развиваясь, позволяет совершить скачок к познанию все более общих и трудных проблем. Скачок, однако, как утверждает Шуман (1934), слишком большой, чтобы это не отразилось отрицательно на существующем в данное время состоянии приспособления.

На этом я заканчиваю рассмотрение периода созревания, поскольку он не является основной темой работы. Я затронул некоторые аспекты периода созревания исключительно с целью отделить фон для возникновения второй фазы развития потребности смысла жизни. На этой фазе начинают появляться общие, скроенные по «космическим» масштабам, часто подвергающиеся изменению, туманные концепции, касающиеся смысла жизни вообще. У человека в этот период отсутствуют не только знания, но и конкретные практические общественные обязанности. Можно, следовательно, позволить себе очень общие философские рассуждения, оторванные от реальности повседневной жизни.

Вторая фаза продолжается иногда очень долго, а иногда очень недолго. Как я мог установить на основе изучения студенческой молодежи, студенты первого и второго курсов, в общем, находятся в фазе «космических» решений, в то время как работающая молодежь быстро прохо-

дит через этот период или, как мне случалось наблюдать, задерживается на первой фазе. В таких случаях молодые люди идентифицируют себя с каким-либо коллективом или более «опытным коллегой» или же бездумно принимают ту или иную, обычно простую формулировку, навязанную извне, и с нею непосредственно переходят из первой в третью фазу.

Третья фаза обычно начинается тогда, когда общий вопрос о смысле жизни уступает место конкретному вопросу, который ставит перед собой взрослый человек: «В чем смысл моей деятельности?» Период «мировой скорби» кончается, и начинается практика обычной жизни. Зрелость и условия жизни взрослого человека дают возможность более спокойно делать выводы из собственного и чужого опыта и вместе с тем принуждают к этому. Зрелый ум позволяет, по крайней мере частично, освободиться от влияния эмоциональных предпосылок и основывать свои суждения на более реальном анализе действительности. На этой фазе подвергаются конкретизации и закреплению способы удовлетворения потребности смысла жизни данного индивида, которые часто, если в его жизни не произойдут какие-нибудь драматические изменения, определяют направление его деятельности на будущее. Когда способы эти определены правильно, человеку обеспечена радость постижения смысла жизни; когда же они определены неверно или не определены вообще, поведение человека, который задержался на первой или второй фазе развития этой потребности, будет характеризоваться неустойчивостью или незрелостью. Правда, некоторые психологи, например Шуман, полагают, что «каждый крестьянин и каждый рабочий так или иначе философствуют, создают свою личную философию жизни и философию общественного устройства» (Шуман, 1947, стр. 12), однако, к сожалению, это нечасто встречается в действительности. Практика показывает, что многие люди по разным причинам не установили для себя осмысленного пути с помощью реальной и действенной «философии счастья» и «философии жизни» или задержались в своем развитии на первой фазе, осудив себя на постоянную эмоциональную зависимость от противоречивых и непоследовательных требований, которые ставят перед современным человеком многочисленные виды общественной деятельности.

Закапчивая рассмотрение потребности смысла жизни, я хотел бы еще обратить внимание на важность выделения проблемы смысла жизни из исключительной компетенции философов и формулировки ее в терминах психологии приспособления, что позволит осуществить научную верификацию. Последнее особенно заманчиво. Поэтому я и решил включить проблему потребности смысла жизни в свою работу, уделив ей столько внимания, несмотря на то, что подробные исследования этой проблемы находятся только на начальном этапе. Как и все проблемы психологии личности, она связана с проблемами развития человека и с анализом патологических нарушений психики.

Резюме
нужно, что с
новных пс
дение чело
понятий, к
нарушения
ческой пра
понятий, п
Мне тр
попытка бы
нее она пр
развитие к
прических
лением пом
чаются пси
сколько лет
хического
в итоге бы
исследования
в моем рас
рок многие
случае они
гипотезы и
работа не я
рался на до
на анализ
по возможн
образным, к
рения повед
Эта книга
мной для б

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя содержание работы, я хотел бы подчеркнуть, что ее целью было создание единого понимания основных психических факторов, детерминирующих поведение человека. Целью работы было также определение понятий, которые дали бы возможность объяснить случаи нарушения приспособления, встречающиеся в психологической практике, более точно, чем это делалось с помощью понятий, применяемых ранее.

Мне трудно утверждать, что представленная здесь попытка была полностью удовлетворительной. Тем не менее она представляет собой определенную целостность, развитие которой возможно только на основе многих эмпирических исследований. Эта книга продиктована стремлением помочь преодолеть трудности, с которыми встречаются психологи и с которыми я сам столкнулся несколько лет назад, когда приступил к исследованиям психического приспособления невротиков. Я полагаю, что в итоге были созданы лучшие теоретические основы для исследования этой проблемы, чем те, которые были тогда в моем распоряжении. Если же в ходе дальнейших проверок многие из них подвергнутся модификации, то и в этом случае они могут сыграть существенную роль как рабочие гипотезы и исходный пункт для полезной дискуссии. Эта работа не является интеллектуальной спекуляцией. Я опирался на достаточно обширный литературный материал и на анализ своего опыта и опыта своих коллег, стремясь по возможности исключить все то, что казалось нецелесообразным, искусственным и несущественным для рассмотрения поведения человека.

Эта книга содержит лишь часть материалов, собранных мной для большей работы. В ней рассмотрены вопросы,

касающиеся человека вообще — его мотивов, установок и потребностей обычного характера. Дальнейшей обработки ждет вторая часть, посвященная исключительно индивидуальным различиям, прежде всего формированию индивидуальных потребностей: конкретизации, социализации и ментализации как потребностей здорового среднего человека, так и патологических потребностей, а также потребностей, связанных с дурными привычками, жестко изменяющими тип условий, необходимых для правильного функционирования человека.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В послесловиях обычно принято говорить об актуальности предпринятого автором исследования. Но в данном случае это словоупотребление не является лишь данью традиции. Казимеж Обуховский, рассматривая проблему стремлений человека, вводит читателя в круг вопросов, научную значимость которых трудно переоценить. Их дискуссионный характер породил огромную литературу, разобратся в которой пелегко и в силу сложности проблематики, и из-за противоречивости теоретических позиций отдельных авторов, и потому что используемая ими нестарая терминология построена на разнородных принципах.

Автор предлагаемой советскому читателю монографии является клиническим психологом. Представители этой весьма распространенной в ряде зарубежных стран прикладной дисциплины используют психологические методы и принципы для изучения некоторых психических расстройств, в первую очередь неврозов, и для лечебного воздействия на них с помощью психотерапевтических процедур.

Эта профессиональная ориентация, несомненно, наложила отпечаток на характер подхода автора к рассматриваемым в книге проблемам.

Монография посвящена анализу природы психологических факторов, детерминирующих поведение человека, но К. Обуховский очень часто исходит в своем общепсихологическом анализе из клинических данных, то есть из той беспрецедентной по масштабам и познавательному значению, хотя и печальной по своим последствиям, «модели», которую представляет собой область невротических расстройств.

Широко известна роль, которую сыграло изучение

различного рода неврологических и психических заболеваний в создании фундаментальных научных концепций в области физиологии, нейрофизиологии, кибернетики, психологии, теории поведения человека.

Работы психиатров Шарко, Креникина, Блейлера, Кречмера и др. внесли значительный вклад в психологическую теорию, в учение о конституционных типах, в характерологию, в проблемы мотивации, памяти, внимания и т. д. (все психоаналитическое направление также возникло в результате изучения поведения «невротиков»). Данные о природе потребностей К. Гольдштейн получил, обследуя больных с органическим поражением мозга. Завершая разработку своих исследований о высшей нервной деятельности, И. П. Павлов обратился к изучению психических заболеваний. Учение о физиологии активности, кольцевой природе двигательного акта, «модели потребного будущего», целенаправленном поведении и других понятиях, явившихся предпосылкой для развития кибернетики, было создано Н. А. Бернштейном, в частности и при анализе двигательных расстройств. Этот список, разумеется, можно было бы продолжить.

О перспективности изучения такого рода «моделей» для психологии, в которой они все еще, к сожалению, недостаточно используются, свидетельствует и работа К. Обуховского, исследовавшего поведение «невротиков» и стремившегося таким путем понять также механизмы поведения здорового человека.

Но данное исследование имеет второй, собственно психотерапевтический и психогигиенический аспект. Автора книги особенно интересовала проблема «приспособления» (адаптации) и случаи нарушения его (дизадаптации) при неврозах. Такой интерес не случаен: важной стороной невротических расстройств, которыми страдает огромное количество людей во всем мире (что дало основание рассматривать ее как «проблему № 1» современной психиатрии), является нарушение взаимоотношений между индивидом и его социальной средой, затруднения межличностных коммуникаций, утрата чувства стабильности, полезности, своей ценности и безопасности¹.

¹ Мы касаемся здесь лишь одного из аспектов возникновения неврозов и не останавливаемся на их этиологии и патогенезе в целом.

В связи с этим клинико-психологические исследования, подобные тем, которые провел К. Обуховский, должны представлять интерес не только для психологии, но и для медицинских и профилактических дисциплин. Задачами которых является лечение и предупреждение психических заболеваний, в первую очередь неврозов и «психосоматических» расстройств.

Этот путь исследования может помочь при психотерапевтической, медико-психологической и психогигиенической работе.

С известными оговорками можно утверждать, что эффективность психотерапии зависит не только от избрания надлежащего метода воздействия (суггестивного, разъясняющего и др.), наиболее адекватного для данной формы патологии и для данного индивида, но от того, насколько врач проник в глубину переживаний личности и сумел подобрать ключ к основным ее проблемам. Такого рода «проникновение» не ограничивается какими-то определенными рамками одного специального метода — оно может осуществляться в пределах любого избранного вида психотерапевтического воздействия.

Как показывает К. Обуховский, выявление у больного неврозом «защитных» мотивов; разъяснение нереальности нередко скрытых, истинных целей его неправильного поведения помогает психотерапевту «подсказать» пациенту нужные мотивы деятельности и корригировать ее.

Речь, таким образом, идет о необходимости изучения мотивационного аспекта личности больного, ее структуры, отношений, динамики, реакции, предыстории заболевания, о выявлении «ключевых» эмоциональных переживаний, то есть о том комплексе вопросов, на значение которых давно уже обращалось внимание в отечественной литературе (В. Н. Мясищев, М. С. Лебединский, К. К. Платонов, В. Е. Рожнов и др.).

Но самой основной проблемой для К. Обуховского является, естественно, та, которая дала название его книге: психология влечений человека.

Мотивация поведения человека не может рассматриваться вне его личности и различных форм его деятельности.

Исходя из марксистского положения о двойкой сущности человека, следует изучать личность и ее мотиваци-

онную сферу и в аспекте отражения исторически сложившихся форм общественной деятельности, и в аспекте ее антропологической структуры, биологических основ поведения, в частности в плане тех физиологических потребностей, на основе которых у человека формируются более высокие сознательные мотивы деятельности.

Стремление к целостному пониманию личности и психики в свое время вызвало к жизни структуралистскую теорию сознания как изолированного «круга», а затем концепции «единого мотива» (либидо Фрейда, стремление к власти Адлера, стремление к самоактуализации Маслоу и др.). У бихевиористов это была «реакция», «поведенческий акт», у гештальтистов — «целостная структура», у персоналистов — метафизическая «энтелехия» (Штерн), отказавшись от которой Г. Олпорт пришел к идее об «организации свойств».

Стремясь преодолеть разрыв между психикой и поведением, советская психология обратилась к проблеме деятельности и ее структуры (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Апапов, А. В. Запорожец и др.), поскольку психические свойства личности не даны изначально, но формируются и развиваются в процессе ее деятельности¹.

Основной характеристикой деятельности являются мотивы, потребности, интересы, желания. Марксизм учит, что движущие силы истории всегда связаны с потребностями масс.

Сложная взаимосвязь личностных особенностей и характера деятельности формируется под влиянием мотивации, но вместе с тем эта связь сама формирует мотивационный аспект личности.

Самые разнообразные личностные свойства, эмоции и потребности, социальные связи могут приобретать различную мотивирующую силу. Интенсивность мотивов, их устойчивость, напряженность зависят от множества внешних и «внутриличностных» факторов.

На понимание природы мотивации проливают свет такие понятия, как теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, и выявление таких важных мотивирующих поведенческих факторов, как групповые нормы, ценностные ори-

¹ Мы не касаемся здесь самой проблемы деятельности и различных подходов к ней С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и других советских авторов.

ентации, социальный контроль, стремление к конформизму или, напротив, к оппозиции (нонконформизму), участие в согласованных действиях, приспособление к «значимым другим», борьба за сохранение личного статуса, за признание, сочувствие, безопасность, власть и т. д.

В работе польского психолога подробно и достаточно популярно рассматривается вопрос о мотивах и потребностях, а также о роли установки в процессе выбора мотивов.

Однако автор, стремясь ограничить предмет обсуждения рамками поставленной им задачи, а отчасти из дидактических соображений, не коснулся той ожесточенной теоретической борьбы, которая происходила и происходит в связи с оценкой такой важнейшей для психологии и смежных дисциплин проблемы, как мотивация поведения человека¹.

Но К. Обуховский, несомненно, занимает вполне определенную позицию в этих дискуссионных вопросах.

Каково же его отношение к тем зарубежным концепциям, которые особое внимание уделяли категориям действия (необихевиоризм) и природе влечений и потребностей (фрейдизм)?

Прежде всего следует отметить, что автор критически оценивает распространенные на Западе психологические концепции и стремится осмыслить свои клинико-психологические данные, придерживаясь материалистической естественнонаучной ориентации, с позиций, близких к теоретическим взглядам советских психологов.

Ему чужды, разумеется, наивные схемы ортодоксального бихевиоризма. Вместе с тем он охотно использует наиболее адекватные и гибкие кибернетические и некоторые операционалистские формулировки, считая, что инт-

¹ Развернутый критический обзор и анализ этих вопросов дан в ряде вышедших в последнее время монографий и статей советских авторов. См.: «Современная психология в капиталистических странах», под ред. Е. В. Шороховой, М., изд-во АН СССР, 1963; «Проблемы общественной психологии», под ред. В. Н. Колбановского и Б. Ф. Поршнева, М., 1965; Л. И. Божович, Личность и ее формирование в детском возрасте, М., 1968; П. М. Якобсон, Психологические проблемы мотивации поведения человека, М., 1969; А. Г. Ковалев, Психология личности, М., 1970; М. Г. Ярошевский, Психология в XX столетии, М., 1971, и др.

роспекционизм должен быть исключен, поскольку мы не можем заглянуть в содержание сознания другого человека. Предлагая определение «мотива», К. Обуховский использует «кибернетические» понятия алгоритма и программы деятельности и нередко вместо «осознания» говорит о «вербализации» программы и цели мотивов деятельности, которую он понимает как мотивированное действие¹.

Автор подчеркивает роль «значимости»² информации, сигнала, то есть проблему, намеченную еще в трудах И. М. Сеченова и И. П. Павлова (теория подкрепления) и получившую развитие в современных концепциях поведения (так, например, в схеме Т — О — Т — Е Миллера, Галантера и Прибрама первый элемент не «раздражитель», как в упрощенной схеме S—R реакции Уотсона, а «тест»: организм, прежде чем совершить операцию, пробует, оценивает значение сигнала, несущего определенную информацию).

Описывая поведение, К. Обуховский ставит особый акцент на значении целей, задач, планов. Иными словами, он опирается на современные представления об организации целенаправленного поведения как определенного порядка и последовательности операций, контролируемых «моделью потребного будущего», «предвосхищением» (Н. А. Бернштейн), «акцептором действия» (П. К. Анохин), «Планами» (Миллер и соавт.) и т. д.

Однако чисто кибернетический и физиологический подходы к организации действия оказываются недостаточными. Адекватное отражение действительной структуры деятельности должно учитывать также психологическое понятие «образа» в его субъективном аспекте (А. Н. Леонтьев), данные о регулирующем действии сознания, представление о включенности в поведенческий целенаправленный акт бессознательных и осознанных компонентов (Ф. В. Бассин), концепцию о роли установки (Д. Н. Узнадзе и др.).

¹ Правда, в работе почти не используется учение о деятельности, широко разработанное советскими психологами.

² Роль «значимости» в поведении, наблюдаемая у животных, еще нагляднее выступает у человека благодаря развитию второй сигнальной системы — языка. Советскими психологами была показана роль общественной значимости воздействий (Н. Ф. Добрынин и др.).

Хотя К. Обуховский по вполне понятным причинам формулирует свою точку зрения далеко не по всему широкому кругу вопросов, относящихся к проблемам мотивации, исследуя природу факторов, детерминирующих поведение, он учитывает регулирующую и контролирующую роль сознательных мотивов, которые направлены на определенную цель, и значение других мотивационных сил.

Нельзя не согласиться с замечаниями автора в адрес фрейдизма, долгое время монополизировавшего изучение проблемы мотивации.

Критически оценивая психоаналитическую концепцию либидо и сублимации как источника культурного прогресса, а также попытку Фрейда свести мотивы поведения к универсальным единым мотивам (сексуальному и агрессивному), К. Обуховский указывает, что сексуальная потребность является естественной, но не необходимой. То обстоятельство, замечает он, что сексуальные вопросы могут играть важную роль у больных неврозами, еще не свидетельствует о преобладающем их значении для хорошо приспособленных людей, у которых они подчиняются социальному контролю. В согласии с марксистским подходом польский психолог подчеркивает историческую, социальную обусловленность возникновения фрейдизма.

Вместе с тем К. Обуховский частично использует некоторые рациональные элементы «индивидуальной психологии» Адлера, в первую очередь положение о том, что человек является не столько сексуальным, сколько социальным существом, находящимся под давлением не только эгоистических, но и социальных чувств, а также некоторые представления Адлера о «стиле жизни» и «комплексе неполноценности», который он предпочитает обозначать как «комплекс различия».

Но особый интерес представляет подход автора к анализу роли недостаточно осознанных факторов в мотивации действий, значение которых признается им в полной мере.

Уже в первом разделе книги автор констатирует, что мотив не всегда полностью отражает характер побуждающих к действию сил. Примером могут служить описываемые К. Обуховским защитные мотивы, когда содержание цели деятельности оказывается в логическом противоречии с содержанием ее программы.

Рассмотрим в этой связи некоторые спорные аспекты сложной проблемы «бессознательного»¹.

Произвольные теоретические построения, идеалистические и реакционные социологические и философские выводы фрейдизма отодвинули на задний план отдельные позитивные факты, которые можно выявлять в психоаналитических исследованиях. Фрейдизм превратился в мифологическую систему верований и догматов, не подвергаемых экспериментальному обоснованию и проверке.

Вместе с тем, как отмечает ряд западных и советских авторов, в психоаналитических работах отражены, хотя часто в превратном виде, некоторые фактические закономерности работы психики. Об этих аспектах фрейдизма писал Ф. В. Бассин, ссылаясь на высказывания И. П. Павлова об излечении больных путем осознания вытесненных переживаний² и справедливо отмечая применимость к психоанализу известных слов В. И. Ленина: «...философский идеализм есть *одностороннее, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание)* одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют...»³.

Ф. В. Бассин подчеркнул, что современная наука, в частности советская, признает важную роль «неосознанных форм высшей нервной деятельности» в функциональной организации действия, переработке информации и формировании установок (см. ниже).

«Бессознательное» может играть в преобразованном виде роль движущей силы при формировании «защитных» механизмов «Я» (реальность которых признают теперь многие советские авторы)⁴ и в иных видах деятельности (другое дело, что значение этого психического уровня мотивации деятельности чрезмерно преувеличивалось и нередко искаженно интерпретировалось фрейдистами).

Как показали Д. Н. Узнадзе и его школа, формирующиеся бессознательные установки часто выступают не в

¹ В рамках данной статьи мы не имеем возможности проанализировать историю психодинамики и дать оценку ее принципам и методологии. Такого рода критическая оценка дана в ряде исследований, появившихся на русском языке (см., например: Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, М., 1959; Е. В. Шорохова, гл. 14 «Фрейдизм» в сб. «Современная психология в капиталистических странах», М., 1963; Ф. В. Бассин, Проблема бессознательного, М., 1968, и др.).

² Павловские «среды», т. 2, М.—Л., 1955, стр. 296.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

⁴ И. С. Кон, Социология личности, М., 1967.

антагонистических, а в синергичных отношениях к осознанным (объективированным) действиям, что способствует адекватной организации самых разных форм адаптивного поведения (Ф. В. Бассин).

Однако наряду с этим имеются, несомненно, и иные варианты — хотя возможно и более редкие — взаимоотношений между указанными сферами психики.

Давно установлено, что сознательный контроль нарушает течение автоматизированных актов поведения, то есть навыков, которые, несмотря на их бессознательный характер, являются без такого контроля весьма гибкими (Н. А. Бернштейн, И. М. Гельфанд и др.). Но есть и более сложные отношения. Глубинные бессознательные установки могут вступать в противоречие с сознательными устремлениями, определяемыми иного рода установкой. Так, например, сформировавшийся на основе положительной в отношении задачи установки мотив определяет стремление человека выполнить порученную ему работу, хотя этому может препятствовать свойственная данному индивиду тенденция (установка) не доводить начатое дело до конца или отрицательная установка в отношении лица, давшего это задание (обе установки могут не осознаваться или осознаваться лишь частично). При изменении взаимоотношения различных детерминант эти отрицательные установки могут возобладать над сознательным желанием завершить работу вовремя, что может привести к созданию «защитного» мотива («работа эта не стоит затраченного времени» и т. п.).

Еще один пример, на этот раз из области «патологии поведения». При алкоголизме отмечается противоречие между сознательным объяснением поведения (согласно которому пьянство вызвано «уважительными» причинами) и действительной, но недостаточно осознанной причиной: болезненным пристрастием к алкоголю. Еще отчетливее это противоречие выступает между часто принимаемым алкоголиком «твердым» решением не пить или «выпить немного» с целью «поднять настроение» (сознательный мотив) и возникающей «потерей контроля», приводящей к прямо противоположным результатам¹.

С изложенными выше соображениями полностью согласуются данные, приводимые в монографии К. Обухов-

¹ Подробнее об этом см.: Б. М. Сегал, Алкоголизм, М., 1967.

ского. Выводы К. Обуховского о недостаточности осознанных побудительных сил основаны не на психоаналитических концепциях, а на результатах новейших социально-психологических исследований.

Положение о существовании не только синергических, но и антагонистических отношений в личности, отнюдь не абсолютных и «снимающихся» в конечном результате деятельности, несколько не противоречит диалектико-материалистическому мировоззрению. Напротив, именно с этих позиций развитие личности, ее структуры, мотивов и деятельности можно определить как борьбу противоположностей. Непоследовательно было бы поэтому рассматривать все формы взаимоотношений между сознательными и бессознательными тенденциями личности, как «бесконфликтные» и «гармоничные», игнорируя указанный диалектический принцип¹.

Проблема мотивов является важным разделом работы К. Обуховского. Понимая под мотивом осознание (вербализацию) цели и программы, дающей возможность данному лицу начать определенную деятельность, автор отграничивает их от потребностей, рассматривая последние как факторы, «динамизирующие» поведение.

Следует отметить, что, хотя формулировка К. Обуховского отчасти близка к некоторым определениям советских психологов, она исключает из сферы «мотивов» побудительный фактор деятельности. Так, например, по А. Н. Леонтьеву, мотивом является «то, что, отражаясь в голове человека, *побуждает деятельность* (курсив наш. — Б. С.), направляет ее на удовлетворение определенной потребности»².

Целесообразно, по-видимому, шире, чем это делает К. Обуховский, использовать понятие «мотивации деятельности» или «поведения», поскольку этот более емкий термин охватывает совокупность множества факторов,

¹ Значение этого принципа подтверждается не только данными психологии, но и учением И. П. Павлова об антагонизме процессов торможения и возбуждения, данными об антагонизме медиаторов и энзимов, современными нейрофизиологическими и биохимическими представлениями о работе мозга (сложные, нередко антагонистические отношения между вертикально и горизонтально организованными структурами и функциональными центрами).

² А. Н. Леонтьев, Потребность и мотивы деятельности, в кн. «Психология», М., 1956, стр. 356.

в том числе и «динамизирующих» (Хебб, П. М. Якобсон и др.).

В разделах, посвященных мотивам, их контролирующим и направляющим функциям, автор подчеркивает, что они (равно как и социальные установки, позиции) являются продуктом опыта человека в плане общественных отношений. Этот тезис полностью совпадает с разрабатываемым советскими психологами (С. Л. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе, А. Н. Леонтьев и др.) марксистским положением о том, что возникновение и эволюция мотивации детерминируются историческим опытом человека, его общественной деятельностью.

Небольшая, но важная в теоретическом отношении глава посвящена установкам¹.

Как известно, понятие установки, с одной стороны, возникло в результате социально-психологических исследований (Attitude), а с другой стороны, сформировалось в недрах экспериментальной психологии (Set, Einstellung, Einstellung).

В последней (например, работы Вюрцбургской школы) давно уже пользовались такие понятия, как «психическая» или «моторная» установка, ожидание, диспозиция, антиципация, интенция и др. Все эти разнородные термины объединяло понятие о готовности индивида действовать определенным образом².

Не останавливаясь на этом более подробно, укажем лишь, что тщательное экспериментальное и теоретическое обоснование учение об установке получило в трудах грузинской школы психологов Д. Н. Узнадзе.

Исходя из диалектико-материалистического учения о деятельности, Д. Н. Узнадзе (проанализировав проблемы некоторых иллюзий) сформулировал положение об установке как о бессознательной в своей основе психофизио-

¹ В оригинале применен термин «postawa», который можно перевести и как установку, и как отношение, и как позицию. В настоящем издании этот термин переведен как «установка», поскольку это понятие широко используется в психологической литературе, в частности в советской. Следует, однако, отметить, что в книге К. Обуховского речь чаще идет о понятиях, более близких к термину «аттитюд», то есть социальная фиксированная установка.

² См.: Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1931; И. Т. Бжалава, Психология установки и кибернетика, М., 1966; А. С. Прагмашвили, Исследования по психологии установки, Тбилиси, 1967, и др.

логической настройке целостного организма, направленной на удовлетворение актуальной потребности, а так же и на регулирование деятельности. Иными словами, установка, по Д. Н. Узнадзе, строится на основании ситуации и потребности, осуществляет взаимодействие между информацией («образами») и «планами», которые включаются в нее, поскольку установка регулирует динамику действия.

В работах Д. Н. Узнадзе и его школы было показано, что в процессе жизнедеятельности происходит образование так называемых «фиксированных» установок. Именно это последнее понятие, а не «первичная установка» ближе всего к концепциям «Set» и особенно «Attitude» (Ш. Н. Чхартишвили), которые определяют установку как продукт научения, социального опыта.

Д. Н. Узнадзе обосновал представление об импульсивном поведении, связанном с удовлетворением витальных потребностей, и втором, волевом и сознательном уровне психической жизни (уровне объективации), когда человек получает, как он пишет, возможность «освободиться» от «принуждения импульса актуальной потребности» и решить вопрос о своем будущем поведении.

Концепция третьего уровня, то есть «социальных установок» — «аттитюд», подчеркивает социальную значимость механизмов, регулирующих поведение, и не исключает их сознательного аспекта¹. Так Г. Олпорт определяет аттитюды как «психическое и нервное состояние готовности, образующееся на основе опыта и оказывающее направляющее или динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов и ситуаций, с которыми он связан»². Другие исследователи указывают на то, что установки содержат когнитивный компонент: убеждения, ценности; эмоциональный: заинтересованность в деятельности, и поведенческий: готовность действовать в данном направлении (Кац, Креч, Крачфилд).

Кратко рассмотрев понятия установки, предлагаемые различными авторами, К. Обуховский формулирует свое

¹ Следует подчеркнуть, что школа Д. Н. Узнадзе разрабатывает концепцию именно бессознательных установок. Это иногда игнорируется некоторыми социальными психологами, использующими результаты ее исследований.

² G. Allport, Attitude, в: «Handbook of social psychology», ed. G. Murchison, Worcester, 1935.

определение, близкое к тому, которое дал Грин. Он рассматривает установку, как неизвестную переменную (диспозицию), проявляющуюся в различных формах поведения, имеющих общую черту: определенное (отрицательное или положительное) отношение к данному предмету.

Представление об установках (позициях) помогает понять, подчеркивает К. Обуховский, не только то, почему люди в той или иной ситуации поступают определенным образом, но и то, почему они формулируют те или иные мотивы поведения.

Как показывает автор, различного рода установки (которые могут и противодействовать друг другу) детерминируют выбор более соответствующего данной установке и ситуации мотива поведения. Таким образом, установки, по К. Обуховскому, автоматически исключают противоречащие им (или некоторой их части) мотивы.

Хотелось бы, однако, чтобы автор более четко сформулировал различие в глубинном построении социальных установок, проанализировав различие между более поверхностными «когнитивными» установками и «глубинными аттитюдами» — широкими системами ценностей личности, «вырастающими» из таких глобальных ее структур, как направленность личности, тип темперамента, активность и т. п.¹

Второе замечание связано с обсуждаемым автором вопросом об «автоматизме» выбора мотива поведения и его соответствии системе установок. Ясно, что речь при этом идет не о механистической «жестко» детерминированной схеме. Как справедливо отмечает и К. Обуховский, здесь следует учитывать индивидуальные особенности человека. К этому его замечанию можно добавить, что каждый человек имеет свою гибкую иерархию ценностей, определяющих его ориентацию по отношению к миру и самому себе. То, что он в состоянии преодолеть «групповую картину мира» (Шибутани), а также то, что он под влиянием высших мотивов, ориентированных на морально-этические ценности, может иногда волевым актом подавить физиологические потребности и даже ин-

¹ См.: A. N. Oppenheim, *Questionnaire Design and Attitude Measurement*, Basic Books, Inc., N. Y., 1966. На русском языке эти вопросы освещаются, например, в работе «Личность и ее ценностные ориентации» (М., 1969) и в других исследованиях по социальной психологии.

стинкт самосохранения, обуславливает известную свободу его действий. Классики марксизма, критикуя механистический подход к деятельности человека, указывали, что он может в известной мере свободно выбирать осуществимый в данной конкретной ситуации образ и порядок бытия.

Анализ установок, как фактора, объясняющего выбор мотива, дает основание автору перейти к обсуждению вопроса о том, почему вообще возникает процесс выбора, то есть перейти к проблеме потребностей. Этой проблеме в книге посвящено 7 глав (из 9).

Основная функция потребностей — «привести человека в движение» (Дэшилл). Помимо первичных и приобретенных потребностей, к числу мотивационных факторов относится и «мотивационное прошлое» (Д. Хэлл): механизмы «подкрепления» (обучения), реакции на внешние стимулы, эмоциональные состояния и т. д. К. Обуховский подчеркивает, что стремление некоторых психологов свести потребность к состоянию напряжения, возникающему в организме при нарушении гомеостаза и направляющему его деятельность (Мак-Киннон и др.), неправомерно, поскольку такого рода напряжение еще не направлено на определенный предмет, не является, по его выражению, «понятием именованным». У взрослых людей (в отличие от животных и отчасти от детей) гностический и моторный компоненты инстинкта подверглись обратному развитию, и поэтому возникающее при нарушении внутреннего равновесия напряжение не направлено на определенный предмет и не может быть обозначено как потребность. «Отражение в сознании объекта потребности ...является, — отмечает К. Обуховский, — чем-то иным, сравнительно с изменением в организме... выраженным состоянием напряжения» (стр. 73). Поэтому он приходит к выводу, что потребность следует обозначить как свойство индивида X, выражающееся в том, что без объекта Y он не может нормально функционировать.

В таком виде определение отвечает классическим представлениям теории саморегуляции. Однако К. Обуховский правильно замечает, что оно является слишком узким. Поэтому приведенную выше формулировку он дополняет представлением о потребности сохранения не только индивида, но и вида (способность к размножению) и правильного развития, то есть такого функционирования,

когда индивид получает возможность использовать свои способности.

Предлагаемое определение в известной мере совпадает с теми, которые дают советские авторы. «Потребность — это испытываемая человеком нужда в чем-либо, состояние пассивно-активное: пассивное, поскольку выражается зависимость человека от того, в чем испытывается нужда, и активное, поскольку оно заключает в себе стремление... к тому, что может ее удовлетворить.

...чувственное переживание потребности включает известное динамическое напряжение...»¹

О потребностях как о нужде организма в определенных, необходимых для жизни условиях говорит А. Н. Леонтьев. Главной чертой потребности, указывает он, является то, что потребность имеет свой предмет, поэтому ее нельзя характеризовать иначе, как указанием на ее предметное содержание (ср. сходную мысль у К. Обуховского); при этом конкретное содержание зависит от того, в каких условиях и каким способом она удовлетворяется. А. Н. Леонтьев пишет, что предмет потребности — есть «побудитель деятельности», а развитие потребности происходит путем изменений круга предметов, удовлетворяющих ее и путем изменения способов такого удовлетворения. Д. Н. Узнадзе особенно выделяет тот факт, что потребности — источник активности.

Другим моментом в концепции потребностей К. Обуховского, на который мы хотели бы обратить внимание читателя, является принцип развития потребности как механизма, осуществляющего саморегулирующую деятельность.

Автор, опирается, хотя и с рядом оговорок, на концепцию гомеостаза, согласно которой организм стремится к сохранению постоянства внутренней среды (Клод Бернар, Кеннон и др.). Дополненная дарвиновскими идеями, эта теория учит, что индивид и вид непрерывно изменяются, стремясь выжить и адаптироваться к внешней среде. Психика с этой точки зрения один из инструментов в системе защитных и приспособительных реакций (такова была, в частности, и точка зрения «функциональной психологии»). Солидаризуясь с подобными взглядами, К. Обуховский охотно ссылается на теорию фрустрации Розенцвейга, по мнению которого организм человека реагирует

¹ С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1940, стр. 28.

на вредоносные воздействия тремя уровнями защиты: клеточным (иммунологическим), физиологическим (вегетативным) и психическим (личностным).

Вместе с тем автор приходит к выводу, что некоторые формы поведения явно не укладываются в прокрустово ложе гомеостаза. Так, говоря о познавательной потребности, К. Обуховский употребляет выражение «апрактицизм» познания, поскольку само по себе исследование неизвестного не всегда имеет для индивида практическое значение. Такие формы познавательной деятельности не объяснимы классической схемой «саморегуляции», но они оказываются необходимыми для функционирования живых существ¹.

Эти правильные положения автору следовало бы, с нашей точки зрения, развить несколько глубже.

Эксперименты Халла, Толмена и ряда других психологов, в том числе и советских, показали, что многие действия животных и человека «подкрепляются» лишь самим выполнением задачи.

У человека, как указывал Маркс, в процессе трудовой деятельности труд становится потребностью не только как способ добывания средств к жизни, но и как способ утверждения себя как родового существа. В психологическом плане это явление можно расценивать, согласно А. Н. Леонтьеву, как «сдвиг мотивов». Он указывает, что в процессе жизнедеятельности у человека происходит усложнение хода мотивации. Выполняя какие-либо действия, человек затем совершает их нередко уже ради них самих: мотив сместился, став целью. Осознание таких мотивов требует, по А. Н. Леонтьеву, специального акта. К. Левин описывает «квазипотребности»: появляющиеся в процессе труда или обучения сдвиги мотивации, когда всякое намерение вызывает «систему напряжения», требующую для своей разрядки соответствующей деятельности (например, известные эксперименты по возвращению к «прерванному действию»). О превращении «средств в цели» писал и Г. Олпорт, указывая, что первые нередко приобретают затем мотивирующую силу.

¹ Уже у маленького ребенка обнаруживается тенденция к исследовательскому поведению, не укладывающаяся в схему: избегание неудовольствия и стремление к удовольствию и состоянию стабильности. (Эта схема составляет суть так называемого «закона эффекта» Торндайка.)

К. Обуховский также подчеркивает, что в процессе индивидуализации способов удовлетворения потребностей их осознания (ментализации и социализации) — возникают вторичные индивидуальные потребности, число которых чрезвычайно велико, а характер разнообразен.

Объяснения всех этих потребностей как способов «саморегуляции» будет очевидно явной натяжкой. Кроме того, известно — эти примеры приводятся и К. Обуховским, — что движимые некоторыми «потребностями» виды поведения, например невротического, алкогольного, не только не приводят к «нормальному» функционированию¹ индивида, но, напротив, нарушают его.

Таким образом, материал книги убедительно свидетельствует о необходимости «негомеостатического» подхода к оценке основ деятельности человека и его потребности.

Анализ эвристического мышления и творчества подтвердил учение о принципе активности, как основополагающем факторе деятельности человека. Современная наука рассматривает действие в аспекте направленной на будущее настройки. Не «стимул» (бихевиоризм) и даже не «ситуации» (Фресс и Пиаже) определяют деятельность человека; он сам создает те ситуации, на которые «реагирует» (не «реакция», но «акция»).

Принцип гомеостаза, «защиты» внутренней среды от внешней описывал, таким образом, лишь отдельные стороны биологической активности².

У человека наглядно обнаруживается активный, ориентированный на отдаленные цели тип поведения. В. И. Ленин, как известно, говорил о «целеполагающем» образе

¹ Точка зрения на невроз (а также на психосоматические расстройства, алкоголизм) и даже на психоз как на «защитный», «приспособительный» механизм популярна в западной, в частности в американской, психиатрии (см., например: A. P. Noyes, L. S. Kolb, *Modern Clinical Psychiatry*, N. Y., 1963).

² Как замечает М. Г. Ярошевский, понятие гомеостаза как основы мотивации было поколеблено также работами Селье о стрессе и данными по сенсорной депривации (называемой Обуховским «информационной депривацией»), когда изоляция человека (то есть мозга) от внешнего мира приводила не к сну, как это полагали раньше, а к психическим расстройствам, поскольку мозг в этих случаях, испытывая «информационный голод», сам продуцировал «информацию» — образы. Аналогичные расстройства наблюдались и при искусственном исключении сновидений (путем прерывания сна в момент сновидений, например в период так называемого парадоксального сна). Существует точка зрения, к ней присоединяется и автор данной книги, со-

действий человека. При этом личность стремится к «самореализации», «самовыражению». Это понятие (=человек) есть *стремление* реализовать себя и осуществить (выполнить) себя¹.

Социальные условия, детерминируя поведение, превращаются для личности в систему внутренних целей, мотивов, идеалов и этических ценностей, на которые она и ориентируется. «Открытость» миру личности, замечает Олпорт, проявляется не только при взаимодействии ее с другими биологическими системами, но и в связях с экономическими, культурными, политическими и другими социальными факторами. Хотя ряд подсистем организма стремится сохранить равновесие и устранить внутреннее напряжение (мотивации «deficiency», то есть дефицита, «нужды»), вся система личности стремится в целом не к пассивности, а к нарушению равновесия, созданию напряжения, она ориентирована в будущее. Маслоу также подчеркивает принципиальное отличие мотиваций роста, удовлетворение которых дает человеку ощущения счастья и служит основой творчества, от мотиваций «нужды», неудовлетворение которых приводит к болезни.

Переходя к классификации потребностей, К. Обуховский иронически замечает, что это один из наиболее благодарных разделов научного творчества. И действительно, помимо общеизвестного деления на естественные (или физиологические), элементарные, органические потребности и высшие, духовные потребности, было предложено множество развернутых классификаций. В одних схемах иерархия потребностей строится на основе одной тенденции (например, теория либидо Фрейда, концепция самоактуализации Маслоу), в других подчеркивается несводимость сложных и меняющихся систем мотивов и потребностей к общей универсальной тенденции (Олпорт и др.).

При известной произвольности классификационных схем естественно, что часть потребностей (мотивов) обозначается авторами различным образом. Одни из них толкуются расширительно, а другие «сливаются» вместе. У К. Обуховского потребность (мотив) «властность — покорность» описывается в рамках потребности в эмоциональ-

ласно которой одной из важных причин возникновения психических расстройств (шизофренических, депрессивных) является блокада «нормальной» информации, поступающей в мозг.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

ном контакте, а некоторые выделяемые и включаемы
ды потребностей (мотивов) вообще опускаются. Многие
«потребности» («самопроявление», «самоулучшение»,
«мотив достижения», по Мак-Гилланду) фактически
включены в «потребность смысла жизни». Можно назвать
и ряд других отличий предложенной им схемы.

К. Обуховский выделяет потребности самосохранения
(физиологические и ориентировочные) и потребности размножения (сохранения вида). Остановившись вначале на
характеристике пищевой и половой потребностей, он пере-
ходит затем к специфическим человеческим «ориентиро-
вочным» потребностям: познавательной потребности, по-
требности в эмоциональном контакте и потребности смы-
сла жизни.

Следует отметить, что познавательная деятельность и
процессы умственного развития детально изучены в со-
ветской психологии, которая рассматривает познание как
процесс, приближающий субъекта к объекту. Развитие
идет от восприятий и действий к абстрактному, понятий-
ному мышлению; при этом на определенном этапе раз-
вития перед ребенком возникает новый путь познания,
начинающийся с усвоения слова-термина.

Советские психологи исследовали различные стадии
«микро» и «макро» изменений познавательной деятельно-
сти, в зависимости от этапа развития ребенка. Они ус-
тановили, что материальные действия с предметами отра-
батываются затем в плане речи и лишь в конечном итоге
превращаются у человека во внутренние действия
(Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин и др.). Полемизируя
с зарубежными авторами, в частности с точкой зрения
школы Пиаже, они показали, что, общаясь со взрослыми,
ребенок усваивает не просто действия, а именно общест-
венный опыт и усвоение это сопровождается не только
ростом количества знаний, но и формированием самого
мыслительного процесса (Л. С. Выготский, А. Н. Леон-
тьев, А. В. Запорожец и др.). Были исследованы процес-
сы восприятия как своеобразные ориентировочные пер-
цептивные формы деятельности (Б. Г. Ананьев,
А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов и др.) и т. д.

Но в монографии К. Обуховского структура познава-
тельной деятельности по существу не рассматривается,
хотя в ней и упоминается о процессе превращения «услов-
норефлекторной ориентировки» в понятийное мышление.

В соответствии с задачами книги описывается значение «динамизирующего» фактора, связанного с изменением внешней ситуации, а точнее, с поступлением информации. Именно эти «негомеостатические» механизмы познавательной деятельности, особенно важные для эволюции человека, имеют непосредственное отношение к познавательной «потребности». Автор подчеркивает наблюдаемое у детей различие между ориентировочным рефлексом, инициирующим познавательную деятельность, и исследовательским рефлексом, динамизирующим ее. Читатель, несомненно, с интересом сопоставит эти данные с работами советских психологов (А. В. Запорожец и др.).

Как и в других разделах книги, автор стремится использовать здесь психологический анализ для практических, клинических целей. Заслуживает внимания предположение (оно подтверждается рядом клиницистов) о том, что умственная отсталость у детей иногда является следствием недостаточного удовлетворения их познавательной потребности. Интересны также соображения о существовании двух различных форм олигофрений, связанных с органическим поражением «инструмента» познания — мозга — и обусловленных недостаточной активностью «динамического фактора» — познавательной потребности.

Подробно описаны в книге формы и динамика фаз «потребности в эмоциональном контакте», истоки концепции которой К. Обуховский прослеживает в работах Я. Мазуркевича и в учении о «синтонии» Е. Блейлера. С задержкой и фрустрацией в детские годы этой потребности в симпатии и «созвучности» (эмпатии) с переживаниями других людей автор связывает адлеровское понятие о «комплексе неполноценности» и многие формы патологического (псевротического) поведения. Он рассматривает в данном аспекте случаи «эмоциональной холодности» или «вызывающего» поведения детей¹.

Не останавливаясь на отдельных моментах развития этой потребности (границы которой, с нашей точки зрения, автором несколько расширены), отметим лишь, что

¹ Заслуживают внимания педагогов, психологов и психиатров высказываемые автором соображения о фазах развития этой потребности, например о той фазе, когда у ребенка выражено стремление к эмоциональному контакту с одним определенным лицом; с неудовлетворением этой тенденции автор связывает аффективные и соматические расстройства, возникающие у малолетних детей при изоляции их от родителей.

вопрос о связи содержания и структуры мотивов и потребностей, в частности данной «потребности» с различными индивидуальными особенностями, нуждается в дальнейшем изучении. Эта малонисследованная проблема затронута в книге довольно бегло¹.

Завершает монографию разбор «наивысшей» потребности — стремления найти смысл жизни. Автор описывает генезис и фазы развития этой потребности, «динамизирующей» деятельность человека, но не всегда отчетливо «вербализуемой» им. Пытаясь ответить на «вечный» вопрос о смысле своего существования, человек стремится обрести его в труде, науке и творчестве, отдавая свои силы для блага других людей, для достижения высоких идеалов, примыкая к различным социальным движениям и идентифицируя себя с ними. Тем самым он осуществляет деятельность, отвечающую его критериям «философии счастья». В одной из последних работ С. Л. Рубинштейн, критикуя гедонистические теории поведения, писал, что оно регулируется жизненными ценностями: чем меньше мы гонимся за удовольствиями, за счастьем, чем больше заняты делом своей жизни, тем больше счастья мы находим².

Прогресс и другие общественные явления детерминируются в первую очередь факторами социально-экономического порядка, однако нельзя, справедливо подчеркивает К. Обуховский, игнорировать при этом роль таких «мотивов», как стремление людей к творческой деятельности, их потребность обрести в ней смысл своей жизни. В заключительных разделах работы описываются различные формы удовлетворения этой потребности, как соответствующие возможностям, способностям человека, его личностным особенностям и жизненной позиции, так и противоречащие им, «дефектные», требующие иногда психотерапевтической помощи.

Книга К. Обуховского, разумеется, не исчерпывает сущности перечисленных выше сложных проблем. Но она содержит обширную и во многом новую для советского читателя информацию; создавая предпосылки для творческой дискуссии, она будит исследовательскую мысль.

Профессор Б. СЕГАЛ

¹ См., например, статью В. С. Мерлина в сб. «Проблемы личности», М., 1969.

² См.: С. Л. Рубинштейн, Человек и мир, в кн. «Методологические и теоретические проблемы психологии», М., 1969, стр. 348.

БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Анохин П. К., Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности, в кн.: «Проблемы высшей нервной деятельности», М., изд. АМН СССР, 1949.
- Асратян Э. А., Ответ Э. А. Асратяна на критическую статью А. Г. Иванова-Смоленского, «Журнал высшей нервной деятельности», 1953, III, 4.
- Богданович Л. А., Психические изменения при алиментарной дистрофии у лиц, бывших в оккупации, в кн.: Рохлин Л. Л., Симсон Т. П. (ред.), «Проблемы современной психиатрии», изд. АМН СССР, 1948.
- Бомбар А., За бортом по своей воле, М., 1959.
- Введенский Н. Е., Физиологическое явление с биологической точки зрения, в кн.: «Избранные произведения», М., Медгиз, 1952.
- Виноградова О. С., О некоторых особенностях ориентировочных реакций на раздражители второй сигнальной системы у нормальных и умственно отсталых школьников, «Вопросы психологии», 1956, 6.
- Дашковская В. С., Первые условные реакции у новорожденных детей в норме и при некоторых патологических состояниях, «Журнал высшей нервной деятельности», 1953, III, 2.
- Зурабашвили А. Д., Некоторые клинко-теоретические искажения в психиатрии, Тбилиси, ИАН ГССР, 1961.
- Личко А. Е., Об особенностях условных и безусловных оборонительных и ориентировочных рефлексов в динамике острых инфекционных психозов, «Труды Института физиологии им. И. П. Павлова», 1952, т. I.
- Майоров Ф. П., История учения об условных рефлексах, М., 1948, изд. АМН.
- Макаренко А. С., Книга для родителей, М., Учпедгиз, 1954.
- Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 21.

Мещеряков А. И., Некоторые проблемы образа в связи с особенностями формирования психики слепоглухонемого ребенка, «Вопросы психологии», 1960, 4.

Мэгуэ Г. В., Бодрствующий мозг, М., «Мир», 1965.

Мясищев В. Н., Личность и неврозы, Л., ИЛУ, 1960.

Нарбутович И. О., Светлов Д. С., Исследования некоторых простейших безусловных рефлексов (ориентировочного и оборонительного) при шизофрении, «Архив биологических наук», 1934, XXXVI, 1.

Павлов И. П., Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения животных), М., Медгиз, 1951.

Павлов И. П., Лекции о работе больших полушарий головного мозга, М., изд. АМН СССР, 1952.

Парамонова Н. П., К характеристике участия ориентировочного рефлекса в замыкании условных связей при олигофрении, в кн.: Соколов Е. Н. (ред.), Ориентировочный рефлекс и вопросы высшей нервной деятельности в норме и патологии, М., изд. АПН РСФСР, 1959.

Пиаже Ж., Речь и мышление ребенка, М., 1932.

Пинский Б. И., Психологические особенности деятельности умственно отсталых школьников, М., изд. АПН, 1962.

Поликанина Р. И., Пробатова Л. Е., Развитие ориентировочной реакции на звуковое раздражение у недоношенных детей, «Журнал высшей нервной деятельности», 1955, V, 2.

Сеченов И. М., Рефлексы головного мозга, М., изд. АН СССР, 1961.

Соколов Е. Н., Ориентировочный рефлекс, в кн.: Соколов Е. Н. (ред.), Ориентировочный рефлекс и вопросы высшей нервной деятельности в норме и патологии, М., изд. АПН РСФСР, 1959.

Соколянский И. А., Усвоение слепоглухонемым ребенком грамматического строя словесной речи, «Доклады АПН РСФСР», 1959, 1.

Стрельчук И. В., Клиника и лечение наркоманий, М., 1949.

Фрейд З., Лекции по введению в психоанализ, М.—Пт., 1923.

Фрейеров О. П., К вопросу о динамике олигофрений, «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1954, 2.

БИБЛИОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- Adler A., *Znajomość człowieka*, Łódź, 1948.
- Alt R., *Wychowanie u ludów pierwotnych*, Warszawa, 1960.
- Atkinson J. W., McClelland D. C., *The Projective Expression of needs. The Effect of Different Intensities of the Hunger Drive on Thematic Apperception*, в: Atkinson J. W. (ed.), *Motives in Fantasy Action and Society. A Method of Assessment and Study*, Princetown, 1958.
- Baley S., *Psychologia wieku dojrzewania*, Lwów, 1932.
- Baley S., *Psychologia wychowawcza w zarysie*, Warszawa, 1958.
- Baley S., *Wprowadzenie do psychologii społecznej*, Warszawa, 1959.
- Berger C., *The Effect of Anoxia on Visual Resolving Power*, "The American J. of Psychology", 1943, 3.
- Bernard L. L., *Instinct: a Study in Social Psychology*, New York, 1924.
- Bielicka I., Olechnowicz H., Ręczajski B., *Przebieg rewali-dacji psychicznej dziecka wyniszczonego*, "Szkoła Specjalna", 1961, 1, 2.
- Bleuler E., *Die Probleme der Schizoidie und die Syntonie*, "Zeitschrift f. d. g. Neurologie und Psychologie", Bd. 78.
- Błachowski S., *Nastawienia i spostrzeżenia*, Lwów, 1917.
- Boring G., *Psychologia*, Warszawa, 1960.
- Bowlby J., *Child Care and the Growth of Love*, Harmondsworth, 1961.
- Bowlby J., Robertson J., *A Two-Year-Old Goes to Hospital*, в: Kenneth Soddy (ed.), *Mental Health and Infant Development* New York, 1956.
- Brozek J., Jenaas N. K., *Item Analysis of the Psychoneurotic Scales on the MMPI Experimental Semistarvation*, в: Welsh G., Dahlstrom W. G. (eds.), *Basic Readings on the MMPI in Psychology and Medicine*, Minneapolis, 1956.
- Bühler Ch., *Dzieciństwo i młodość*, Warszawa, 1933.
- Cameron N., *The Psychology of Behavior Disorders*, Cambridge, 1947.
- Cantril H., *Attitude*, в: Boring E. G. (ed.), *Foundations of Psychology*, New York, 1948.

- Claparède E., Mentalizacja, "Polskie Archiwum Psychologii", 1930, 7.
- Dahl F., Vergleichende Psychologie, Jena, 1924.
- Davis J., McCourt F., Solomon P., Effect of Visual Stimulation on Hallucination and other Mental Experiences during Sensory Deprivation, "American J. of Psychiatry", 1960, 116.
- Davis C. M., Self-Selection of Diet by Newly Weaned Infants, "American J. Dis. Children", 1928, 36.
- Dollard J., Miller N. E., Personality and Psychotherapy, New York, 1950.
- Dolmierski R., Sulestrowska H., Sulestrowski W., W sprawie majaczenia głodowego, "Neurologia, Neurochirurgia i Psychiatria Polska", 1961, 6.
- Dublin L. I., Stop Killing your Husband, "Lifetime Living", June 1952.
- Edwards A. S., Effects of the loss of one Hundred Hours of Sleep, "The American J. of Psychology", 1941, 1.
- Elert R., Zaburzenia czynności gruczołów płciowych u kobiety, W: Giese H. (red.), Seksuologia, Warszawa, 1959.
- English H. R., Dictionary of Psychological Terms, 4-th ed., New York, 1934.
- Eysenck H. J., The Dynamics of Anxiety and Hysteria, New York, 1957.
- Festinger L., The Motivating Effect of Cognitive Dissonance, W: Lindzey G. (ed.), Assesment of Human Motives, New York, 1958.
- Franus E., Pierwsze reakcje onieśmienia i strachu, "Studia Pedagogiczne", 1955, t. III.
- Fritzhand M., "Istota człowieka" w ujęciu Marksa, "Studia Filozoficzne", 1960, 5.
- Geber M., Psychomotor Development of African Children in the First Year and Influence of Maternal Behavior, "J. of Social Psychology", 1958, 2.
- Goldstein K., The Organism, New York, 1939.
- Green B. F., Attitude Measurement, W: Lindzey G. (ed.), Handbook of Social Psychology, Vol. I, Cambridge Mass., 1954.
- Greniewski H., Elementy cybernetyczne sposobem niematematycznym wyłożone, Warszawa, 1959.
- Groves E. R., Blanchard P., Introduction to Mental Hygiene, New York, 1930.
- Guilford J. P., General Psychology, New York, 1956.
- Harlow H. F., Motivational Forces Underlying Learning (Learning Theory and Clinical Research. The Kentucky Symposium), New York, 1954.
- Hebb D. O., The Textbook of Psychology, Philad., 1958.
- Hellmer L. A., The Effect of Temperature on the Behavior of the White Rat, "The American J. of Psychology", 1943, 2.

- Heron W., Doane B. K., Scott T. H., Visual Disturbances after Prolonged Perceptual Isolation, "Canadian J. of Psychology", 1956, 10.
- Heyns R. W., The Psychology of Personal Adjustment, New York, 1958.
- Hilgard E. R., Introduction to Psychology, 2-nd ed., New York, 1957.
- Holt R. R., Goldberg L., Assessment of Individual Resistance to Sensory Alteration, w: Flaherty B. E. (ed.), Psychophysiological Aspects of Space Flight, New York, 1961.
- Hunt Mc. V. J., Personality and the Behavior Disorders, Vol. I, II, New York, 1944.
- Hurlock E. B., Rozwój dziecka, Warszawa, 1960.
- Imieliński K., Zagadnienie odwracalności pokastracyjnego zespołu psychoendokrynologicznego w świetle spostrzeganego przypadku, "Neurologia, Neurochirurgia i Psychiatria Polska", 1961, 3.
- Jonscher K., Badanie, semiotyka i ważniejsze zasady leczenia w pediatrii, Warszawa, 1947.
- Katz D., Zur Grundlegung einer Bedürfnis-Psychologie, "Zeitschrift für Psychologie", 1933.
- Keys A., Brozek J. et al., The Biology of Human Starvation, Minneapolis, 1950.
- Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E., Sexual Behavior in the Human Male, Philadelphia, 1949.
- Kratochvil S., K psychoterapii existenciální frustrace, "Československa Psychiatrie", 1961, 3.
- Krech D., Crutchfield R., Elements of Psychology, New York, 1959.
- Levy J., Conflicts of Culturs and Childrens Maladjustment, "Mental Hygiene", 1933, 17.
- Lewicki A., Rola abstrakcji pozytywnej i negatywnej w procesie uczenia się nowych pojęć, "Studia Psychologiczne", 1959, t. III.
- Lewicki A., Procesy poznawcze i orientacja w otoczeniu, Warszawa, 1960.
- Lewicki A., Psychologia propagandy, "Wiedza i Życie", 1948, 10.
- Lilly J. C., Shurley J. T., Experiments in Solitude, in Maximum Achievable Physical Isolation with Water Suspension, of Intact Healthy Persons, w: Flaherty B. E. (ed.), Psychophysiological Aspects of Space Flight, New York, 1961.
- Luniewski W., Uczucia moralne i znaczenie ich samoistnego braku w patologii psychiki ludzkiej, "Rocznik Psychiatryczny", 1932.
- MacKinnon D. W., Motivation, w: Boring E. G. (ed.), Foundations of psychology, New York, 1948.
- Maier N. R. F., Experimentally Induced Abnormal Behavior, "Sc. Mon.", 1948, 47.

- Malewski A., Ogólna teoria zachowania, "Przegląd Socjologiczny" 1962, 4.
- Mazurkiewicz J., Syntonia i schizoid, "Rocznik Psychiatryczny", 1924.
- Mazurkiewicz J., Wstęp do psychofizjologii normalnej, t. I, Warszawa, 1950; t. II, Warszawa, 1958.
- McDougall W., An Outline of Psychology, London, 1949.
- Mead M., Sex and Temperament in Three Primitive Societies, London, 1935.
- Miedyński W., Nerwice urazowe a zdolność do pracy, "Rocznik Psychiatryczny", 1934, XXIII.
- Morgan C., Stellar E., Physiological Psychology, 2nd ed., New York, 1950.
- Moss F. A., Study of Animale Drives, "Journ. of Exper. Psych.", 1924, 7.
- Munn N. L., Psychology, 3rd d., Boston, 1956.
- Murphy G., Personality; a Biosocial Approach to Origins and Structure, New York, 1947.
- Murray H. A., Explorations in Personality, New York, 1938.
- Nelken J., Psychozy reaktywne w oświetleniu I wojny światowej, "Rocznik Psychiatryczny", 1934, XXIII.
- Nowicka H., Geneza wymagań stawianych otoczeniu (Poznań, praca magisterska, nie publ.).
- Obuchowski K., Kliniczne badania przystosowania psychicznego w nerwicy, "Zeszyty Naukowe UAM – Filozofia – Psychologia – Pedagogika", 1959, zesz. III.
- Obuchowski K., Model i typy przystosowania psychicznego człowieka, "Zeszyty Naukowe UAM", 1961, zesz. V.
- Obuchowski K., Obuchowska I., Goncerzewicz M., Krzywińska K., Badania nad odzwierciedleniem przeżyć szpitalnych dziecka w rysunku i w opowiadaniu. "Pamiętnik XII Ogólnopolskiego Zjazdu Pediatrów w Poznaniu", Warszawa, 1961.
- Obuchowski K., Kliniczno-eksperymentalna diagnostyka depresji okresu inwolucji, "Przegląd Psychologiczny", 1965, 9.
- Olechnowicz H., Choroba szpitalna (hospitalizm) u małego dziecka, "Pediatria Polska", 1957, 7.
- Olechnowicz H., Stan psychiczny dzieci w wieku poniemowlęcym wychowywanych w żłobku, "Pediatria Polska", 1959, 2.
- Ossowska M., Motywy postępowania, Warszawa, 1949.
- Pieter J., Natura ludzka, "Kwartalnik Filozoficzny", 1938, t. 15, 4.
- Prough D. C. Investigations Dealing with the Reaction of Children and Families to Hospitalization and Illness, w: Caplan (ed.), Emotional Problems of Early Childhood, New York, 1956.
- Przetacznikowa M., Buterlewicz H., Chrzanowska D., Rozwój psychiczny dzieci od 9 miesięcy do 3 lat wychowywanych w

- żłobkach i w środowisku domowym, "Psychologia Wychowawcza", 1963, 1.
- Reutt J., Reuttowa N., Badania osobowości metodą TAT Murraya, Warszawa, 1960.
- Ribble M. A., Infantile Experience in Relation to Personality Development, w: Hunt J. McV. (ed.), Personality and the behavior disorders, New York, 1944.
- Rogers C. R., Client-Centered Therapy; its Current Practice Implications and Therapy, Boston, 1951.
- Rohrer J. H., Interpersonal Relationships in Isolated Small Groups, w: Flaherty B. E. (ed.), Psychophysiological Aspects of Space Flight, New York, 1961.
- Rosenzweig S., An outline of Frustration Theory, w: Hunt J. McV. (ed.), Personality and the Behavior Disorders, New York, 1944.
- Rosenzweig N., Sensory Deprivation and Schizophrenia: Some Clinical and Theoretical Similarities, "American J. of Psychiatry", 1959, 116.
- Rubinsztein S. Ł., Nauka Pawłowa a zagadnienia psychologii, w: Nowiński (red.), Nauka Pawłowa a filozoficzne zagadnienia psychologii, Warszawa, 1954.
- Sarason S. B., Psychological Problems in Mental Deficiency, New York, 1953.
- Schelsky H., Społeczne formy stosunków płciowych, w: Giese H. (red.), Seksuologia, Warszawa, 1959.
- Schiele B. C., Brozek J., Experimental Neurosis Resulting from Semistarvation in Man, "Psychosom. Medicin", 1948, 10.
- Selye H., Stress życia, Warszawa, 1960.
- Seward G., Psychotherapy and Culture Conflict, New York, 1956.
- Shaffer L. F., Shoben E. J., The Psychology of Adjustment, Boston, 1956.
- Shaffer L. F., Personal adjustment, w: Boring E. G. (ed.), Foundations of Psychology, New York, 1948.
- Słownik wyrazów obcych. Pod red. Rysiewicza, III wyd., Warszawa, 1958.
- Spitz R., The Influence of the Mother-Child Relationship and its Disturbances, w: Kenneth Soddy (ed.), Mental Health and Infant Development, Vol. I, New York, 1956.
- Stockert E. G., Dzieciństwo, pokwitanie, wiek dojrzały i starość, w: Giese H. (red.), Seksuologia, Warszawa, 1959.
- Susulowska M., Reakcje poznawcze dzieci w wieku przedszkolnym na sytuacyjnie nowe bodźce, "Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Psychologiczno-Pedagogiczne", 1960, zesz. 2.
- Szuman W., Stereotypie ruchowe jako ruchy zastępcze u jednostek nor-

malnych, a w szczególności u dzieci zakładowych, "Polskie Archiwum Psychologii", 1935/6, t. VIII.

Szuman S., Skowron S., Organizm i życie psychiczne, Warszawa, 1934.

Szuman S., Problemy życiowe młodzieży dorastającej, Kraków, 1947.

Szuman S., Pieter J., Weryński H., Psychologia światopoglądu młodzieży, Warszawa, 1933.

Szuman S., O psychicznym przystosowaniu i nieprzystosowaniu do rzeczywistości, "Sprawozdania PAU" (1945), t. XLVI, 9.

Szuman S., Instynkty u człowieka, "Kwartalnik Pedagogiczny", 1934 1.

Szuman S., Geneza przedmiotu, Poznań, 1932.

Szuman S., Charakter jako wyższa forma przystosowania się do rzeczywistości, "Kwartalnik Pedagogiczny", 1934, 3-4.

Thomas W. I., The Unadjusted Girl, Boston, 1924.

Tomaszewski T., Wojna jako zagadnienie psychologiczne, "Przegląd Filozoficzny", 1949, 45.

Tomaszewski T., Wstęp do psychologii, Warszawa, 1964.

Valentiner H. L., Effect of Vitamin B on Fatigue, "The Amer. J. of Psych.", 1943, 3.

Wall W. D., Wychowanie i zdrowie psychiczne, Warszawa, 1960.

Wałek-Czernecki T., Kultura hellenistyczna, w: J. Dąbrowski i in. (red.), Wielka Historia Powszechna, t. II, Warszawa, 1934.

Warden C. J., Animal Motivation Studies: the Albino Rat, New York, 1931.

Warren H. C., Dictionary of Psychology, Cambridge Mass., 1934.

Woodworth R. S., Schlosberg H., Psychologia Eksperymentalna, Wyd. II, Warszawa, 1966.

Zawadzki B., Wykłady z psychopatologii (skrypt.), Uniwersytet Warszawski, Warszawa, 1959.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Предисловие автора к русскому изданию	7
От автора	9
Глава I. Мотив поведения	11
1. Введение	11
2. Определение мотива	17
3. Направляющая и контролирующая функция мотива	22
4. Защитная роль мотива	28
5. Опознавательные критерии защитного мотива	32
6. Цель, направление и результат действия	36
7. Применение и границы применимости понятия мотива	40
Глава II. Установка (отношение) и процесс выбора мотива	47
1. Определение термина «установка»	47
2. Принцип исключения мотива	51
3. Общие замечания	58
Глава III. Потребности человека	60
1. Проблема факторов, динамизирующих поведение	60
2. Потребности и механизм саморегуляции	64
3. Потребность — процесс или свойство личности?	68
4. Классификация общих потребностей	75
5. Индивидуализация способов удовлетворения потребностей	81
Глава IV. Физиологические потребности	85
1. Общая характеристика физиологических потребностей	85
2. Влияние неудовлетворения потребности в пище на психические процессы	89
3. Зависимость удовлетворения потребности в пище от особенностей личности	96

Глава V. Сексуальная потребность	101
1. Потребность сохранения вида	101
2. Специфичность человеческой сексуальной потребности	105
3. Влияние сексуальных напряжений на саморегуляцию	107
4. Критика концепции сублимации	109
5. Роль сексуальной потребности в жизни человека	113
Глава VI. Структура ориентировочных потребностей	120
Глава VII. Познавательная потребность	130
1. Основные понятия	130
2. Динамика познания	133
3. Познавательная потребность и ясность ума	148
Глава VIII. Потребность в эмоциональном контакте	157
1. Концепция «стадного стремления» Яна Мазуркевича	157
2. Анализ понятия эмоционального контакта	159
3. Эмоциональный контакт и познавательная потребность	163
4. Динамика потребности в эмоциональном контакте	166
5. Препятствия в удовлетворении потребности в эмоциональном контакте	168
6. Фазы развития потребности в эмоциональном контакте	173
7. Комплекс неполноценности как разновидность комплекса различия	177
Глава IX. Потребность смысла жизни	181
1. Введение	181
2. Определение потребности смысла жизни	184
3. Характеристика способов удовлетворения потребности смысла жизни	186
4. Дефектные методы удовлетворения потребности смысла жизни	192
5. Некоторые существовавшие до настоящего времени взгляды	199
6. Генезис потребности смысла жизни	201
7. Фазы развития способов удовлетворения потребности смысла жизни	209
Заключение	215
Послесловие	217
Библиография на русском языке	238
Библиография на иностранных языках	240

К. Обуховский

ПСИХОЛОГИЯ ВЛЕЧЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Редактор *П. Вербицкая*
Художник *И. Клейнард*
Художественный редактор *Л. Шканов*
Технический редактор *О. Печковская*

Сдано в производство 1/VII 1971 г.

Подписано к печати 18/IV 1972 г.

Бумага 84×108¹/₃₂, бум. л. 3⁷/₈

Печ. л. 13,02

Уч.-изд. л. 13,32. Изд. № 9/12899

Цена 1 р. 05 к. Зак. 816

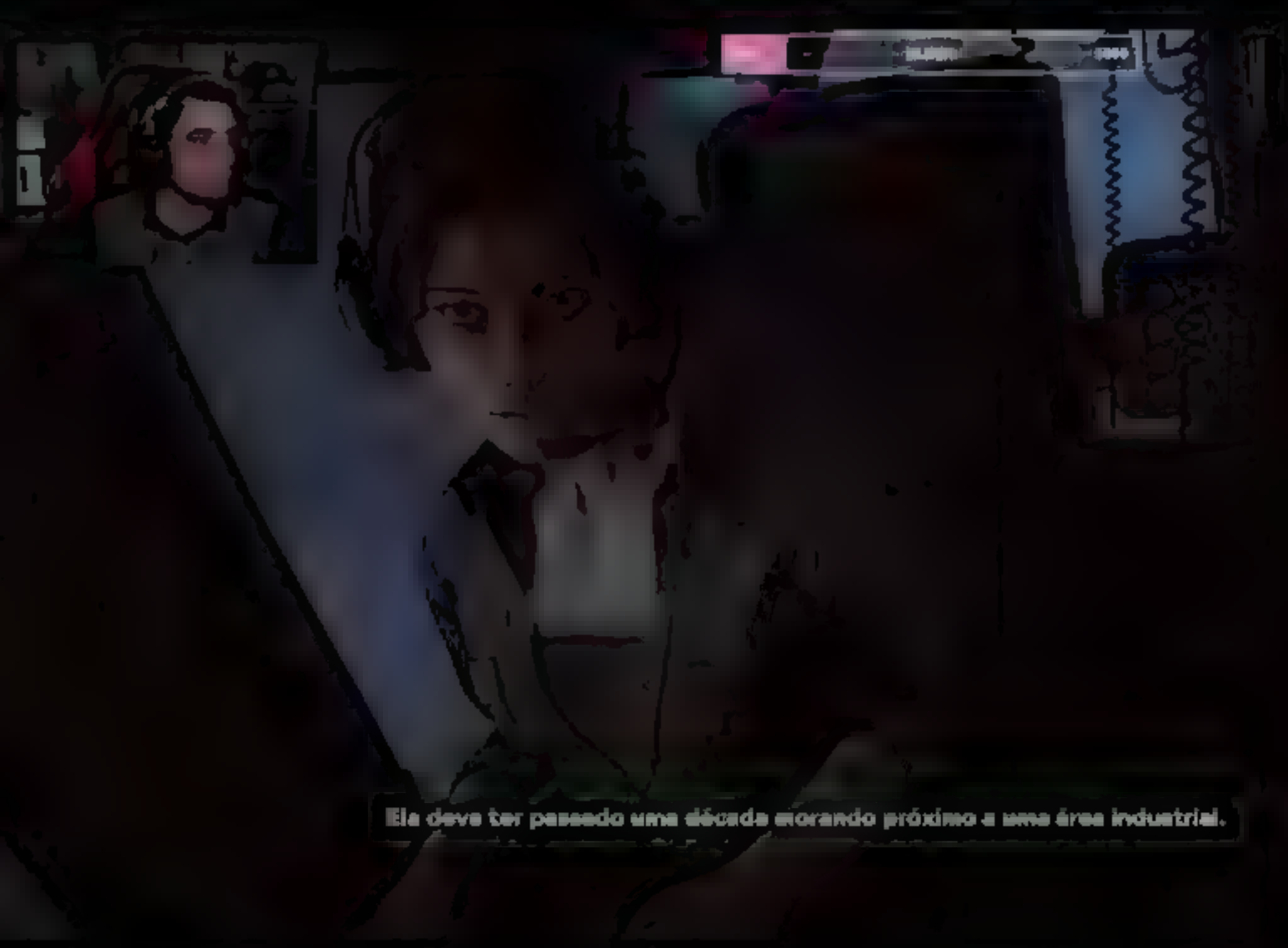
Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете Министров
СССР

Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
Московская типография № 5

Главполиграфпрома
Москва, Мало-Московская ул., 21

105

THE OTTOMAN
EMPIRE
IN
1876
BY
J. H. MURRAY
LONDON
1876

Ela deve ter passado uma década morando próximo a uma área industrial.

R\$1000 em Prêmios na Nossa Loja APENAS ASSISTINDO - R\$4 SÓ CHICAGO

Clickcast Streaming 166 assistidos (Português)

